ПИОНЕР

МАРТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год 3

ХОРОШО, КОГДА У ОКТЯБРЯТ ЕСТЬ ТАКОЙ СТАРШИЙ ДРУГ.

Рисунок Е. Афанасьев

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 35-й.

В этом номере:

На вклейках:

На обложке:

Рисунок В. Каменского «Гимнастка».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Дом имени Карла и Розы

(Продолжение)

Наталия ЛОЙКО

Рисунки Ф. Лемкуля.

В НАРКОМПРОСЕ

Шаги. Шаги... Тишина раннего утра сменилась гулом многих шагов. Не только тротуары, но и мостовые во власти пешеходов. Почти не слышно трамвайных звонков, скрипа извозчичьих полозьев, гудков автомобилей. Москвичи преодолевают расстояния между местом жительства и местом работы пешком. Как и все, деловой походкой шагает Татьяна, рядом с ней покорно семенит Ася. Покорно не только потому, что она побаивается своей спутницы в мужских сапогах, но и потому, что в Наркомпросе, по уверению Вари, ее, Асю, ждут всяческие блага. Ложась вечером на боковую, они обе помечтали вслух о том, как сотрудники школьного отдела взглянут на письмо, затем на Асю, всполошатся и спросят, что ей нужней: валенки или талоны в детскую столовую? Как-никак Асина мама была почти что школьный работник.

С Крымского моста Ася увидела четырехэтажное, с большими окнами здание бывшего императорского лицея, переданное Народному комиссариату просвещения около года назад, когда вместо Петрограда столицей стала Москва. В это здание она приходила с мамой...

— А знаешь, что было прежде в этом доме? — поспешила спросить Татьяна, видя, как поникла Ася.

— Знаю. Подумаешь!..

— А знаешь, какой был первый приказ Луначарского, когда Наркомпрос переехал сюда? — Татьяна, взяв Асю за плечи, заставила ее прибавить шагу.— В подвале-то жили люди, низшие служащие лицея: дворники, прачки, всякая прислуга. Нарком распорядился всех их переселить в верхние этажи.

— Ну и что?

— А то, что весело было! Перекочевали, как говорится, из хижин во дворцы.

Татьяна рассказала еще кое-что из наркомпросовских преданий; события летели так стремительно, что каждое из вновь возникающих учреждений тут же обзаводилось своей историей. Поначалу, пока не иссякли запасы фуража, в пользовании сотрудников Наркомпроса находилось директорское ландо — нарядный четырехместный экипаж. В нем ездили по районам, в дальние концы Москвы на обследования, на заседания. Впереди на козлах восседал важный кучер в цилиндре, в кафтане с вензелями лицея. Кучера побаивались: он сидел, как истукан,— ни слова! — выказывая, чудилось, даже широченной недвижной спиной презрение как ко всем действиям, так и к невзрачному виду своих новых хозяев.

А служебные бумаги размножались на шапирографе в бывшем карцере. Да, в лицейском карцере, где до сих пор на стене красуется выведенная химическим карандашом надпись: «Отворите мне темницу!» Ася улыбнулась. Довольная, что наконец-то развеселила девочку, Татьяна торопливо втолкнула ее в нетопленый, но чистый вестибюль и повела по мраморной, устланной ковром лестнице.

В коридор второго этажа выходило много дверей, на каждой висела написанная от руки табличка с названием отдела: «Отдел школьной политики», «Подотдел съездов»...

— Куда теперь? — подумала вслух Татьяна.

Ася не сразу отвела глаза от приколотого к стене объявления. Замысловатые буквы, выведенные чернилами, сообщали, что в клуб Наркомпроса «Красный петух» приглашаются все желающие прослушать лекцию о Прометее.

— А тогда,— сказала Ася,— было про Стеньку Разина...

При слове т о г д а черные глаза подозрительно заблестели, сигнализируя Татьяне, что не следует, пожалуй, сразу вести с собою девочку. Лучше без нее рассказать ее невеселую историю. Оглянувшись, Татьяна отвела Асю в актовый зал, пустующий в утренние часы, усадила на стул.

— Жди,— распорядилась она.— Могу я спокойно уйти? Не надуешь?

Ася обиделась.

— Что же, я обманщица?.. Как все?

Оставшись одна, Ася вспомнила с тоской, как они вместе с матерью заглянули сюда, в актовый зал, восхитились высоким лепным потолком, красивым, пусть затоптанным, паркетом. Из стен, как и теперь, торчали железные костылики, и мать пояснила, что здесь, вероятно, висели портреты лиц царской фамилии.

Изваяние Карла Маркса по-прежнему стояло в углу у окна. Теперь рядом с ним повесили большую яркую диаграмму. Ася подошла, чтобы взглянуть на рисунки и географическую карту, вычерченную от руки в центре диаграммы. Интересней всего была подпись, уверявшая, что если все книги, изданные за год Комиссариатом просвещения, сложить в ряд на полке, то полка протянется от Москвы до Рязани. В Асином воображении возникла вьющаяся меж лесов и нив проселочная дорога и по краю ее — книги, книги...

Сквозь распахнутые двери, как и в тот раз, доносились спорящие голоса, так же мелькали фигуры торопливо идущих людей. Про молодых, обязательно куда-то спешащих, напоминающих Андрея, мама сказала, что это скорее всего курсанты, что у Наркомпроса тысяча разных курсов. И вздохнула: «Счастливцы... Верят, что перевернут не только школу, но и весь мир».

Асю потянуло к окну. Прошлый раз стекла еще не были охвачены морозом и Ася любовалась лицейским садом. Среди голых кустарников и деревьев бегали дети, швырялись охапками мокрых листьев. Сейчас Асе захотелось увидеть сад в зимнем уборе. Она поскребла варежкой по шершавому инею. Затем догадалась взобраться на подоконник,

отворить фортку. Белели ветви деревьев, белел весь сад. Среди сугробов толкались дети с лопатами и метлами, расчищали дорожки. Много детей...

Кто-то сзади дернул Асю за пальто. Послышался тихий, но настойчивый голос:

— Слезай! Так высунулась, что ничего не слышит...

Обернувшись, Ася мигом захлопнула фортку. Ослушаться было невозможно: та, что стояла перед ней, была, несомненно, учительницей. Простой, скромной, может быть, даже сельской, откуда-то между Москвой и Рязанью. Из тех учительниц, которые, не повышая голоса, умеют добиться полного послушания. В этом-то Ася разбиралась! И одета, как учительница: кофточка, закрытая до самого подбородка, темный длинный жакет, юбка почти до полу, еле видны ботинки, похожие на детские, на низком каблуке. Глаза не то что сердитые, но строгие и как-то странно выпуклые. И сама, видно, усталая...

— Так слезай же! Свалишься!

Поспешно спрыгнув, Ася ушибла коленку, а главное, задела и без того ноющий локоть, но только чуть поморщилась и лихо поправила сбившийся набок капор. Вряд ли кто из учеников этой женщины решался хныкать в ее присутствии.

Ася сказала с деланной веселостью:

— А что? Баловаться нельзя? В саду полно ребят, а я и посмотреть не могу...

— Вот ты кого высмотрела! — улыбнулась женщина и сразу стала другой. Она как-то по-домашнему пригладила свои темно-русые волосы, прикрутила растрепавшийся пучок.— Понравились наши ребятишки?

— Как, ваши?

— У нас, у Наркомпроса, свой показательный интернат.

Слово «интернат» было знакомо Асе. Она похолодела от страшной догадки.

— Могут сразу схватить?

— Кого?

— Меня! В приют... В интернат ваш несчастный.

— Чего же ты испугалась? И как это ты очутилась у нас?

— Добрая фея привела.

— Кто?!

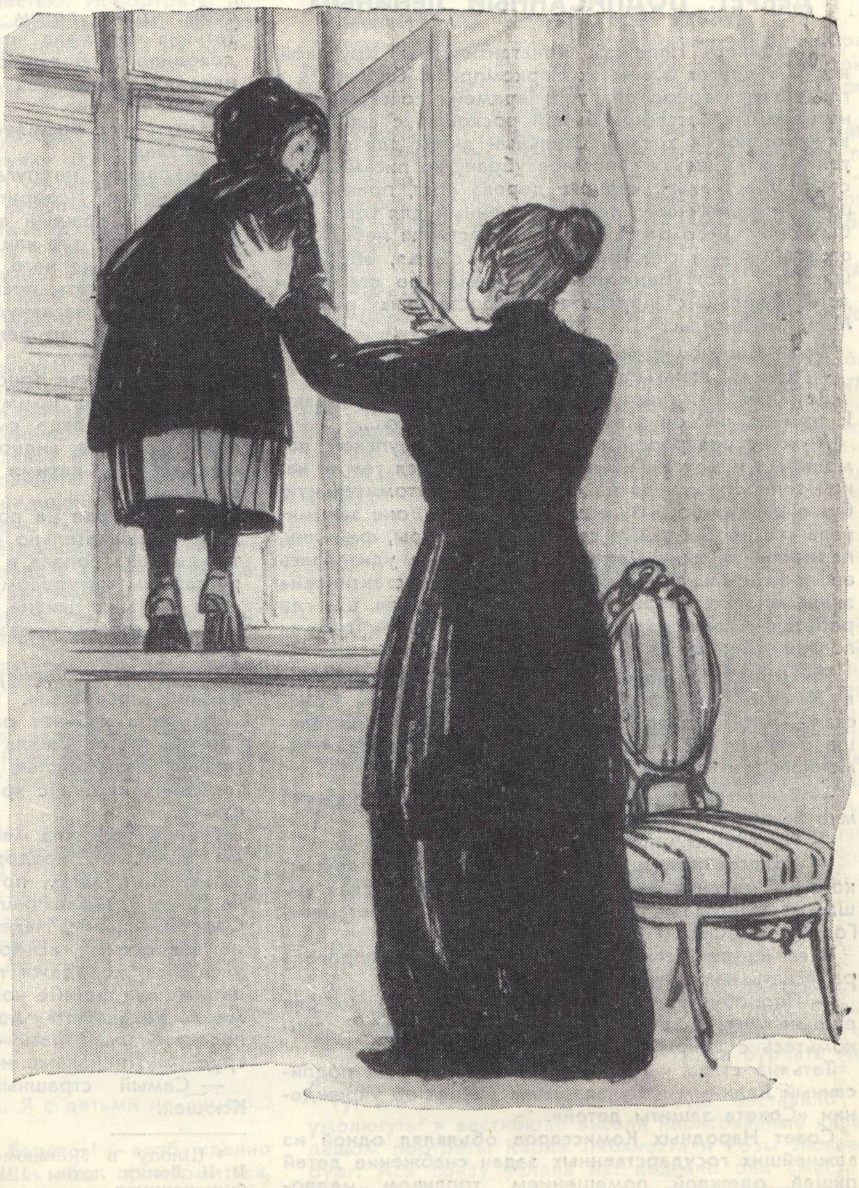
— Большевичка одна. Хитрая! Как и все они, понимаете? — Черные глаза Аси вдруг сердито блеснули.— Вы чему смеетесь? Истинная правда! Вела меня сюда, а про интернат ни словечка. Зубы заговаривала.

— В интернате у нас все переполнено, глупая. Попросишься, не возьмут. А ты что? Ты в семье живешь или как?

Асина собеседница беспокойно оглянулась на двери; было видно, что она не располагала свободным временем. Однако присела выслушала Асины жалобы, затем произнесла:

— Глупенькая... Бояться тут нечего. Для чего же сейчас так спешно создают детские дома? Чтобы всех вас сохранить.— Улыбка тронула ее губы.— Тоже большевистская хитрость! Так кто же эта посторонняя женщина, что ради тебя пришла к нам?

— Так, одна... Дедусенко.— Ася выложила все, что знала про Татьяну Филипповну. Последние слова произнесла, осуждающе поджав губы:— Не только шить умеет, но и командовать. И сказки рассказывать, когда ее не просят.

— Слезай! Так высунулась, что ничего не слышит...

— Очень хорошо!
— Ничего хорошего.
— Но ты все-таки дождешься ее, не сбежишь? Или струсила? Признавайся...
— Может, и струсила, а дождусь! Не обманщица!
— Я и вижу, что не обманщица. Только в форточку больше не лезь. А Дедусенко передай, чтобы сразу шла ко мне. Пусть войдет в приемную и скажет, что ее звала Надежда Константиновна.
— Кто? Ладно. Скажу.
Уже в дверях Надежда Константиновна сказала:
— И не грусти. Никто тебя насильно не схватит.
— Пусть хватают. Мне все равно.
— Уж и «все равно»! Почему же нам, взрослым, не все равно, что с тобой станет? Ну, ну, не вешай носа! Будет невмоготу, прибежишь сюда. Запомнишь, к кому? К Надежде Константиновне.

ДЕКРЕТ, ПОДПИСАННЫЙ ЛЕНИНЫМ

В кабинете Надежды Константиновны Крупской, как и в других комнатах Наркомпроса, бросалось в глаза характерное для того времени сочетание так называемых «остатков былой роскоши» с суровыми вкусами новых хозяев. Стильный диван для посетителей—и донельзя скромное убранство письменного стола. Массивный, черного дерева стол, примыкающий к письменному, предназначенный для того, чтобы вокруг него рассаживались участники небольших совещаний,— и скромные венские стулья, обступившие этот стол. Великолепно отделанные стены — и два небольших портрета в простеньких рамках: Маркс и Энгельс.

Преодолев смущение, Татьяна села.
— Так вы жена Дятла?
Вот как!.. И партийную кличку Григория знает. И помнит, как он заезжал к ним в Краков...
Муж не раз рассказывал Татьяне о Крупской, помощнице и друге Ленина. Он восхищался тем, с какой точностью, неся на своих плечах утомительную будничную работу большевистского ЦК, она запоминала все необходимые сведения — шифры, фамилии, партийные клички. Теперь Татьяна сама удивлялась ее поразительной памяти. Надежда Константиновна знала многих товарищей Григория, помнила, кто где работал в годы подполья, на какой участок работы послан сейчас.

Расспрашивая, каким делом занимался Дедусенко в Москве до того, как стал командиром, Крупская — так показалось Татьяне — старалась побольше разузнать и о ней самой. Роясь в ящике письменного стола, она спросила:
— Вы читали письмо, которое ваш муж направил мне накануне отъезда? О детских домах.
— Не только читала, каждую строку помню.
— Хочется показать вам один документ, декрет, который на днях будет опубликован.— Крупская вышла из-за стола и тихо позвала своего секретаря:— Голубушка, Ольга Степановна!
Взяв из рук секретаря бумагу, она попросила разыскать какую-то Гущину:
— Попробуйте, Ольга Степановна. Возможно, она еще не ушла. А вы, товарищ Дедусенко, пока ознакомьтесь с декретом.
Татьяна стала читать. В руках у нее был подписанный Лениным и Луначарским декрет об учреждении «Совета защиты детей».
Совет Народных Комиссаров объявлял одной из важнейших государственных задач снабжение детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медпомощью — всем необходимым. Прямо, без всяких обиняков в декрете было сказано о тяжелых условиях жизни в стране. Сказано, что революционная власть обязана сберечь в опасное время подрастающее поколение. Сдвинув светлые брови, Татьяна старалась затвердить слова декрета. Она хотела, не упустив ни одной подробности, написать о нем Григорию. Ведь именно об этом — о том, что сказано в декрете,— ее муж мечтал в последний вечер перед отправкой на фронт.

В кабинет вошли два паренька с завода Бромлей. Разговор зашел о только что возникшей там профтехнической школе. Крупская внимательно выслушала обоих, не мешая им препираться, перебивать друг друга. И Татьяне вспомнилось, как один из товарищей Григория, побывавший в свое время в партийной школе в Лонжюмо [1], уверял, что никто так не умеет слушать, как Крупская. По его словам, где бы Надежда Константиновна ни была — в уличной ли толпе, на собрании ли,— она все впитывала в себя, чтобы потом передать Владимиру Ильичу. Татьяна подумала, что, верно, до Ленина и теперь доходило то большое и малое, что Крупская выясняла из разговоров со множеством лиц, посещавших ее кабинет.

Напутствуя бромлеевцев, Надежда Константиновна сказала:
— Главное, не пугайтесь трудностей. У всех так. Дело новое. Поверите, вот в Наркомпросе работаешь, так каждый вечер словно уроки готовишь! Жизнь ставит тот или иной вопрос, и для того, чтобы ответить на него, разобраться в нем, надо ряд книг перелистать, посидеть над материалами.
В кабинет заглянул пожилой наркомпросовец с потрепанным портфелем под мышкой, в пенсне на замерзшем носу.
— Я, Надежда Константиновна, только что из клуба «Парижская коммуна».
Наркомпросовца сменила очень живая, прямая станом старуха, видно, большая спорщица. Разговор шел о том, какими должны быть букзари для взрослых.
Татьяна, сидя на покойном, обтянутом гобеленом диване, внимательно следила за всем. С той минуты, как она попала в этот кабинет, она со все возраставшим интересом, даже с завистью вбирала в себя дыхание жизни, которую почти не знала, и которая теперь показалась ей такой привлекательной.
Крупская, полуприкрыв лицо рукой, слушала очередного посетителя.
Двери в кабинет распахнулись, и вошла Гущина. Татьяна еле сдержала улыбку: так не вязались энергичные, размашистые жесты, грубошерстная, колом торчащая куртка с хрупким, нежным обликом девушки.
Гущина тряхнула мягкими, коротко подстриженными волосами, поздоровавшись таким образом с Татьяной, а затем по приглашению Крупской села на стул, по-мальчишески закинув ногу на ногу. Спрятав улыбку, Надежда Константиновна рассказала, как осенью, вскоре после съезда РКСМ, группа учащейся молодежи пришла с просьбой использовать их «на фронте коммунистического просвещения масс». Большинству из них Надежда Константиновна посоветовала отдать свои силы детским домам — трудному, неналаженному делу.
— Самый страшный дом достался бедняжке Ксюше...

---

[1] Школу в Лонжюмо, под Парижем, организовал В. И. Ленин летом 1911 года для русских рабочих-большевиков.

«Бедняжка Ксюша» вскочила, сунула руки в карманы, всем своим видом показывая, что никому, кроме товарища Крупской, она, товарищ Гущина, не позволит называть себя так по-домашнему.

— Не говорила я, что самый страшный... Отлично справлюсь...

Надежда Константиновна улыбнулась.

— Ты просила совета? Так присядь на диван и поведай товарищу Дедусенко без прикрас о положении в бывшем Анненском.

— Он не Анненский! Я забыла сказать, у нас в прошлое воскресенье митинг был. Мы теперь «Имени Карла и Розы».

— Карла и Розы? — не сразу отозвалась Крупская.— Надо стать достойными этих имен... Хотя, раз ты сумела своих башибузуков созвать на митинг, надежда есть.

— Пока небольшая,— призналась Ксения.— Вместе со мной собралось двенадцать человек. Но вообще-то и протокол есть, честь честью. И портреты достала в райкоме. Такие вот,— она показала пальцами размер портретов,— крошечные. Одна из наших кикимор взялась увеличить...

— Ксюша! Уговорились... Не кикиморы, а преподаватели.

Ксения промолчала, но румянец на мягко очерченных щеках стал ярче. Татьяну удивила сила этого румянца, столь редкого в голодное время.

Крупская склонилась над большим блокнотом, а Ксения, устроившись на диване рядом с Татьяной, стала вполголоса рассказывать о бывшем Анненском институте. «Благородных девиц» там осталось немного, лишь та часть сирот, кого не разобрала по домам родня. Теперь под одним кровом нашли пристанище и институтки, и дети красноармейцев, и вообще самые разные мальчики и девочки, осиротевшие недавно, взятые прямо из дому, а то и подобранные на вокзалах, на рынках, на улице.

Ксения, вскидывая свои тонкие, слозно наведенные кисточкой брови, ужасалась «невероятной социальной запущенности вверенного ей коллектива». Она привела случай, происшедший в канун Нового года. Из Средней Азии в адрес детских учреждений Москвы прибыла курага. Детдомовцы чуть не плясали, предвкушая с вечера обед с третьим блюдом, но утром выяснилось, что замоченные на ночь в кухонном котле сушеные фрукты для компота кто-то повыловил все до последней абрикосинки.

— Все вытащили! — забывшись, громко сказала Ксения.— А наша первая обязанность — накормить ребят!

— И одеть! — неожиданно вмешалась Крупская, выразительно взглянув на Ксению.— Расскажи, как ваши дети одеты. Товарищ Дедусенко — швея.

— А-а-а...

Ксения живо изложила, как плохи дела с одеждой. Девочек не устраивает прежнее институтское одеяние: длиннющие платья с китовым усом в талии, со шнуровкой, с короткими рукавчиками под пелеринку. Мальчикам и вовсе худо. Кладовая полна добротной, но нелепой, неудобной одежды.

— Неужели некому руки приложить? — вырвалось у Татьяны.

— Вот в том и беда,— подхватила Надежда Константиновна.— Ох, как нужны добросовестные, умелые руки!

Татьяна поняла Крупскую.

— Нет, нет! Только не я... Я с детьми не сумею... Нет, не берусь.

— Посмотрели бы, кто берется! — возбужденно перебила Ксения.— Идут, лишь бы прокормиться, лишь бы перебыть разруху...

— Ксюша! Опять крайность!..— Крупская обратилась к Татьяне: — Не умеют взять в руки иглу — вот в чем в данную минуту беда всего персонала.

— Гладью вышивать, пожалуйста! — негодующе ввернула Ксения.

— Не только руки нужны,— как бы про себя проговорила Татьяна.— Тут требуется и голова. Возьмешься — поневоле станешь во все входить. Мимо же не пройдешь...— В ответ на внимательный взгляд Надежды Константиновны она поспешила закончить свою мысль:—Тут надо и педагогом быть. Понимающим человеком. Верно ведь?

— У французов есть пословица,— улыбнулась Надежда Константиновна.— «Крепость, которая ведет переговоры, близка к сдаче».

— Нет! Что вы... Куда мне!

— Когда пришло письмо Дедусенко,— уже без улыбки произнесла Крупская,— мы тут призадумались. Главное, поднять людей на это дело. Своих людей...

Кончилось тем, что «крепость» сдалась.

Крупская, напутствуя Татьяну, не пыталась изобразить все легче, чем оно было на самом деле; она подтвердила, что придется быть и педагогом, придется во многое вмешиваться. Она сказала:

— Особенно нужны те, кто сам ощущает потребность воспитывать детей в революционном духе, те, кто сумеет делать это, приобщая их к труду.— И повторила свою любимую мысль о том, что трудовой процесс учит ребенка познавать самого себя, измерять свои силы и способности.

Когда Татьяна выходила из кабинета, Надежда Константиновна удержала ее вопросом:

— Девочку не забудете? Ту, что большевиков не одобряет за хитрость.

— Ох, я нескладная! — смешалась Татьяна. Взволнованная всем происшедшим, она и впрямь забыла про Асю, про цель своего визита в Наркомпрос.— Вот видите... А вы мне сотни ребят хотите доверить! Так что же мне с девочкой делать?

— Как что? Взять с собой. В Дом имени Карла и Розы.

БЕЛЫЕ ПЕЛЕРИНКИ

Над площадью, еще недавно звавшейся Анненской, взошло тусклое зимнее солнце. На карнизных выступах под крышей бывшего Института ордена святой Анны заискрился снег; порозовели, заблестели сохранившиеся кое-где стекла слуховых окон, а вся громада здания еще в тени. Затенен и дворик, утонувший в сугробах, и кое-как проложенная дорожка.

К распахнутой, вмерзшей в снег калитке подошла Татьяна с двумя детьми.

— Вот дом, в котором мы будем жить.

Шурик насмешливо отозвался:

— Дворец с чудесным старинным парком?

Мать, словно оправдываясь, пояснила:

— Парк, вероятно, сзади, за зданием.

Ася процедила:

— Казарма, и все!

Сказала она это из упрямства. В действительности же здание, украшенное колоннами, треугольным фронтоном (чем не театр или музей?), восхитило ее.

— И внутри казарма! — продолжала бурчать Ася, открывая дверь.

Тут же внезапное чувство стыда заставило ее умолкнуть: в вестибюле висели нарисованные карандашом портреты Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Ася сразу узнала их: недавно она вместе с Варей провожала глазами траурные колонны мо-

сквичей. Теперь она входит в дом, названный именами этих двух погибших коммунистов.

Что ее ждет тут?

Холодно. Пусто. Треснувшее окно, первое от входной двери, забито большой картонной таблицей с красочными изображениями памятников египетской культуры.

В высоком, просторном помещении гулко отражался каждый звук; Татьяна шепотом попросила детей подождать внизу.

— Скоро приду.— И подала знак сыну, как бы вверяя ему Асю.

Шурик расстегнул пальто, чтобы была видна красная жестяная звезда, приколотая к курточке, и сел на чемодан. Ася облокотилась на подоконник, очутившись лицом к лицу со сфинксом и фараоновой гробницей. На свою сплетенную из прутьев корзину она не рискнула сесть: крышка могла прогнуться, корзина была полупустой. Варя не дала с собой лишних вещей: ведь теперь в детские дома набирают кого попало, даже воришек с Сухаревки. Ася и сама хотела взять поменьше: кто знает, не придется ли ей сегодня же пуститься в обратный путь?

Хотя... Варя прямо сказала: «Другого спасения нету, как детский дом. Не будет у нас с тобой больше ни катушек, ни бараньего супа.— Но все же добавила:— Если уж очень-очень невмоготу будет, я тебя заберу, не брошу».

Уговаривая Асю пожить в детском доме, в бывшем институте, Варя раскрыла ее любимую книжку и давай восхищаться: на каждой картинке девочки в белых пелеринках! Ася всегда удивлялась взрослым, считавшим чтение этих книжек вредным занятием. Оторваться нельзя... До чего же интересной была жизнь в этих благородных институтах!

Ася отворачивается от сфинкса, оглядывает пустой вестибюль. Подумать только! Совсем недавно тут прогуливались хорошо воспитанные девочки, низко приседали в реверансе...

Обещания Дедусенко, что Асю будут кормить не один, не два, а четыре раза в день, что от такого режима локоть обязательно заживет, конечно, возымели свое действие, но решили дело доводы Вари. Разве мало значило, что Асю определили не в какой-нибудь жалкий приют, а в известный на всю Москву Аннеиский институт?

Правда, поскольку теперь равноправие, здесь появились хулиганы-мальчишки, но от них надо держаться подальше — так они с Варей решили. А Варька-то! Словно обрадовалась, что ей не надо больше возиться с Асей. Привела ее чуть свет в гостиницу «Апеннины» и бегом на фабрику. Там получен срочный заказ, такой срочный, что Варя и не обещала навестить Асю в ближайшие дни. Будет от зари до зари шить шелковое белье — мужское и женское. Работницам разъяснили, что на скользком материале не удерживается ни один тифозный паразит, поэтому для персонала лазаретов и сыпнотифозных поездов спешно готовится особое обмундирование. Ася услышала про это вчера и не спала полночи. Если бы раньше знать секрет и иметь деньги, чтобы купить маме шелковое белье!

Ася не разрешает себе спорить с богом, но вчера она такое про него подумала, что потом долго повторяла молитвы, замаливая грех. Замолила и стала просить, чтобы он, милосердный, не забывал про Анненский институт, если она в нем останется. Чтобы тепло было, чтобы хлеб был насущный, и воспитатели добрые, и мальчишки неозор-

— Может быть, действительно не будем дикарями! — крикнула Татьяна Филиповна.

ные. И еще чтобы кончились все эти войны и за нею вернулся Андрей. Господи, ведь без твоей воли ни один волос не упадет с головы!..

В последнюю ночь думалось о многом: например, о том, что придется следить за руками, не растопыривать пальцы, не делать новых расчесов. На уроках в ее классе многие ребята потихоньку терли между пальцами, там, где особенно густо сидят мелкие водянистые пузырики. Школьный врач предупреждал: нельзя расчесывать, этим разносишь по коже чесоточных клещей, производишь новое заражение; но когда класс протапливали и от тепла зуд становился сильнее, нельзя было удержаться. Своих-то ребят Ася не стеснялась, а здесь?..

— Ася! — окликает ее Шурик.— У тебя же были косы.

— Ну и что?

— Я знаю, почему ты их отрезала.

Ася пугается.

— Почему?

— Чтобы мальчишки не дергали.

— Верно.

Никто, кроме Аси и Вари, не должен знать, что Варя, срезав ее косы, долго орудовала частым гребнем, чтобы не было стыдно за волосы, которые редко мылись в эту зиму.

— Все тут, наверное, дразнятся,— вздохнул Шурик.

— Пусть,— ответила Ася.

Погрустнев, она стала загадывать, прозовут ли ее Цыганкой или будут кричать вдогонку, что глаза у нее, как сковородки?

На лестнице наконец показалась Татьяна Филипповна. Опередив ее на целый марш, к детям сбегала Ксения. С ней Ася уже была знакома, уже успела в Наркомпросе поцапаться из-за того, можно ли называть советский детский дом приютом.

Воспитательница!.. А похожа на воспитанницу. Совсем была бы девчонкой, если бы не куртка. Сразу видно: надела для храбрости, чтобы детьми командовать. Ясно, такой воспитательнице мальчик со звездой милее, чем девочка в бархатном капоре...

Татьяна Филипповна шутливо поворачивает Асю к себе.

— Спиной к обществу стоять не полагается. Знаешь, куда тебя сейчас поведут? В столовую.

В столовую? Вот здорово! Не успели прийти, как на них уже выписан паек! Варя не зря говорила: «Теперь государство взялось о тебе заботиться, ты уж пользуйся!»

— Завтракать! — торопит Ксения и пробует, не слишком ли тяжела для Аси ее корзинка.— Вещи пока оставите у меня.

Над лестничной площадкой висело два красных полотнища. На верхнем было выведено:

«Мы наш, мы новый мир построим».

Нижняя надпись уже давно смущала Ксению:

«Дети, любите друг друга!»

Ей захотелось спросить Дедусенко: «Не пахнет поповщиной, на ваш взгляд?»,— но та не смотрела на Ксению, а склонилась к ребятам, обняла обоих. Обняла и сказала:

— Ну, храбрецы, вступаем в неведомую страну!

В комнате Ксении стоял большой рояль, на нем фарфоровый мопс и статуэтка: пастух и пастушка. Выше красовался плакат: «Граждане, сдавайте оружие!».

— Поверите, товарищ Дедусенко, днем к себе и не заглядываю...— Ксения поспешила сдвинуть безделушки в дальний угол рояля, на пыльной поверхности которого сразу обозначились ярко-черные полосы.— Все руки не доходят повыкинуть это мещанство.— Она ударила ладонью о ладонь, отряхивая пылинки.— Досталась мне обстановочка от параллельной дамочки...

Ася оживилась и не преминула щегольнуть перед Шуриком своими познаниями.

— Параллельные дамы — это, например, французские и немецкие. Разговаривают с институтками каждая на своем языке.

Татьяна Филипповна сказала:

— Так идемте, Ксения!

— Пошли! Только, товарищ Дедусенко, если можете, зовите меня при всех Ксенией Петровной.

— А меня... Не Шуриком, мама, а Шуркой.

— Слушаюсь! — улыбнулась Татьяна, поняв, что с этой минуты она для всего мира Татьяна Филипповна.

Столовая, расположенная в первом этаже, напоминала трапезную монастыря. Толстые стены, глубокие проемы окон, длинные столы и скамьи. На столах в ожидании едоков стояли, сгрудившись, жестяные кружки и стопки таких же тарелок. Там, где дети уже примчались к завтраку, воспитатели накладывали из кастрюль на тарелки жидковатое картофельное пюре, разливали из объемистых медных чайников темный, не заправленный молоком кофе. Из кружек поднимался белый, густой на холоде пар. Был виден и парок дыхания. Не дожидаясь горячего, ребята жадно расправлялись с хлебом.

Ксения подвела Асю и Шурика к крайнему, пустому столу и сказала:

— Потерпите. Пойду добывать на вашу долю.— Прежде чем отойти, она, скорчив гримаску, указала Татьяне Филипповне на длинноволосого молодого человека, выходившего из кухни.— Бывший латинист. Нанялся воспитателем...

Длинноволосый воспитатель, оставшийся не у дел с тех пор, как в школах упразднили латынь, видно, чувствовал себя в новой роли прескверно. Напряженно вытянув перед собой руки, он нес поднос с хлебом. Подойдя к столу, по которому его подопечные нетерпеливо колотили ложками, он быстро поставил на середину поднос и отскочил, словно от горячей плиты. Дети — и мальчики и девочки — бросились к хлебу. Кто был сильнее и обладал наметанным глазом, хватал кусок получше. Из-за одной горбушки просто передрались.

Шуркина шершавая рука непроизвольно отыскала Асину, вцепившуюся в край скамьи.

Картину, которую наблюдали новички, довершал неказистый вид детдомовцев. Локти и коленки мальчишек выглядывали из прорех. Зеленые камлотовые платья девочек, рассчитанные на пелеринки и накрахмаленные нарукавники, оставляли руки голыми. На плечи накидывалось что попало: платок — так платок, полотенце — так полотенце.

«Белые пелеринки!» — подумала Ася и принялась сводить про себя счеты с Варькой.

Шум за столом латиниста утих: рты были набиты хлебом. В столовой появился новый табун детей. Приведшая их далеко не молодая воспитательница в длинном, старомодном платье, с зачесанными вверх — валиком — волосами, со странно испуганным лицом поспешила на кухню, а ребята расселись вокруг стола, стоящего в центре, и принялись барабанить ложками.

«Порядочек!» Не без ехидства покосилась Ася в сторону Татьяны Филипповны, по дороге воздававшей хвалу разумному режиму детских учреждений.

Из кухни вышла седовласая воспитательница с подносом, нагруженным хлебом.

— Господа, не будем дикарями! — еще издали взмолилась она.

Но «господа» повскакали со своих мест и потянулись к хлебу. С грохотом опрокинулась скамья. Татьяна Филипповна метнулась в самую свалку.

— Может быть, действительно не будем дикарями! — крикнула она, не соображаясь с акустикой помещения. Голос ее не прозвучал, а прогремел.— Отдайте хлеб!

От неожиданности дети прекратили возню, уставились на незнакомую им женщину, поднявшую поднос над головой.

— Садитесь! — потребовала Татьяна Филипповна.

В опыте ее собственного полуголодного детства имелся испытанный способ дележки. Один из ребят закрывает глаза, другой, ткнув пальцем в любую из порций, спрашивает: «Кому?»

— Садитесь же,— повторила Татьяна Филипповна.— Сейчас все поделим.

Однако не тут-то было.

— Тетка! Отдавай хлебушек!— понеслось со всех сторон.

— Не твой! Казенный!

— Не имеешь права, буржуйка! Ишь, чистюля!

Если бы не помощь подоспевшей Ксении, поднос был бы вышиблен из рук. Только страх обронить хотя бы одну драгоценную крошку останавливал даже самых отчаянных.

Не дав детям опомниться, Ксения сунула каждому в руку по ломтю, но одна детская ладонь осталась пустой. Кто-то, воспользовавшись суматохой, ухитрился стащить двойную порцию хлеба. Пострадавшая девочка завыла в голос. Воспитательница в старомодном платье стояла, обиженно поджав губы.

Ксении пришлось пойти за собственной порцией хлеба. Сев рядом с сыном, пытаясь скрыть смущение, Татьяна Филипповна молча корила себя: «Тоже... Вспомнила детство!»

Неудачное вмешательство Татьяны Филипповны сконфузило Асю не меньше, чем Шурку, однако оба утешились, как только Ксения поставила перед каждым тарелку с пюре — теплым, похожим на кашицу, восхитительным! Втягивай в себя, как гречневую размазню из любимой Асиной сказки.

Ксения принесла завтрак себе и Татьяне Филипповне. Садясь, вздохнула:

— Сплошь анархисты, хотя и представители различных классов! — И стала поругивать каких-то райкомовских ребят, которые воображают, что можно в два счета превратить собственнические инстинкты в общественные.

Ася, неуверенная в том, что и у нее все в порядке с собственническими инстинктами, смущенно поймала ртом последнюю каплю кофе, стекавшую с краев кружки, и задумалась. Если райкомовские ребята (какие они: вроде торфостроевцев?) потребуют, чтобы Ксения занялась Асиными инстинктами, если Асе будет очень-очень невмоготу, она напомнит Варе о ее обещании.

Из кухни вышла деревенская с виду старуха в темном фартуке и напустила в столовую теплого воздуха, пахнущего щами, обедом, сытостью... Шурка подмигнул Асе, словно предлагая расстаться с невеселыми мыслями. Ася потянула носом и рассталась...

— Сейчас, товарищ Дедусенко, ознакомитесь с нашим учреждением,— произнесла Ксения, вставая и собирая тарелки.— Ребят я мигом пристрою.

Татьяна Филипповна решила по-своему.

— Давайте ребят возьмем с собой, покажем им дом, Ксения... Ксения Петровна.

Дедусенко-младший внес поправку:

— Вовсе и не дом и не учреждение. Неведомую страну!

ПО НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ

Пошли по неведомой стране. Вначале это был длинный коридор с высоким потрескавшимся потолком, потом унылая канцелярия, где Ксения велела вписать в какую-то толстую книгу фамилии Дедусенко и Овчинниковой. Затем опять коридор.

— В этом крыле, между прочим, домовая церковь,— сказала Ксения.

Ася поспешила к массивным, украшенным резьбой дверям, прильнула к замочной скважине. Потянуло ладаном, сладковатым запахом прошлого. Раз уж Ася занялась изучением новой земли, она будет делать раскопки. Так же, как, например, на Черных Болотах. Там, прорубая просеки, роя в торфяной толще канавы, рабочие находили всякие черепки, кости давно вымерших животных, даже мамонта. И краеведческая комиссия установила, что на том бугре, где начали строить временную электростанцию, давным-давно было стойбище предков. «По обломкам установили,— так объяснил Андрей,— и по частям скелета». Вот и Ася... Она по запаху может представить себе церквушку, где трепещет пламя свечей и девицы во всем празднично-белом чинно простаивают долгую службу, замаливают свои прегрешения за неделю.

Ася взялась за дверную ручку:

— Открыть нельзя?

Холодные пальцы Ксении приподняли Асин подбородок. Приподняли, чтобы продемонстрировать большую сургучную печать, молчаливо охраняющую вход. Басом, по-дьяконски, Ксения объявила:

— Волею революции во всех учебных заведениях ликвидированы как домовые церкви, так и часовни любых вероисповеданий. Церковь святой Анны закрыта на веки веков. Аминь!

— И верить не позволяют?— с вызовом спросила Ася.

— Верь, пока не поумнеешь,— нахмурилась Ксения и стала вполголоса что-то втолковывать Татьяне Филипповне.

— Самый сложный участок,— услышала Ася.— Еще повезло, что заведующий нашим домом подкованный атеист, естественник... Представьте, его охотно слушают!

«Анархисты... Атеисты!.. — недоумевала Ася.— Называется детский дом!»

Тем временем Ксения разыскала глазами висящий невдалеке от церковных дверей выпрошенный ею вчера в райкоме плакат: «Царь, поп и богач на плечах у трудового народа». И тут же поспешила его содрать. Кто-то, как видно, обидевшись за попа, густо зачернил углем его пузатую фигуру. И написал наискосок: «Не трожь!» Кто-то из тех, что вчера начали свистеть, когда она (что делать? Ведь завдомом выбыл из строя: схватил воспаление легких!) вздумала поговорить о вреде религии. Действовала она вроде правильно. Но кто знает? Когда Ксения с десятком других членов Коммунистического союза молодежи пришла в Наркомпрос, Надежда Константиновна не один раз подчеркнула необходимость такта в антирелигиозной работе среди детей.

Ксения обернулась к шедшей сзади Татьяне Филипповне:

— Что такое такт, товарищ Дедусенко? Сформулируйте поточнее.

— Ну... Правильный подход, что ли,— холодно ответила та, усмотрев в вопросе справедливый, но малоприятный намек.— Умение действовать, поступать кстати...— Чувство юмора пересилило в ней досаду.— Если поточнее, то могу сказать, что после моих нескладных действий в столовой, пожалуй,

бестактно спрашивать меня, что такое такт.

Обе рассмеялись, но тут же вскрикнули, наскочив в полутьме коридора на железную кровать с продранной, провисшей до полу сеткой.

— Вот черт! — кряхтела Ксения, потирая коленку.— Покалечили койки, теперь натыкайся на них!

— Кто калечил? — спросил Шурик.— Институтки?

— Это уже наши постарались! Первые из новичков. Хватиться не успели, как они принялись скакать на кроватях чуть не до потолка.

— Анархисты! — вставил Шурик понравившееся ему словечко.

— Просто некультурные! — осадила мальчика Ася, заподозрив его в стремлении понравиться Ксении.

Ксения сердито передразнила Асю:

— Некультурные! Откуда же им быть культурными? Без гувернанток росли, отдельной кровати не знали. А культурные, если хочешь знать, больше вреда сотворили. Поусердствовали, чтобы ничего нам не досталось.

Волнуясь, она рассказала о том, как прежний персонал уничтожал учебные пособия, классную мебель, посуду. О том, какую невеселую картину разрушения застали в институте новые хозяева.

Пока шли по коридорам, Ксения без устали продолжала говорить. Сообщила, что кое-кого пришлось повычистить. Самых заядлых, злостных, старорежимных. А новых работников подобрать нелегко: ведь дела хватает на круглые сутки. Идут сюда в основном многодетные, и то при условии, что их детям разрешат жить при родителях, а не в общих спальнях.

— Оно и понятно,— заключила Ксения, желавшая быть справедливой.— Понятно, если заглянешь в наши милые спаленки.

— И я буду с мамой? — быстро спросил Шурик.

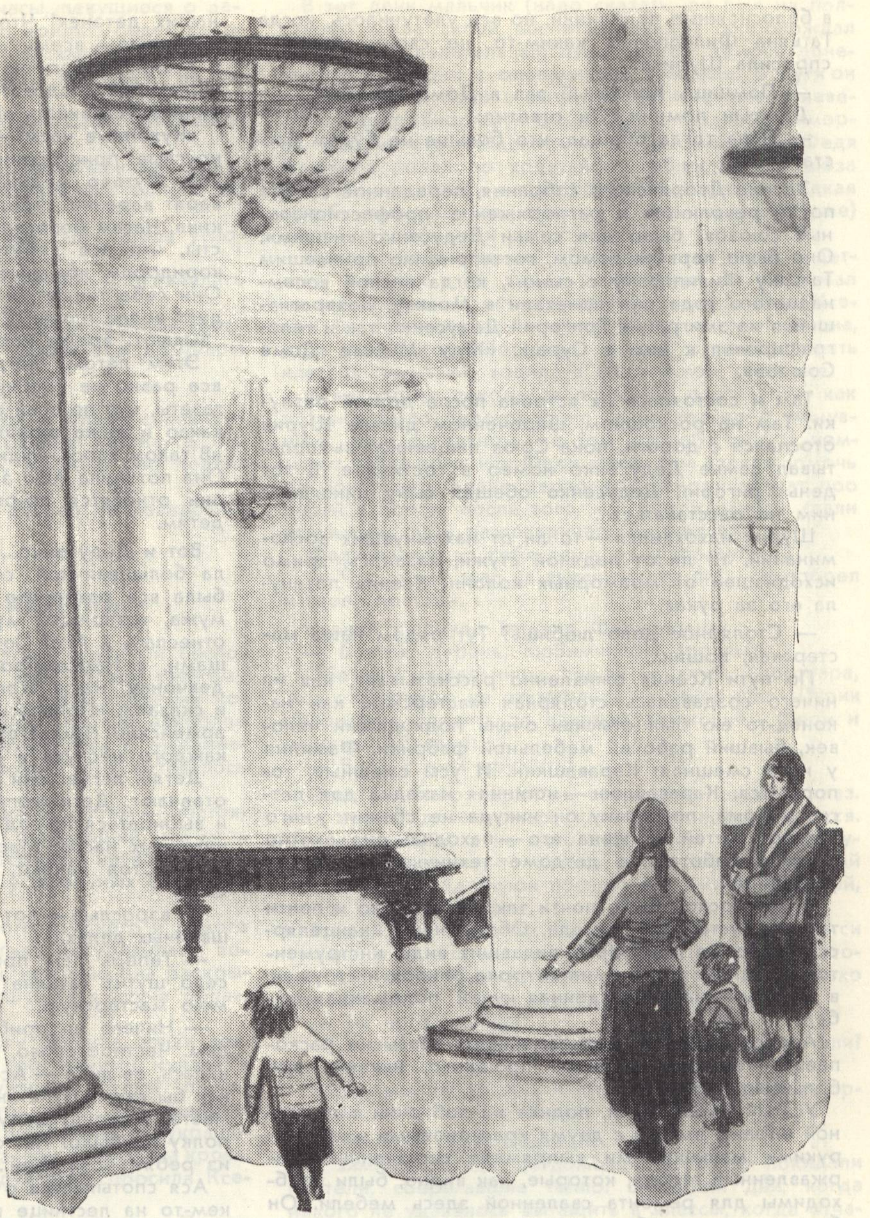
— И ты. Вам дадут комнату на двоих. Да еще рояль сунут: некуда девать эти бандуры...

Ася подумала, что и ее мама могла бы преподавать здесь ручной труд. Подумала и ощутила неожиданное желание надрать уши мальчишке, прыгавшему рядом с ней.

— Вот и знаменитый зал! — сказала Ксения.

Наступила очередь повеселеть Асе.

— Правда? Для балов?

— Вот и знаменитый зал! — сказала Ксения.

— Тебе что, танцклассы понадобились? Зал для собраний и конференций. Лучший в районе. Только зимой холодище...

Пусть холодище! Ася торопится войти. Зал выглядит внушительным, даже торжественным, несмотря на полное запустение. Настоящий праздничный зал с двумя рядами белых мраморных колонн. Сюда со всего здания сволокли рояли, на которых когда-то благородные девицы разучивали гаммы и этюды. Один из этих инструментов стоял, накренившись набок, словно огромное животное с подбитой лапой.

Фантазия Аси разыгралась. Пыльный, затоптанный паркет засиял, отражая огни люстр; по паркету заскользили девицы с осиными талиями, наряженные

в белоснежные пелеринки, но все улетучилось, когда Татьяна Филипповна каким-то не своим голосом спросила Шурика:

— Помнишь Колонный зал в Доме Союзов?..

Да, сын помнил. Он ответил:

— Папа тогда обещал, что больше не будем расставаться...

Здание Дворянского собрания, переданное вскоре после революции в распоряжение профессиональных союзов, было для семьи Дедусенко «нашим». Оно было первым домом, гостеприимно принявшим Татьяну Филипповну с сыном, когда весной восемнадцатого года они приехали в Москву. Возвратившийся из эмиграции Григорий Дедусенко так и телеграфировал к ним в Сураж: «Жду Москве Доме Союзов».

Там и состоялась их встреча после долгой разлуки. Там на роскошном, широченном диване Шурик отоспался с дороги, пока Союз пищевиков выхлопатывал семье Дедусенко номер в гостинице. В тот день Григорий Дедусенко обещал сыну никогда с ним не расставаться...

Шурик нахохлился — то ли от нахлынувших воспоминаний, то ли от ледяной стужи, казалось, зримо исходившей от мраморных колонн. Ксения потянула его за рукав.

— Столярное дело любишь? Тут рядом наша мастерская, пошли...

По пути Ксения оживленно рассказывала, как из ничего создавалась столярная мастерская, как наконец-то ею был отыскан очень подходящий человек, бывший рабочий мебельной фабрики. Фамилия у него смешная: Каравашкин. И усы смешные, топорщатся. Каравашкин — истинная находка для детского дома, поскольку он никуда не сбежит: у него четверо детей. И жена его — находка: она охотно взялась работать в детдоме техничкой, попросту уборщицей.

В мастерской было почти так же холодно и почти так же пусто, как в зале. Ободранный канцелярский стол, на нем ворох видавших виды инструментов. В одном углу комнаты горка опилок и стружек, в другом — нагроможденная кучей поломанная мебель.

Ася со скукой отметила: ничего здесь не раскопаешь — никаких останков прошлого, никаких любопытных черепков.

Усатый Каравашкин, подняв на лоб очки в железной оправе, вместе с двумя красноносыми и краснорукими мальчишками выпрямлял скрюченные, заржавленные гвозди, которые, как видно, были необходимы для ремонта сваленной здесь мебели. Он был невысок — оба мальчика доставали ему до плеча — и очень худ. Зато очки, а главное, грозно торчащие усы придавали его лицу внушительность.

— Как же, Ксения Петровна,— сказал Каравашкин,— я с места не схожу по уговору!— Он выразительно кивнул на своих красноруких помощников, и стало понятным, почему ему опасно трогаться с места: не сбежали бы, мол...— Кто обещал обеспечить явку?

— Виновата! — всполошилась Ксения.— Как же это я?..

Асе понравилось, что вместо того, чтобы оправдываться,— дескать, явилась новая сотрудница, и вот она закружилась с нею — Ксения откровенно расстроилась, поспешила заверить:

— Сейчас сбегаю на этаж к мальчишкам! Честное слово, вчера я географичке полкласса пригнала... Неженки! Лежебоки! Готовы валяться от завтрака до обеда — в самое рабочее время. Ух, и налечу я на наших деточек! Что ж это? Учебные часы побоку. Кухонные — всему голова!

Ксения энергично распахнула двери, приглашая желающих следовать за собой, или, как она выразилась, устраивать облаву на дезертиров.

«Кухонные часы!—думала на ходу Ася.— Большие, круглые, пристроенные прямо над раскаленной плитой. Футляр медный, как ободок таза, в котором варят варенье, стрелки торчат, словно усы Каравашкина. Часам безразлично, что вокруг сплошь анархисты, что все дерутся, валяются, разбрасывают по коридорам ломаные кровати... Часам все равно. Они себе тикают, и старуха в темном фартуке колдует возле плиты. Стрелки четыре раза в день указывают: время кормить!»

Этим летом, когда считалось, что большевики все равно не удержатся, мама прочла Асе вслух из газеты, что по всей республике взяты на учет манка, какао и даже шоколад — в фонд детского питания. «В таком хаосе,—удивилась мама,—и берут на учет!» Она потянула Асю за нос и сказала: «Все-таки к вам они относятся по-рыцарски». «К вам» означало к детям.

Вот и Дедусенко... Пусть она совсем недавно стала большевичкой, совсем на днях, она всю жизнь была все равно что партийная, спасала от полиции мужа, товарищей мужа. Разве она не по-рыцарски отнеслась к Асе? Потащилась, топая своими сапожищами, в Наркомпрос, не пожалела дня на чужую девчонку; из-за этого и сама попалась. Варька так и сказала: «Попалась!» То строчила бы себе красноармейские гимнастерки, а теперь поди отвечай за каждого неслуха и озорника.

Детям легче: они ни за кого не отвечают. За них отвечают. Дети могут полеживать в своих берлогах и выбираться из-под одеял лишь по сигналу добрых кухонных часов. Марш из спальни в столовую! Как это? «Стол накрыт, суп кипит. Кто войдет, будет сыт!»

А взрослые — вот скука! — опять заговорили о швейных делах.

— Теперь вам прибавится беспокойства, — невесело шутит Татьяна Филипповна,— сгонять народ в мою мастерскую.

— Ничего не прибавится! Вместе мы живо наладим. Честное слово, наладим! — Когда Ксения радовалась, ее лицо — Асе это сразу бросилось в глаза— как бы светлело, становилось еще краше.— Вы понимаете, товарищ Дедусенко, что значит, когда твоего полку прибыло? Не только новый работник, даже кто из ребят, если свой...

Ася спотыкается о попавшееся под ноги, забытое кем-то на лестнице ведро. А может быть, дело не в ведре, а в том, что Ксения, как думается Асе, не считает ее *своей*?..

Вчера они с Варей долго не спали. Ася не могла успокоиться: ведь она впервые надолго оставляла родной дом. Поездки в Приозерск, пока была жива бабушка, не в счет. Настоящее расставание было теперь — с домом, с книжками, с глобусом, купленным еще папой, с большой именинной чашкой, из которой вкусно пить даже пустой кипяток, с фотографиями всех Овчинниковых и Кондаковых, собранными в один альбом...

— Ты привыкнешь,— уверяла Варя.— Главное, подружись, найди новых друзей. Если кого-нибудь любишь,— ничего не страшно.

При последних словах голос Вари дрогнул. Ася догадалась, о ком она думала; она сама о нем все время вспоминала в последний день. Андрей первый настаивал, чтобы Ася росла в детском доме. Кто знает, может, и ему, так же как Асе, представля-

лись эти добрые, волшебные часы, пекущиеся о детях. «Суп кипит, суп кипит! Кто войдет, будет сыт!»

— Ты чего, сумасшедшая, заскакала? — Шурик, смеясь, загородил Асе дорогу, повиснув на ее локте.

— Ой! — чуть не взвыла Ася.— Сам сумасшедший! Ой!..

Локоть-то не залечен. Может, он и заживет в детском доме от питания и режима, но не с одного же завтрака!

Татьяна Филипповна, пригрозив сыну, стала успокаивать девочку:

— Сегодня же покажу тебя врачу.— И оглянулась на Ксению.— Врач у вас есть?

— Конечно! Кроме нас с вами, единственный здесь коммунист. Ася, не отставай. Надо все дортуары обойти.

Как она сказала? Дортуары?!

Французское слово «дортуар» — общая спальня — столь укоренилось в стенах бывшего института, что даже Ксения пользовалась им. На Асю оно подействовало магически.

— Шурка, быстрее! Шурка, вперед по неведомой стране!!!

АСЯ ГОТОВА ХИТРИТЬ

Вперед значило наверх, на этаж, отданный беспокойному племени мальчишек. Еще издали свежему человеку ударял в нос запах, в происхождении которого не могло быть сомнений. Тюфяки наиболее ослабленных младших ребят нуждались в ежедневной просушке; в зимних условиях это оставалось несбыточной мечтой.

Кроме того, заметно попахивало дегтем — обстоятельство, приободрившее Асю, означавшее, что мазь от чесотки пользуется у местного населения не меньшей популярностью, чем у школьных сотоварищей Аси.

Изучившая все повадки самого трудного и самого шумного этажа, Ксения нисколько не удивилась, когда у порога первой же двери, которую она раскрыла, оказалась пыхтящая, колышущаяся «куча мала». Кого-то тузили всем миром.

К изумлению Аси и восторгу Шурика, юная воспитательница пустила в ход собственные кулаки и локти. В самом низу обнаружился рослый, плечистый мальчик лет тринадцати. Его распаренное, пылающее азартом и обидой лицо было разукрашено царапинами и синяками, на лбу размазана кровь.

— В чем дело, Федя? — отдуваясь, спросила Ксения.

— Ни в чем,— нехотя отозвался мальчик.— Пустое дело. Мне и не больно.

— Не больно? — пискнул кто-то из участников потасовки.— Тогда еще заработаешь! Отучишься повторять, как попка-попугай!

— Что повторять? — насторожилась Ксения.

— Твое! — отозвалось несколько голосов.—Давешнее! Сама угадай!

Ксения угадала. Федя Аршинов понес расплату за ее вчерашнюю попытку провести в дортуаре беседу на антирелигиозную тему. Она виновато сказала:

— Умылся бы...

— Ступайте уж! — буркнул Федя.— Захочу, умоюсь.

Грубоватый тон паренька уязвил Ксению. Федя держался так, словно и не было несколько дней назад дружественного разговора между ним и Ксенией.

В тот день мальчик (надо сказать, он был на полголовы выше своей воспитательницы) сопровождал ее в распределительный пункт, чтобы помочь донести оттуда ящик с оловянными ложками. В пути он разговорился. Ксения вытянула из него много невеселых подробностей — о мачехе, о мрачной каморке фабричного общежития... В детский дом Федя Аршинов попал по ходатайству областного Союза рабочих по стеклу и фарфору. Отец его (нередкая судьба точильщиков, занятых в этом производстве) умер, не дотянув и до сорока лет.

Припоминая трудные обстоятельства своего детства, мальчик и не думал жаловаться; он принимал их, как обычное, естественное течение жизни. Ксения же ощущала нечто вроде вины, оттого что она, дочь опытного наборщика, смогла окончить шесть классов гимназии, ходила в форменном платьице.

И вот после похода за ложками, после того, как столько было переговорено, и не только о минувшем, но и о главном — о том, что оба они за коммуну; после того, как Федя вчера сам взялся помочь ей пристроить возле церковных дверей плакат про царей и попов; после того, как они, казалось, стали друзьями, он и разговаривать не желает...

Федя выжал из себя лишь одну фразу:

— Что, я вас звал на выручку, что ли? — И побрел к своей постели.

Ксения шепнула Татьяне Филипповне:

— Боится, дурень, любимчиком прослыть.

Обе воспитательницы пошли в глубь дортуара, Ася с Шуриком не отважились на такой шаг. Шурик продолжал следить за каждым движением Феди и наконец объявил:

— Буду с ним дружить!

Ответом было сердитое сверкание черных глаз. Ася вознегодовала: ишь, какой! И не сомневается. Совсем малыш, а на кого нацелился! Сынок Дедусенко уверен: ему-то всегда будет хорошо, друзей ему хватит. И вдобавок поселят его вместе с мамой, вдали от вони и драк.

Второй раз в жизни Шурик зарабатывает у Аси тумака, а за что, не знает... Не ревет он лишь потому, что хочет быть стойким, как Федя. Он только спрашивает:

— Ты чего, дылда?

— А ты? Ты не хватал меня за локоть, когда шли? Не хватал?

Взрослым не до них. Ксения воюет с целым дортуаром:

— Залегли, как медведи...

В зимние месяцы детдомовцы неохотно покидали постели, сберегавшие тепло. Выпадали дни, когда никого не удавалось вытащить в классы, когда отчаявшиеся воспитатели утверждали, что нынешних деток учение не привлекает, что нравится им лишь валяться под одеялом, сквернословить да устраивать «кучу малу».

Ксения не знает, что и делать. Пробираясь между койками, она пытается воздействовать на каждого лежебоку в отдельности.

— Силы нема! — басит один из-под одеяла.

— Схлопочи хлебушка,— вторит другой.— Живо вскочим!

После инцидента в столовой Татьяна Филипповна предпочитает стоять в стороне. Она обводит глазами дортуар: обставлен, как больничная палата. Кровати да тумбочки; ни вешалок, ни шкафов, ни стола. Впрочем, ни в одной больнице даже в войну и разруху не нашлось бы столько рухляди, наваленной на кроватях, запихнутой под них, брошенной в проходах.

А больные? То есть дети!.. Кто лежит, кто сидит, кутаясь в одеяло с головой, словно спасаясь от дождя... Один Федя стоит посреди комнаты, вытирая далеко не стерильной тряпкой кровь со лба... Татьяна Филипповна не выдерживает:

— Иди в лазарет! Немедля! Надо промыть и смазать йодом!

Голос ее гремит. Ася и Шурик сконфуженно замерли у дверей. Федя скрестил на груди руки.

— Я? В лазарет? Вот еще!..

— Заражение будет, чудак!

— Не неженка. Не будет.

Кто-то хихикнул:

— Он в лазарет не сунется!

— Ему сегодня влетело от лекаря.

— Дурачье,— спокойно отозвался Федя и стал не спеша застегивать свой пиджачок, короткий в рукавах, узкий в плечах.— Думаете, я испугался?

— А что, пойдешь?

— Пойду!

— Мама, и я! — Шурик умел быть настойчивым.— Мама, ты же сама хотела Аську врачу показать.

Татьяна Филипповна пошла с детьми. Настойчивый Шурик выведал в пути, за что Феде сегодня влетело от Якова Абрамовича — детдомовского врача.

Вчера Федя Аршинов выпросил в лазарете пару ножниц — для стрижки-брижки, как он кратко выразился, но укорачивать мальчишечьи чубы и ногти не было главным назначением добытых Федей ножниц; он давно лелеял одну идею и ближе к ночи осуществил ее. Две пары ножниц — одну удалось достать у девочек — Федя засунул в щели между паркетными дощечками. Злющие, голодные крысы, донимающие детдомовцев, должны были напороться на острия и сдохнуть в страшных мучениях.

От задуманной операции пострадали не крысы, а Егорка Филимончиков. Распорол в темноте ногу и попал в лазарет...

Ася знала немало врачей — почти все товарищи отца были врачами,— но большевик, занимающийся медициной, ей не встречался. И, войдя в лазарет, она с интересом глянула на доктора. Врач как врач. Ну, немного носат, ну, смешной, оттого что халат на нем нескладный — длинен и широк. Папа бы отказался от такого халата. Хотя теперь это считается пустяками...

Доктор взглянул на Федю — на других и глядеть не стал — и бросился мыть руки. Вымыв, сказал:

— Явился на мою голову...

Ася и Шурка переглянулись. Федя предупредил их, что с этим лекарем все случается «на его голову». Даже в детский дом, демобилизовавшись после ранения, он попал не просто, а «на свою голову».

Яков Абрамович ловко обмыл Феде лицо, йодом распорядился экономно, взял на ватку ровно столько, сколько надо: берег скудный запас лазарета. Аккуратно наложенная на лоб повязка из полотняной ветоши сделала Федю похожим на раненого бойца.

— Теперь ругать станете? — спросил Федя.

— Станем. Ступай в палату. Там тебе влетит сразу от трех Филимончиковых. У Егорки оба братца сидят, не струсишь?

— Я?!

Следом за Федей в палату скользнул Шурик.

Ася напряженно ждала приказания засучить левый рукав. Этот доктор может выручить Асю. Он добрый; по глазам видно, что добрый; он разохается, как только увидит ранку, увидит, что у Аси совсем нет подкожного жира. Ее за это очень жалел школьный врач; за это и за то, что она дочка врача, убитого на войне. Яков Абрамович разъяснит Дедусенко, что Ася слабенькая, что ее надо беречь, а Татьяна Филипповна тоже не злая, она скажет: «Придется забрать девочку к себе. Куда такую в дортуар...»

Ася согласна спать хоть на рояле. Даже весь день лежать на нем, никому не мешая. Пусть только доктор пропишет ей полный покой...

Татьяна Филипповна, прежде чем показать Асин локоть, завела разговор о своей швейной мастерской, как будто врача это могло интересовать. Оказалось, заинтересовало...

Умные, грустные глаза доктора вдруг засияли, изможденное лицо больше не казалось некрасивым.

— Чудесно, товарищ Дедусенко!— по-детски радовался Яков Абрамович.— Значит, оденете ребят. Это нужно, как воздух, как кислород! Именно кислород... Одежда — ведь это прогулки. А?

— Вот я и пришла к врачу. Детям действительно надо лежать? Они же не вылезают из-под одеял...

— Знаю.— Доктор в задумчивости потер переносицу.— Видите ли... Дети инстинктивно боятся израсходовать неприкосновенные запасы своего организма...

Ася торжествующе слушала. Ей тем более нельзя расходовать...

— Видите ли, товарищ Дедусенко, низкая температура помещений, отсутствие теплой одежды, недостаточное питание...

Асе хотелось подсказать: «Отсутствие подкожного жира». Спасибо умному доктору, ее дела неплохи...

— Безусловно...— рассуждал Яков Абрамович, как бы продолжая какой-то спор.— Все эти факторы располагают организм к состоянию мышечного покоя...

— Значит, правильно? — упавшим голосом произнесла Татьяна Филипповна.

— То есть как правильно?!— Яков Абрамович вдруг набросился на Дедусенко.— Хорошенькое дело!.. Я всему персоналу внушаю. Чушь! Предрассудок! Массовое убийство! Ну да, убийство. Ведь каждому твердишь: «Поднимайте жизненный тонус детей! Все годится: игры, занятия, песни. И, главное, труд!»

«Ишь, агитирует!» — насупилась Ася.

Татьяна Филипповна расцвела.

— У вас музейная чистота, Яков Абрамович. Как вошла, так поразилась.

— Этим обязан своей пыльной даме.

— Кому?

— Одной почтенной старушке.

Асе бы обрадоваться: откопала пыльную даму! Доктор стал объяснять, что в штатных ведомостях Анненского института имелась одна странная должность. Пыльная дама — так она и числилась в ведомостях — обязана была обходить институтские помещения с тряпкой, проверяя чистоту каждого предмета. Но могло ли это заинтересовать девочку, чьи надежды окончательно рухнули?.. Однако окончательно ли?

Пока доктор тратил на Асин локоть щепотку ксероформа и чистый лоскут, Ася нашла выход. Ее должен спасти Шурик! Он подскажет своей недогадливой матери: «Возьмем Аську к себе». Шурик настойчивый, он добьется; ему же будет лучше, они прекрасно устроятся втроем. Татьяна Филипповна будет занята вечерами, а Ася станет укладывать ее сына спать, рассказывать ему сказки, одну интереснее другой.

Опережая взрослых, Ася подходит к палате. Сейчас она войдет туда и нашепчет на ушко Шурику, сколько у нее в запасе сказок. Тысяча! Тысяча и одна! Такие сказки, что их лучше всего рассказы-

вать именно перед сном... Конечно, хитрить нехорошо, она сама презирает людей за хитрость. Но ведь она не виновата, что у одних детей есть матери, а у других нет...

АСЯ НАШЛА ДРУГА

Трое Филимончиковых, три бритоголозых детдомовца с остренькими носами и колючими глазками, внимали Феде, который о чем-то повествовал вполголоса. Шурик и вовсе сидел с полуоткрытым ртом.

Койки стояли тесно, свободных не имелось. Больные, в том числе и Егорка Филимончиков, были обряжены в голубые девичьи халаты. Кто читал, кто играл с соседом в шашки. Перевернет страницу или передвинет шашку — тотчас руку обратно под одеяло: греет.

Доктор пошел в обход. Татьяна Филипповна согнала сына с белой крашеной тумбочки и присела, взяв его на колени. Он, увлеченный рассказом Феди, и не заметил такого конфуза.

— Вот бы, ребята, и всюду такую чистоту,— громко сказала новая воспитательница.— Скоро, думаю, грязь изведем, крыс тоже уничтожим...

— Не сули! — донесся суровый басок с дальней койки.

Туда, в самый угол, доставал заглянувший в окно солнечный, наполненный пляшущими пылинками луч. В его свете резко проступали на детском лице безобразные следы золотухи.

— Не сули, мы уже слышали...

— Сыты обещаниями! — подхватил сосед золотушного мальчика.— Сами им не верите! Твой-то сынок при мамке жить будет? С нами ему тяжко...

Наступило молчание. Шурик сполз с материнских колен и стоял, побледнев, одергивая курточку, на которой поблескивала красная пятиугольная звезда.

— Тяжко тем, кто в Сибири с Колчаком воюет...— сказала Татьяна Филипповна.

Сын Григория Дедусенко понял эти слова так, как их и следовало понять. Он не забыл отцовского наказа быть мужчиной. Может быть, перед глазами мальчика замаячила на миг «куча мала», но он не сморгнул.

— А мне что? Мне еще лучше со всеми.

Так был решен вопрос о том, где будет жить Шурик. Так рассыпались Асины планы. Девочка — сникшая, безразличная ко всему—следом за обоими Дедусенко поднималась наверх, в бельевую. Там была назначена встреча с Ксенией.

Взбирались на верхний этаж боковой железной лестницей; такие витые таинственные лесенки утомляют взрослых, но поднимают дух у детей. Асин дух невозможно было поднять. Что ее ожидало? Получит в бельевой смену белья и, не дожидаясь, пока Татьяна Филипповна досыта наговорится с кастеляншей насчет всяких швейных дел, пойдет искать свой дортуар... А в дортуаре девчонки, которые только и ждут, на кого бы им наброситься... У Шурика-то есть Федя, а кто защитит Асю? Кто?

И вдруг... Честное слово, так случается только в сказке! Вдруг из бельевой навстречу Асе вышла девочка чуть постарше ее и остановилась.

— Новенькая?

Красивая девочка! Белокурые волосы распущены

Там бритоголовые детдомовцы внимали Феде...

по плечам и забраны лентой. На других детдомовцев не похожа, хотя и одета в казенное темно-зеленое платье. Поверх платья теплая вязаная кофта, просторная, похоже, с чужого плеча. Дезочка не сводит с Аси глаз. Пожалуй, Ася с ней где-то встречалась...

Посторонившись, пропустив Асиных спутников в бельевую, девочка говорит:

— Сними капор! Ты прежде косы растила?

— Да.— Ася покраснела до слез.

— А платье у тебя было розовое? С воланами...

— Да, правда! Праздничное, с воланами...

Где же Ася видела это лицо? Заметное лицо, особенно глаза — серые, как бы подведенные тенью. И зубы — розные, немного торчащие вперед. Даже голос, звучный, привыкший командовать, был знаком.

— Зовут тебя, кажется, Аня?

— Нет, Ася. А тебя Люся! Люся, Люся!..— Ася всплеснула руками, изумившись, как археолог нежданной находке.— Я помню, ты настоящая институтка.

Девочки стояли, радостно улыбаясь, взбудораженные воспоминаниями. Два года назад, как говорится, в добрые старые времена, тетя Анюта повела Асю на елку в дом Казаченковых, в их собственный,

богатый, красивый дом. Сестры Казаченковы сами встречали робко входивших девочек-сироток, многих гладили по головке, приятно шурша длинными черными переливчатыми платьями. Асю к ним привели не потому, что она недавно потеряла отца,— елку устраивали лишь для неимущих сирот,— а потому, что тете Анюте захотелось развлечь загрустившую племянницу. Сама она, как и некоторые другие жены служащих фирмы, была приглашена помочь в проведении праздника.

Люся прикрыла дверь в бельевую, спросила:

— Тебя тетушка устроила сюда?

— Нет, чужие. А что... очень тут плохо?

— Ну... Если вспомнить, как жили...

Каким образом эта белокурая девочка очутилась на елке у Казаченковых, Ася не знала; помнила лишь то, как они вдвоем уселись в одно кресло и Люся, щелкая орехи, выложила ворох подробностей из жизни благородных девиц. Получалось вовсе не так завидно, как в книжках. Какие-то злющие дамы, муштрующие бедную Люсю днем и ночью, изводящие ее своими придирками на прогулках, на молитве, всюду... Это Люся сейчас закатывает глаза, вспоминая об институте; тогда не закатывала.

— А сколько сластей было на елке! — восклицает Люся.

— И свечек! И золотого дождя!

Асе больше всего запомнились переливы огней, елочный блеск, отсвечивающий во множестве рам и рамок. У Казаченковых оказалось целое собрание живописи на стенах.

— Снова бы там очутиться! — произносит Ася, не подозревая, что это ей еще предстоит.

— Где там! Было, да сплыло. Странно, что мы повстречались.— Люся подняла на Асю серые, подчеркнутые тенями, совсем недетские глаза и задала вопрос, от которого у Аси радостно заколотилось сердце.— Ты умеешь дружить?

— Я?! Умею.

— По-настоящему!.. До самой могилы...

Свершившееся казалось чудом. Теперь Асе можно было ничего не бояться. Варька верно сказала: главное, найти друзей...

Из бельевой выглянула Ксения, Ася бросилась к ней.

— Пожалуйста, дайте мою корзинку! Тут в одном дортуаре есть для меня место. Пожалуйста!

— В каком дортуаре? Бородкина, ступай. Оставь новенькую.

— Не оставлю.— Не скрывая своего торжества, Люся объявила:— Мы подруги. Закадычные. С детства.

Ксения была огорошена.

— Овчинникова...— Она впервые назвала Асю по фамилии.— Ты дружишь с Бородкиной?

Гордая тем, что Люся дала столь высокую аттестацию их дружбе, Ася не замедлила с ответом:

— Дружу! По-настоящему.

Этого было достаточно, чтобы Ксения больше не взглянула на Асю. Она с ледяным лицом вынесла ей комплект постельного белья.

— Идем. Забирай свою корзинку.

Втроем дошли до комнаты Ксении, затем последовали дальше. Ксения молчала. Люся втолковывала шепотом, что никакие воспитательницы Асе не страшны, если она владеет Люсиной дружбой.

Дортуар девочек, население которого тоже предпочитало лежачее положение, отличался от мальчишечьего несколько бо́льшим порядком и несколько лучшим воздухом.

— Где пустая кровать? — осведомилась Ксения и деловым шагом подвела Асю к окну.

Ася оцепенела; Люсина дружба не могла уберечь ее от множества любопытных глаз. Одна Ксения не желала смотреть на нее. Ощупав матрац, Ксения провела ладонью вдоль газетной полоски, наклеенной на оконную щель, и, ничего не сказав, вышла. Люся тоже проверила, не дует ли из окна, и возмутилась:

— Ей все равно, что сквозит! Известно: только своих любит.

Опять своих... Ася, ощутив внезапную усталость, села. Люся отошла к кровати, стоящей в центре дортуара, вдалеке от окон, убрала в тумбочку принесенное с собой полотенце и вернулась к новой подруге.

— Ты на кого загляделась? — спросила она с шутливой ревностью.

Ася ответила так же шутливо:

— На Пушкина.

Девочка, на которую засмотрелась Ася, была смугла, курчава, толстогуба; это придавало ей сходство с юношеским портретом Пушкина, такой портрет однажды подарил Асе Андрей. Толстогубая девочка, поджав под себя ноги, вязала крючком веревочную туфлю. Среди всех она выделялась добродушным и миролюбивым видом, а добродушие всегда пленяло беспокойную Асю. Хорошо бы дружить втроем!

— Как ее зовут? — спросила Ася.

Люся вспыхнула.

— Катька Арестантка. Фамилия — Аристова, зовут Арестанткой. И поделом.

В эту минуту в дортуар с отчаянным ревом вбежала курносая девочка лет семи, вбежала и плюхнулась на кровать по соседству с Люсиной.

— Снова ревешь, Акулька? — крикнула Люся.

Девочка сдернула с головы косынку и принялась утирать слезы. Белобрысая, длинная, как огурец, голова была неровно, лесенкой, острижена.

— Мальчишки картоху отняли! — всхлипнула Акулина.— Ко мне бабка приходила с гостинцами...

— Пусть не носит! — ехидно откликнулся кто-то.

— Правильно! Одним носят — другим охота.

Катя Аристова не спеша спустила ноги на пол, спросила низким, певучим голосом:

— По-вашему, отнимать надо?

Люся, красивая белокурая Люся, взъярилась:

— Не твое дело, Арестантка! Она от твоего заступничества всегда вдвое ревет. Нет, больше я терпеть не намерена.

Не успела Ася сообразить, в чем дело, как ее белье и одеяло перелетели на кровать Акулины, вещи же Акулины совершили противоположный путь.

— Марш к окошку, Акулька! — скомандовала Люся.— Рези на «Камчатке».

— Ты что?! — Катя положила вязанье на тумбочку.— Ты что придумала?

Люся заметно струсила.

— Ей же не нравилось рядом со мной. Сама фискалила всем.

— Балда ты благородная! — Толстые губы Кати утратили свое добродушие.— Главное, известно, что девчонка по ночам раскрывается, одеяло сбрасывает... А ты под самое окошко ее!..

Ася тихо уговаривала Люсю:

— Не надо... Я окна не боюсь. Я никогда не простужаюсь...

Чуть выдающиеся вперед белые зубки Люси обнажились, зло блеснули глаза.

— Не надо? Рядом со мной не хочешь? Подруга...— И совсем тихо добавила: — С ними иначе нельзя, пропадешь.

— С кем «с ними»?

— С этими. Ты что, не понимаешь?

Между Катей и Акулиной тоже состоялись переговоры, в результате которых Акулина была водворена на кровать Кати, а та с подчеркнутым хладнокровием постелила себе у окна. Затем разыгралась сценка, вызвавшая у Аси желание провалиться сквозь землю. Катя подхватила забытую у окна корзинку Аси и с насмешливо-почтительным поклоном водрузила ее у ног владелицы:

— Получите, барыня!

В полное отчаяние ввергло Асю нежданное появление Ксении и Феди.

— Эй! Осторожнее! — крикнул ей Федя. Спасибо, не сказал «барыня»...

Наклонив забинтованную голову, он нес две огромные, в половину человеческого роста, книги, два тома какого-то объемистого сочинения на немецком языке.

— Какое окно заслонить? — спросил Федя.

Ксения обвела глазами дортуар и поняла, что кровать у окна уже не принадлежит новенькой. Подойдя к Асе, она, задыхаясь, выговорила:

— Теперь вижу: вы настоящие подруги!

КЛЯТВА

Лучшее время суток в Доме имени Карла и Розы — вечер, особенно если дортуары получили по ведру шишек. С топливом было совсем худо. Еще в декабре, когда какая-то комиссия строго-настрого запретила валить деревья и рубить кустарник в Анненском парке, в дело пошел забор, а там и мебель и книги... Большую долю скудного запаса сырых полешек пожирала кухонная плита, и дети принялись жечь все, что может гореть и давать тепло. Пришлось выделить свою, детдомовскую комиссию.

Члены комиссии, стуча от холода зубами, уговаривали всех и каждого не губить последнее имущество.

Великой радостью для ребят были сосновые шишки, целый вагон шишек, собранный для них школьниками Седьмой версты. Это драгоценное топливо с начала зимы ожидало транспорта в одном из сараев поселка Седьмая верста; лишь сейчас, на пятый день пребывания Аси Овчинниковой в детском доме, оно, как говорится, прибыло по назначению. Первые дни Ася мерзла вместе со всеми, сейчас вместе со всеми блаженствует.

Железные бока печурки пышут жаром; к ним со всех сторон тянутся красные, распухшие детские руки. Заслонка раскрыта. Видны потрескивающие, пламенеющие, похожие на огненные цветы шишки. Благодаря покровительству Люси Ася сидит возле самой печки, словно в первом ряду партера. Люся расположилась рядом на низкой тумбочке, что в отличие от высоких, поставленных у изголовья, должны находиться в ногах кровати. Таких низеньких тумбочек в дортуаре осталось две. Одна принадлежит Люсе.

Тепло размягчило обитательниц спальни. Они дружно слушают одну из девочек, со вкусом вспоминающую свой сон. Девочка эта спит все свободное время, а потом сообщает остальным, что ей привиделось. Бледная, почти не порозовевшая даже у печки, она похожа на отощавшего птенца — тощая шея, нос клювом, пальцы вроде птичьих коготков; даже сейчас, грея руки, она держит их скрюченными. Имя ее Нюша, но она так часто повторяет одну и ту же фразу: «Сил моих нету», — что ее так и стали звать — Сил Моих Нету.

Рассказчица по-старушечьи повязана темным в крапинку платком, по-старушечьи же обстоятельно она передает свой последний сон. Девочки сообща стараются разгадать, что он означает. Сегодня перед ужином Сил Моих Нету видела много денег. Она ходила по вербному базару и скупала все, что хотелось: дрожащих на нитке бабочек, «американского жителя», прыгающего в трубке с водой, сладкую вату... Девочки охотно восстанавливают в памяти вкус этой упоительной ваты и сразу, в несколько голосов, стараются разгадать, к чему бы это могли привидеться деньги. Всем известно, что видеть во сне монетки — к слезам (это-то никого не удивляет!), но вот ассигнации — к дороге...

Ася почти не слушает: что может быть скучнее чужих снов? И потом мама ей говорила, что интеллигентные люди не должны верить в сны, и она старается не верить...

Протянув ноги к распахнутой дверке, Ася вспоминает ночной костер у здания Моссовета, ту ночь, когда она бежала домой, не зная, что ее там ожидает...

В центре дортуара, у изголовья своей прежней кровати, высоко на тумбочке, принадлежащей теперь маленькой Акулине, сидит, завернувшись в сделяло, Катя Аристова; на смуглый лоб падают темные завитки волос. Единственная лампа горит в полнакала, но здесь, под потолком, читать все же можно. Книга у Кати пухлая, замусоленная, разодранная на отдельные листки. Пробежав страницу, Катя передает ее сгорающей от нетерпения Ваве Поплавской, бывшей институтке.

Ася старается угадать, что это за книга. Возможно, про политику — мама посмеивалась над Андреем, что он так и глотает политические книжки. Катя — это Ася узнала от Люси — сама политическая. Отец ее умер в царской тюрьме, потому Люся и зовет Катю Арестанткой. Правда, зовут ее так только Люся и те, кто желает подольститься к Люсе. Люсю в детском доме или откровенно не любят, или заискивают перед ней.

Асина жизнь сложна: ведь она уговорилась дружить с Люсей до самой могилы... Почему до могилы? Дрожь берет...

— Не согрелась? — удивляется Люся.

— Что ты! Жара! — пылко уверяет Ася, боясь, что Люся начнет устраивать ее счастье, оттолкнет кого-нибудь от печки. Ася торопится высказать просьбу, которая всегда доставляет Люсе удовольствие: — Расскажи про институт.

Несколько голосов подхватывают:

— Верно!

— Валяй, благородная!

— Именно валяй! — Люся презрительно кривит рот, приоткрываются торчащие зубки. — Только тихо!

Рассказы о былом обычно сопровождаются своего рода живыми картинами. Люся, которой не хочется расставаться с уютным местечком, берет на себя роль чопорной классной дамы и командует маленькой кудрявой Маней, тоже бывшей институткой:

— Отойди, чтобы видно было. Так... Скромность плюс светскость. Главное, мадемуазель, — это манеры.

На плечах Мани полотенце, не слишком чистое, но с вензелями «ИОА», что значит «Институт ордена святой Анны». Маня безропотно проделывает изящнейший реверанс, и полотенце в глазах слушательниц приобретает очертания белоснежной пелеринки.

— Так... Держаться прямо. Мелкие шажки. Не махать руками даже на переменках! Ходить парами, но не обниматься. Парами, ладонь в ладонь...

Люся берет Асину руку и показывает, как это «ладонь в ладонь».

К дортуару тем временем подходили Татьяна Филипповна и Ксения, чтобы сообщить о предстоящем завтра открытии швейной мастерской.

Вчерашний вечер они провели у главы детского дома, медленно выздоравливающего в своей обледеневшей комнате. Нистратов — его Яков Абрамович характеризовал Татьяне Филипповне как старика в некотором роде передового, но витающего в облаках,— собрал у себя нескольких воспитателей, тех, кого сам считал передовыми, и, полулежа на железной институтской кроватке в пальто, в меховой шапке, возбужденно рассуждал о необходимости скорейшего проникновения в детские души.

— Теперь, когда намечаются сдвиги в решении топливной проблемы,— говорил он, то и дело поправляя пенсне на горбинке носа,— мы с вами обязаны максимально использовать вечерние часы. Собираясь у очагов, дети, естественно, оттаивают, начинают жить духовными интересами, дают волю воображению. Кто знает, куда уводит их фантазия? Непростительной ошибкой взрослых было бы неумение использовать эти драгоценные часы, это наилучшее время, когда с детьми можно сделать все, что угодно, когда даже самые замкнутые открывают вам душу...

Ксения, опираясь на собственный опыт, высказалась в том смысле, что не всегда оттаивают и не всегда открывают, но в общем не спорила и даже объявила одной из главных задач текущего момента вечерние беседы «вокруг очага»; здесь и надо завоевывать доверие ребят, направлять их интересы в нужную сторону. «В сторону коммунизма»,— уточнила она.

— Погреться пустите? — с несколько наигранной непринужденностью спрашивает Ксения, входя к девочкам.

Сил Моих Нету открывает глаза и вновь закрывает; пожалуй, она уже начала видеть очередной сон. Несколько девочек нехотя, дорожа обжитыми местами, подвигаются на малую толику. Усевшись, Ксения замечает, что Татьяна Филипповна все еще стоит, не зная, куда ей ткнуться. Замечает это и Ася. Она невольно привстает, но железная рука Люси водворяет ее на место. Так, очевидно, будет до самой могилы...

Татьяна Филипповна догадывается взять на колени маленькую, курносую Наташу, такую же маленькую и такую же невесомую, как ее Шурка. Усевшись, она спрашивает, чем сейчас все были так увлечены. Не получив ответа, эта взрослая, уставшая за день женщина пытается пошутить:

— Что ж... Доброе молчание лучше худого ворчания. Завтра молчать не будем: за шитьем хорошо и болтать и петь. Пришла с приглашением. Завтра жду в мастерскую.

— Не всякий любит иглой ковырять,— раздается голос Люси.

— Тебе-то, большой,— отвечает Татьяна Филипповна,— любишь не любишь, придется поработать. Разве это не безобразие? — Она откидывает платок с плеч маленькой Наташи, обнажает ее мгновенно покрывшиеся мурашками руки.— Не безобразие, что подолы у каждой до щиколоток, а рукава за счет подолов натачать не догадаетесь?

— Мы-то при чем? — усмехается Люся и с откровенной иронией смотрит на Ксению.— Нам тут однажды вечерком разъяснили... И правильно разъяснили. Мы, дети, приравнены к нетрудоспособным членам общества. Нас обеспечивает государство.

Щеки Ксении становятся густо-розовыми. Недавно, беседуя с детьми о внимании Советской власти к подрастающему поколению, она произнесла нечто похожее... Эта Бородкина умеет прицепиться к любой неосторожной фразе.

— Никто вас не учил быть барчуками,— строго говорит Татьяна Филипповна.— Так кто же хочет научиться шить?

Люся, забыв, что хорошие манеры не позволяют обниматься, крепко стискивает Асины плечи. Слово «я» остается непроизнесенным. Зато откуда-то сверху, чуть ли не с потолка, слышится голос:

— Все хотят! А не хотят, и уговаривать нечего!

Катя Аристова, оторвавшись наконец от книжки, соскочила с тумбочки. Несколько замусоленных страниц упало на пол.

— Кланяться еще! — Катя подбоченилась.— Я вот помогала устраивать мастерскую, я первая приду и первая себе все нашью!

Ксения подняла оброненную Катей книжную обложку.

— Товарищ Дедусенко,— жалобно вскрикнула она,— вот куда их уводит фантазия! — На пожелтевшем от времени картоне черным по белому значилось: «ВАМПИРЫ. Из семейной хроники графов Дракулла-Корди». Ксения не могла сдержать негодования.— Аристова! И это ты?..

— А что? — весело возразила Катя, сверкнув ослепительными зубами.— Достать вам на ночь? Все позабудете. Хотите, попрошу для вас у мальчишек? Они вообще-то не дают...

— Немедленно в печку! — Ксения так возмутилась, что, казалось, готова была отправить в печку заодно и Катю.— Отдавай своих вампиров!

Катя не отдала, а силком отобрать что-либо у Кати не решалась даже Ксения.

— И тебя интересует такая нечисть? — спросила Татьяна Филипповна.

— Они не нечисть. Они люди,— вступилась Вава, встав, как ученица, отвечающая урок.— С виду, как люди. Если встретишь такого — ногти длинные, зубы острые, рот красный, как кровь,— гляди в оба! Если кто помер, а на шее следы зубов,— определенно от них, насосались крови. В роду у графов Дракулла-Корди...

Катя дернула Ваву за кушак, и та примолкла.

— Фантазия! — сокрушенно прошептала Ксения.— Духовные интересы!..

...Погашен свет. Замерзшие окна голубоваты от щедрого сияния луны. Печка давно остыла, сразу выстыло и огромное помещение дортуара. Девочки ворочаются в постелях, которые не так-то легко согреть. Хорошо тем, чьи кровати стоят вблизи от печурки; вечерами гостеприимные хозяйки охотно усаживают на них побольше народу, а потом простыни и одеяла хранят чужое тепло.

Одна из этих счастливиц — Люся Бородкина. Она лежит, пригревшись, хорошо укутавшись. Однако возмущение Асей гонит от нее сон.

— Выскочка ты!.. Подлиза!

Ася съежилась, молчит. Она старается не ворочаться, дышать неслышно, она ждет, когда Люся наконец уснет. Но напрасно: в полутьме видно, как зло поблескивают красивые, совсем взрослые глаза.

— Ты что же, за них?

Ася отвечает словами, слышанными от матери:

— Я далека от политики.

— Дура! Тебе все равно, что они ЕГО оскорбляют?

— Кого ЕГО?

— Знаешь сама. Ты и ЕГО предашь...

В рассеянном лунном свете мертвенно-бела Люсина подушка, как и Люсины белокурые волосы. Люся бормочет: «Огради мя, господи... Сохрани

мя...» Асе жутко, она нащупывает на груди тоненькую цепочку, нательный крест. Иконка, висящая над Люсиным изголовьем, отсвечивает позолотой, а над головой Аси лишь голые, без образка железные прутья кровати.

— Забыла взять с собой образок?

— Варька это... Она собирала корзинку.

— Эх, ты! — Люся неожиданно дарит Асю улыбкой.— Скажи спасибо, что у тебя есть подруга.— Нашарив в тумбочке небольшой образ с изображением Серафима Саровского, Люся повертывает его ликом к окну, к лунному сиянию.— Дарю! Только прежде дашь клятву. Поклянись, что никогда не станешь безбожницей.

— Я? С ума сошла!

— Что тебе ни наговаривали бы. Клянись!

Люся приподнимается. Укутанная с головой, она в полутьме напоминает монашку.

— Клянусь! — шепчет Ася.

— Скажи: «Пусть меня покарает господь, если утрачу веру».

— Пусть покарает.— Ася торжественно целует старца Серафима в седую бороду, свято веря, что клятва ее нерушима.

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ПОРКИ

Прошла неделя, другая... Наступил день, который Татьяна Филипповна шутливо назвала Днем Великой Порки. Население детского дома приглашалось сразу после завтрака явиться в швейную мастерскую, чтобы всем миром пороть институтские пальто.

Дню Порки предшествовал День Великого Омовения. Энергией доктора и той же Татьяны Филипповны детский дом получил в свое распоряжение на несколько часов районную баню. Воспитатели пытались натянуть на мальчиков пальто, оставшиеся в наследство от благородных девиц (одни рукава чего стоили — узкие, с буфом у плеча), но мужчины остались мужчинами: те, у кого вовсе не было теплой одежды, или увильнули от бани, или пошли, завернувшись в одеяла, словно в звериные шкуры.

К сегодняшнему авралу готовились деятельно. Взрослые, надо сказать, не ожидали, что найдется столько охотников расстаться с состоянием «абсолютного мышечного покоя» и носиться из помещения в помещение, стаскивая в мастерскую столы и скамьи. Загоревшись мечтой получить верхнюю одежду, мальчишки во главе с Федей охотно выполняли команды Татьяны Филипповны. Не боясь израсходовать «неприкосновенные запасы организма», они приволокли ей мешок шишек, заготовили чурок, наколов охапку поленьев, отпущенную завхозом ради важного дня.

— Что теперь? — спрашивали детдомовцы.— Что еще?!

Правда, радовались этому дню не все, но таких становилось все меньше.

До сих пор Люся с помощью Серафима Саровского удерживала Асю от посещения мастерской (Татьяна Филипповна поверила или сделала вид, что поверила, будто у Аси опять разболелась рука), но понурый вид Аси мог бы рассказать о многом.

Утром этого дня она поднималась из столовой с Люсиным завтраком в руках. Завтрак был необычный: выдали не только кашу, но и по кусочку мяса, как на праздник. Порцию Люси надо припрятать. Люся ночует у сестры. Сестра ее поет в опере Зимина. Растить и кормить Люсю она не может, но провести на спектакль в ложу — сколько угодно!

С лестничной площадки Ася заглядывает в полутемный коридор, где расположены дортуары мальчиков. Ей повезло: Федя и Шурик как раз идут к лестнице. Надо отступить в угол, а потом вынырнуть будто невзначай. Шурик для Аси не только старый знакомый, он существо, близкое к Феде Аршинову. Было решение, чтобы младших прикрепить к старшим. Катя взяла себе Акулину, Люся выбрала самую хорошенькую девочку — Зоську, возится с ней, как с куклой, только Зоська боится ее. А вот курносенькая Наташа, доставшаяся Асе, совсем не желает ни бояться, ни слушаться...

Пора выходить из укрытия.

— Аська! — подпрыгивает Шурик.— Прошла рука? А то приходи. Весело будет!

Ася ждет, попросит ли Федя. Люся уверяет, что в каждую интересную девочку кто-нибудь должен влюбиться. Если Ася хоть немножечко интересная, то пусть бы этим «кто-нибудь» оказался Федя. Что-то он скажет?

— Не знаю, смогу ли,— говорит, поглядывая на Федю, Ася.

Федя берет Шурика за ворот.

— Бежим! Чего уговаривать? Умные сами придут.

Лестница пуста. Ася все еще стоит, не замечая, что из кружки тоненькой струйкой льется жидкий кофе. Она не ропщет, она понимает, как противно глядеть на девочку, у которой косы отхвачены ножницами так, что волосы с одной стороны длиннее, чем с другой, а прядь, зачесанная набок, подвязана вместо утерянной ленты лохматым рыжим лоскутом.

В дортуаре безлюдно, тоскливо. Что с того, что стало больше порядка, что кровати стоят ровненько и пол подметен, что из классной комнаты притащили шкаф и попрятали туда рухлядь? Все равно плохо... Ася со вздохом сует в глубь Люсиной тумбочки тарелку с едой, оставив сверху лишь кофе.

Асе хочется реветь, хочется к Варе. Та навестила ее только один раз, и то второпях, когда уже в дортуаре был погашен свет. Вызвала в коридор и заставила съесть кусочек принесенного хлеба. Обещала приходить часто, когда станет свободней. Если получит письмо от Андрея, примчится даже ночью.

Тоска... Ася чувствует, что время до обеда будет тянуться бесконечно. Возле двери лежит повязанная темным в крапинку платком Сил Моих Нету. Она не всегда засыпает сразу после еды, иногда она разрешает себе растянуть наслаждение. Принесет из столовой хлеб и аккуратно покрошит его в тряпочку. Подруги удивляются, как она может вытерпеть, кушать по крошечке, а она неизменно отвечает: «Так скорей перетерпишь голодушку» — и скрюченными, как коготки, пальцами кладет в рот очередную крохотку хлеба.

Сегодня Нюша принесла в дортуар свою порцию мяса, не торопясь, очень ловко разобрала его на отдельные лоскуты, вернее, на нитки, сложила в кучку. Вот она взяла в рот одну дольку, сосет, как леденец. Сейчас, при дневном свете, особенно заметно, до чего эта девочка похожа на старушку. Кожа на лице серая, дряблая, щеки ввалились так, словно у нее и зубов-то нет. Ася знает, что Нюша выросла в подвале, что она прачкина дочь, что Люся за это пренебрегает ею, хотя и любит послушать ее россказни.

Стоило Асе присесть на край Нюшиной кровати, та потянулась, сказала:

— Нынче в баньке парилась... Пару!.. Воды!.. Сколько хошь.

Похоже, она принимала свой сон за действительность.

Напоминание о бане бередит Асино сердце. Когда они всем детдомом ходили туда, Татьяна Филипповна — большая, худая, распаренная — заметила издали, что Ася мочит свой локоть. Она протолка-

лась к Асе, отругала ее и стала сама тереть ей мочалкой спину. И очень расстроилась, что у Аси можно все ребрышки пересчитать. Люся говорит, что Дедусенко притворяется заботливой, но Ася знает, что не притворяется.

— Ты не пойдешь в мастерскую? — спрашивает Ася у Нюши.

— Где мне, дохлятине...— отвечает та и, подумав, великодушно протягивает Асе ниточку мяса.— Что-то ты не в себе? Ешь!

— Вот еще! — отказывается Ася.— Твой паек.

Ей понятно: такая щедрость связана с тем, что, стирая чулочки маленькой Наташи, Ася взяла и простирнула чулки Сил Моих Нету. Не потому простирнула, что та мала и нуждается в помощи старших (как было сказано в решении), а потому, что сил-то у нее действительно нет.

Ася встает, проверяет, высохли ли чулки, висящие по обе стороны подаренной Люсей иконки. Высохли, слава богу (на третий день), эти белые детские чулки. Белые потому, что институтки иных не носили. Отмылись они плохо: стирались без мыла, прямо под краном, такой ледяной водой, что у Аси долго ломило пальцы, каждый суставчик. На всех четырех пятках зияют дыры.

Асю вдруг осеняет счастливая мысль: здесь же требуется починка, штопка, заплаты! Схватив чулки, она опрометью бежит в мастерскую, бежит так, словно за ней гонится Люся или сам святой Серафим.

У входа в мастерскую Ася замедляет шаг. Из-за дверей доносится голос Егорки Филимончикова:

— Федя, для чего бог ножницы сотворил?

Федя там, со всеми... Ему весело. Неужели и он засмеется, когда войдет Ася? Ася не входит. За дверью поют:

Топор, рукавицы,
Рукавицы да топор...

Надо же было Татьяне Филипповне назначить именно Катю Аристову в заведующие чулочным хозяйством! Та и не взглянет на Асю, когда услышит просьбу о штопке. Она не откажет, она тут же разрежет пару белых чулок, нижнюю половину, ставшую мальчишескими носками, спрячет, а верхнюю протянет Асе, чтобы та часть распустила на штопку, часть оставила на заплаты. Но она может скривить свои толстенные губы, может даже назвать при всем народе Асю саботажницей, как назвала вчера Люсю...

Ася до тех пор топчется на месте, пока из-за поворота гулкого темного коридора не показывается незнакомый седобородый человек в пенсне. Шея укутана шарфом, идет медленно, шаркая глубокими галошами. Ася догадывается: Нистратов! Строгий Яков Абрамович разрешил заведующему домом встать с постели.

На днях, когда Ксения пришла посидеть в дортуа-

— Аська! — обрадовался Шурик...

ре у печки, был разговор, что надо уважать таких стариков, как Нистратов. Пусть он в чем-то и отсталый (Ксения не объяснила, в чем), но, когда другие учителя бастовали, не признавали новую школу, он не только сам не оставил гимназию, где преподавал естествознание, но и других убеждал работать.

Хотя это и не очень вежливо, Ася таращит глаза на заведующего. Такой смирный старичок, а, говорят, по своей охоте воюет с богом, собирает ребят и спорит, доказывает, что религия — обман. Асю давно мучит мысль: почему Андрей, почему столько хороших людей вдруг оказались безбожниками?

— Может быть, поздороваемся? — спрашивает Нистратов.

Заметив в руках у Аси чулки с зияющими дырками, он укоризненно мотает седой бородкой. Ася оправдывается:

— Это не мои. Я их только хочу починить.

Она сбивчиво объясняет, зачем и откуда у нее эти чулки.

— Что же,— говорит Нистратов,— о слабых заботиться благородно. Знаешь, что сказал Бетховен ровно сто лет назад? Ровно сто! В феврале 1819 года. Тот, кто поступает достойно и благородно, тем самым обретает в себе силу переносить несчастья.

Ася понимающе кивает, а глава детского дома распахивает перед нею дверь мастерской.

— Входи, умница. Трудись...

Первым Асю заметил Панька Длинный, что сидел ближе всех к двери. «Закрывай! Тепло выпустишь, балда!» Затем ее жестом подозвала к себе Татьяна Филипповна; не слушая Асиного бормотания насчет штопки, усадила рядом с собой, показала, как быстрее распускать шов. Асе показалось, что Дедусенко подала другим знак не приставать к Асе, никто и не приставал, даже Шурка. Федя же уступил ей свой ножичек.

За работой время не тянулось, а летело. Летело до тех пор, пока Ася от удивления не разинула рот: в мастерскую вошла Варя. Она не справилась насчет Аси, а заявила:

— Я ко всем... К детскому дому.

Следом появилась Ксения, тоже в пальто и платке, тоже с мороза. Она указала на желтую фанерную коробку, что Варя держала за ремень, и сказала:

— Подарки от фабрики бывшей Герлах.

Катя Аристова широким жестом освободила от груды пальто центральный стол, и Варя водрузила на него коробку, доставшуюся ей когда-то от щедрот мадам Пепельницкой.

— Носите на здоровье, порзите на здоровье,— произнесла она слова, которыми в мастерской, где она проходила учение, было принято сопровождать сдачу заказа. Сказала и рассмеялась.— Нет, рвать не смейте!

Под желтой фанерной крышкой оказался ворох изделий из белого шелка. Здесь лежали платочки, стачанные из нескольких обрезков, узкие воротнички, заботливо подрубленные полоски лент.

Отвыкшие от носовых платков (кое-кто и вовсе не умел ими пользоваться), от воротничков, от лент детдомовцы дружно крикнули:

— Это нам?!

Тут же раздалось на все лады:

— Не хватайте, дураки!

— Запачкаете!

— Изомнете!

За общим оживлением Варя все же почувствовала общее разочарование. Особенно явно сквозило оно в округлившихся глазах Ксении.

— Другое не работали... Тифозный заказ,— пробормотала Варя.

— Вот и спасибо! — встала из-за стола Татьяна Филипповна.— Всем нашим передай: еще как пригодится! Что, у нас в доме праздников не будет?

— Мы и для буден найдем! — энергично отозвалась Варя.— Теперь пойдет солдатский товар, крепкий.— Варя только сейчас заметила Асю и тут же нечаянно вогнала девочку в краску.— Довольны моей помощницей? Знаю, не подведет...

Варя ушла. Ксения взялась было за иглу, но работа вскоре сползла с ее колен. Не терпелось Ксении поделиться принесенными новостями. Спозаранку она побывала в Наркомпросе, где раздавали билеты на Всероссийский съезд охраны детства. Она столько наслушалась о предстоящем съезде, что ей самой казалось, будто она уже побывала на его заседаниях.

— На первый план (помните, что я говорила?!) выдвинуты вопросы социального воспитания.

Федин ножичек не слушается Асиных рук. Девочке вспомнилось, как Ксения недавно объявила ее с Люсей Бородкиной антисоциальными элементами. Не очень понятно, но очень обидно...

— Самоуправление в повестке дня. Самообслуживание.— Ксения будто вколачивает эти слова в головы собравшихся.— В основе всего — трудовой принцип! А в результате...— Одна Ксения умеет так внезапно перейти от строгого тона к улыбке.— А в результате расцвет детской личности.

Дети прислушиваются. Они не все понимают в горячей и быстрой речи, изобилующей мудреными словами, но то, что доходит, укладывается в сознании, как обещание взрослых сберечь их, поставить на ноги.

— А летом что будет! — все более воодушевляется Ксения.— Намечен грандиозный план отправки детей в хлебородные губернии. В хлебо-родные! Поняли?

Еще бы не понять!

Ася сидит, очищает спорок от ниток. Будет ли она когда-нибудь такой же счастливой, как Ксения? У той всегда грандиозные, непременно грандиозные планы! А у Аси? Люся высмеет любую ее мечту...

Перед обедом в дверях мастерской показалась Люся. Ася ждала ее появления, даже припасла уничтожающую фразу: «Не мешай людям работать, элемент!» Но и Люся кое-что заготовила. Она взглядом приказала Асе выйти в коридор и там прошипела:

— Продала?

Заморгав черными, торчащими в стороны, будто растопыренными ресницами, Ася спросила:

— Кого? — хотя заранее знала ответ.

Как ужасно, что Ася связана двумя клятвами! Клятву о дружбе еще можно нарушить, но вторую... Все неугодное Люсе оборачивается виной перед господом-богом.

С детства от бабушки Асе известно, какие муки грозят грешникам. «Продать» нельзя! Ася просовывает голову в двери мастерской.

— Мне надо идти... Я спрятала Люсин завтрак.— И думает: «Неужели так будет до самой могилы?»

(Продолжение в следующем номере.)

СТИХИ ТУРЕЦКИХ ПОЭТОВ

ОРХАН ВЕЛИ

Даром

Хорошо нам на белом свете:
даром облако, даром ветер,
даром дождик и слякоть даром.
«Кадиллаков» скользящих фары
и витрин колдовские чары —
все
смотри, сколько хочешь,
даром.
Хлеб здесь, правда,
дело другое,
удовольствие дорогое,
но ведь можно его с лихвою
заменить даровою зорькой,
даровою водой морскою,
по-турецки водою горькой.
За свободу здесь, правда,
платят,
даже часто и головою,
но ведь рабство здесь даром, братья!

Нет, неплохо на белом свете:
даром тучи и даром ветер...

Нет средства

Нету средства от выпаденья волос,
от старости нету средства,
нет от морщин, от смертей и от слез...
Это понятно.
Это мы знаем с детства.
Но от голода тоже нет!
От безработицы тоже нет!
Это нам непонятно.

Но нету средства.

МЕЛИХ ДЖЕВДЕТ АНДАЙ

Ложь

Я поэт.
Я люблю и закат и зарю.
Людям
только хорошее я говорю.
Девушкам я говорю о приданом,
веткам засохшим —
о ярких листьях,
о будущем говорю мальчуганам,
узникам — об амнистии.
Я мог бы еще о многом сказать,
но трудное это дело —
лгать.

Ты среди сокровищ

На что ты жалуешься, Мехмет!
Ты по сокровищам ходишь;
в земле
чего только нет!
И медь и железо найдешь ты, и золота след;
добывай, извлекай из нее, Мехмет,
сокровище дорогое.
Правда, когда ты добудешь его,
оно не станет твоим,
оно станет чужим...
Но это — дело другое.
На что ж ты жалуешься, Мехмет!

Откуда она?

Мы о солнце многое знаем,
и сколько пятен на каждой планете,
почему расцветают гвоздики в мае,
и как появились люди на свете,
зачем приобрел себе иглы еж,
откуда глаголы и имена,
и как засияла на небе луна...

Но кто знает, откуда ложь!
Откуда она!

ЗИЯ ОСМАН

Руки

Все вы из мяса, костей и жил... Так отчего вы такие разные:
руки рабочие и руки праздные,

руки, упавшие на колени, корявые, жесткие,
и гладкие руки с рыжею шерсткою!

Есть руки — лет пятьдесят им дашь за глаза ты.
Это руки твоего двадцатилетнего брата.

Есть руки стертые, как монета.
Это руки жены твоей, бедной жены поэта,

что за полночь ложится и встает на рассвете,
чтобы выскресть полы и белье постирать твоим детям.

Есть руки, раскрытые гримасой застывшею,—
руки нищего.

Руки, готовые на убийство ради хлеба насущного,
и руки, железо решетки грызущие.

Руки бугристые, как взрытое поле,—
руки-мозоли...

Руки! Все вы, как листья, как листья на ветке одной,
все вы четыре пальца, а пятый большой.

Так отчего ж вы такие разные,
руки рабочие и руки праздные!

Современные турецкие поэты Орхан Вели, Зия Осман и Мелих Джевдет Андай малоизвестны нашим читателям. На русский язык их стихи почти не переводились. Но даже по тем немногим стихотворениям, которые вы здесь прочли, видно, что это поэты замечательные. С умной и доброй, иногда немного грустной улыбкой говорят они читателю большую правду об окружающей его жизни.

Перевел эти стихи с турецкого языка А. Янов.

ПЕРВЫЙ ВЗЛЕТ

Иосиф ДИК

Рисунки В. Тарасенко.

Когда Вову Морковкина на сборе решили назначить главным голубеводом класса, больше всех протестовал Пашка Туманов.

— Долой Морковкина! — вопил он, размахивая руками.— У него ничего не выйдет!

— А почему не выйдет? — кричали ребята, предложившие Вовкину кандидатуру.

— А потому, что он свистеть не умеет! И мама у него всех голубей перережет...

— Нет, она не перережет,— чуть не плача, говорил Вова,— она крови боится.

— А они у вас в комнате всю посуду перебьют!

— А я посуду уберу,— не сдавался Вова,— и голубятню сделаю!

Ему очень хотелось оправдать доверие класса. Это было первое общественное поручение.

В общем, так или иначе, а кандидатуру Морковкина класс все же отстоял. Вова должен был первым в классе начать разводить голубей, приобрести в этом деле опыт, а затем этот опыт распространить среди своих соучеников.

На следующий день на покупку «опытной пары» голубей в классе было собрано с каждого по пятидесяти копеек, и Вова, громыхая карманами, набитыми мелочью, пошел после уроков к себе домой осваивать новый вид спорта.

Для начала Вова решил узнать: а почему обыкновенный голубь называется «голубем мира»? Он залез в папин шкаф с книгами и в энциклопедии нашел удивительное объяснение. Когда древний бог войны Марс однажды отправился в поход, он не мог надеть свой шлем, потому что голубка свила в нем гнездо.

Подведя теоретическую базу на случай атак со стороны мамы, Вова перевел всю денежную мелочь в бумажные знаки, а затем принялся учиться настоящему свисту. Он засовывал четыре пальца в рот и рывками выдувал из себя воздух. Однако изо рта вырывалось гусиное шипение. Тогда Вова перешел на два пальца и стал то закладывать между зубами язык, то вытягивать губы. Но и тут ничего не получалось. Оставалось одно: свистеть через выбитый зуб. Но, к сожалению, такового во рту не оказалось.

Впрочем, однажды в воскресенье, промучившись целое утро, Вова так оглушительно свистнул в два пальца, что из кухни прибежала мама.

— Вова, что ты делаешь? — закричала она.— Это — безобразие!

— Нет, это не безобразие,— радостно ответил Вова,— а общественное задание! — И еще раз свистнул.

— Общественное задание?! — удивилась

мама.— А может быть, ты еще и голубей будешь гонять?!

— Вот то-то и оно! — сказал Вова.— Мне надо завести самца и самочку.

— Боже, что он говорит! — воскликнула мама и позвала из другой комнаты папу.

Когда в столовой появился папа, мама буквально засыпала его словами:

— Вот посмотри, плоды твоего воспитания! Вчера он красками стал красить рояль, а сегодня он уже о голубях думает. Ты слышал, как он свистит?

— Слышал,— ответил папа.

— И не обратил внимания?

— А что же тут такого, все мальчишки умеют свистеть.

— Но ведь он же себе губы разрывает! Посмотри на его рот — весь красный! А теперь он еще хочет купить голубей...

— Подожди, Верочка, не шуми,— сказал папа.— Ну и пускай покупает. Голубь — благородная птица...

— Когда Марс, бог войны, отправился в поход,— начал объяснять Вова,— то он...

— При чем тут марсиане? — перебила его мама.— Никаких голубей! Вова, ты понял меня? Никаких голубей! Не хватало, чтобы ты еще шею сломал.

— Мам, я не упаду с крыши!..— заныл Вова.— И я себе свистульку куплю вместо пальцев.

Он посмотрел с мольбой на папу: дескать, спасай. Но тот, видно, чтобы не подрывать мамин авторитет, махнул рукой и пошел к себе в кабинет.

У Вовы от горя разрывалось сердце. Если мама и папа против голубей, значит, придется с голубями расстаться. Но как же быть? Ведь Вова не о себе заботится, а обо всем классе. И что же выходит? Значит, Пашка прав, когда кричал: «Долой Морковкина!» Дудки ему! Прав!..

И тут назло Пашке Вова решил сесть на трамвай и поехать на птичий рынок.

...Рынок начинался еще задолго до входа на большую асфальтированную площадь с крытыми прилавками. Здесь были сотни людей с голубями, щенками, котятами, кроликами, гусями. Щенки и котята выглядывали из-под воротников рубах, пальто, телогреек. Гуси крякали в мешках. Кролики сидели в корзинках. Какой-то дядька водил за собой на веревочке здоровенного серебристого петуха, который время от времени с криком «кукареку» кидался на прохожих. Те со смехом разбегались по сторонам.

— Ребя-я! — радостно стонал кто-то.— Меня жареный петух клюнул!

Вова разевал рот от удивления. Он не знал, никогда не думал, что в Москве живет столько любителей птиц, рыб и животных.

В ряду кормов для рыб продавались сушеная дафния и циклопы. В больших консервных банках копошились красные червячки длиной с граммофонную иголку. На развернутых газетках в черной земле копошились белые червячки. Продавец брал их щепотками и укладывал в специальную мерку — пустой спичечный коробок.

— Бери за рупь,— предлагал продавец червей.— Самая что ни на есть ихняя еда, вроде икры или ветчины. Вот, положим, тебе хочется чего-нибудь солененького куснуть али сырка. Так и рыбе надо разнообразное меню...

— Кому элодею и папоротник? Кому элодею и папоротник? — басом говорил высокий гражданин, держа в одной руке банку с зелеными растениями, а в другой — медицинский пинцет.

За стеклянной банкой в воде растения казались большими, широколистыми, а вынимали их оттуда — они становились тощими и жалкими.

Тут же, за прилавками, лежали и речной

песок цвета яичного желтка, и надутые футбольные камеры, служащие для вдувания воздуха в аквариум, и электрический воздушный компрессор.

А в «птичьем» ряду верещали щеглы, синицы, канарейки, ярко-голубые, с зелеными переливами попугайчики. Вова думал, что они заморские, откуда-нибудь из Чили или с Суматры, но оказалось, что их выводили в Москве.

Под клеткой с канарейкой сидела старушка и держала в руках бутылку с бумажной этикеткой «Кислота из хвоста муравьев».

— Можешь отпить глоточек,— сказала она Вове.— Эта кислота вроде как лимон. Я дома, в деревне, с ней даже чай пью. А так она от ревматизма.

То тут, то там раздавались голоса:

— Щегол поет с гарантией!

— А к кенарю надо сажать синицу, тогда они друг друга поддержат. Ну, как хор Пятницкого!

— У кого есть соловей? Куплю соловья!

— Клетка плохая? Да вы очки снимите! Она же ведь из рояля сделана. Одни проволочки что стоят! Сюда хоть гориллу сажай, не выскочит.

Но самым большим рядом был голубиный. Продавцы держали голубей и в плетеных корзинах и в металлических клетках, которые могли складываться в чемоданы. Сидели голуби целыми стаями. «Дутыши», «пегарьки», «воротникастые», «немцы», «почтари» — всех цветов, раскрасок и оттенков — спокойно ворковали и поклевывали зерно. Покупатели для чего-то расправляли им крылья, дули под хвост, раскрывали клювики.

Вова с интересом прислушивался к «ученым» разговорам. Оказалось, что голубь ценится по головке и «платью», то есть по оперению. Лучший голубь — это «немец», и стоит он до 300 рублей. «Немцы» появились у нас после войны. Их привезли солдаты из Германии. Эти голуби летают со скоростью экспресса и безошибочно находят свой дом. А «турманы» — это такие голуби, которые могут кувыркаться в воздухе через голову.

Рябоватый парень, у которого голуби торчали из всех карманов, из-за пазухи и голенищ широких сапог, уговорил Вову купить за двадцатку «понятых» — самца и самочку.

— Мечта, а не птица,— сказал он.— Купишь — весь век благодарить будешь. Они тебе в месяц по два яичка приносить будут. Ты их что, для продажи будешь разводить?

— Нет,— ответил Вова.— Как птицу дружбы...

— А-а... ясно... Для политики, значит!.. Во-во! Они самые подходящие... Ну, бери тогда с корзинкой. Отдаю бесплатно.

Домой Вова приехал на трамвае. Идти к себе он побоялся. Пожалуй, опять скандал будет! Но куда же все-таки девать голубей? Во дворе сараев нет: в их доме парсвое отопление. В подвал отнести — не годится, голубям нужен свет. А что, если на чердак?

И Вова с корзинкой, осторожно переставляя ее со ступеньки на ступеньку, полез по пожарной лестнице.

— Эй, Морковкин, ты куда? — услышал он за спиной голос Пашки Туманова.— Лунатиком заделался?

— Сам ты лунатик! — усмехнулся Вова.— Я голубей купил.

Пашка, как обезьяна, в один миг влетел на крышу и раскрыл корзинку. От солнечного света голуби вдруг стали такими ослепительно белыми, что Пашка невольно зажмурился.

— Ой, какая красота! — восхищенно сказал он.

— Это «понятые»,— наставительно сказал Вова.— То есть семья. И у них детеныши будут...

Пашка с усердием на лице взял в руки корзинку и внес ее через слуховое окно на чердак.

Здесь, под железной крышей, Вова вынул голубей и подкинул их: улететь они никуда не могли. Птицы, задевая крыльями толстые пыльные балки, разлетелись по сторонам и вдруг доверительно уселись Вове на плечо.

— Ого! Они тебя уже знают! — изумился Пашка.— А давай их на воздухе погоняем.

— Улетят,— нерешительно сказал Вова.

По-честному говоря, ему очень хотелось запустить свою покупку в воздух. А вдруг она какая-нибудь бракованная? Но кто знает, можно ли их уже выпускать или надо еще недельку подождать? Впрочем, может быть, они уже привыкли к дому? У них в голове после поездки на трамвае, должно быть, все перемешалось.

— Да смотри, они ведь уже привыкли.— убежденно сказал Пашка.— Полетают, полетают и, вот увидишь, опять прилетят! — И, схватив голубей, он полез обратно через окно на крышу.

«Ну, была не была!» — подумал Вова.

Белая парочка взмыла над крышей и, видно, обрадовавшись простору, стала ходить кругами. Потом голуби поднялись к перламутровому облаку и... стремительно скрылись из глаз.

Вова долго глядел им вслед, ждал-ждал и вдруг заплакал.

— М-да... осечка, кажется, вышла...— почесал затылок Пашка.— Но я думаю, что они просто попить захотели и сейчас вернутся.

— Ну да, вернутся! — с горечью сказал Вова.— Что же я теперь в классе скажу? Ведь на меня надеялись.

— А то и скажешь, что опыт не удался. Ведь это же была «опытная пара»?

— Опытная.

— Ну и горевать тут нечего.

Наутро Пашка с большими подробностями рассказал всему классу о том, как Вова умело гонял у них во дворе голубей, и как эти голуби садились Вовке на плечо, и как они поднялись к самому облаку и улетели.

И Пашка очень просил, чтобы класс Вову не ругал.

Откровенно говоря, многие ребята очень смеялись над незадачливым Вовой. Но когда на большой перемене в класс пришла Вовина мама и сказала пионервожатому, что ее сына надо снять с должности главного голубевода, весь класс постановил: не снимать. Во чтобы то ни стало уговорить маму. Вова уже знал, как надо обращаться с голубями. У Вовы был уже опыт. А опытных людей, как известно, надо ценить.

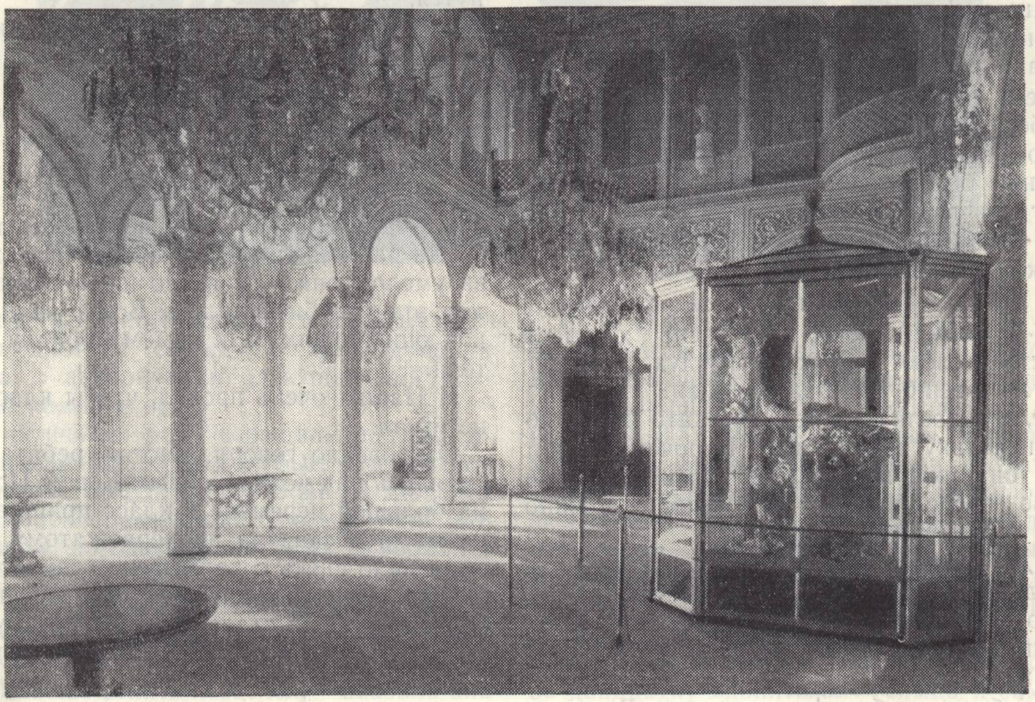

«Мама, мы смотрим на искусственный спутник Земли, созданный дядями из Советского Союза». С такой подписью прислали китайские друзья эту группу кукол в подарок советским детям.

В ленинградском ЭРМИТАЖЕ

К. ШНЕЙДЕР

Рисунки О. Зотова.

Павильонный зал Эрмитажа.

ДВОРЕЦ НАД НЕВОЙ

Вы читали «Ночь перед Рождеством», пленительную сказку Гоголя? Читали, конечно. Добрый украинский хлопец, кузнец Вакула, в поисках черевичек для своей капризной невесты, тех черевичек, какие носит сама царица, попадает во дворец к императрице Екатерине.

Много чудес увидели там изумленные глаза Вакулы. Но ведь он был кузнец и живописец, поэтому особенно поразили его две вещи: медная ручка двери и картина на стене.

Вот как рассказывается об этом.

«Что за лестница! — шептал про себя кузнец,— жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот говорят: лгут сказки! кой черт лгут! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!.. Что за картина! что за чудная живопись! — рассуждал он,— вот кажется, говорит! кажется, живая! а дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! Боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь, да бакан. А голубая так и горит! важная работа! должно быть, грунт наведен был блейвасом. Сколь, однакож, не удивительны сии малевания, но эта медная ручка,— продолжал он, подходя к двери и щупая замок,— еще большего достойна удивления. Эк, какая чистая выделка!»

Вы вспомнили эту сказку. Вы знаете, что было дальше и чем все кончилось. Но знаете ли вы, что дворец, которым так восхищался Вакула, не выдуман, что он был на самом деле, что он и сейчас стоит во всем своем великолепии на набережной Невы? Тот самый дворец, с той же самой беломраморной красавицей-лестницей и с затейливыми бронзовыми ручками дверей.

Удивительна сказка о том, как простой кузнец попал в царские палаты, но много удивительней показалась бы в те времена правда нашей жизни.

Если бы великий зодчий Варфоломей Растрелли мог сказочным образом очутиться теперь в одно из воскресений на набережной Невы и, опираясь на палку с золотым набалдашником, подошел бы к Зимнему дворцу, чтобы полюбоваться творением рук своих, он остановился бы в изумлении и тревоге. Что происходит в обиталище царей? Почему непрерывным потоком течет во дворец множество людей? Как их пустили туда? И кто они, эти люди?

Дети опережают седовласых старцев; солдаты идут вперемежку с офицерами; вот совсем юный матрос идет рядом с кудрявой девушкой; усатый командир ведет за руку серьезного мальчугана, может быть, сына, а вернее, внука. Прошли юноши с узкими черными глазами — гости из Китая; прошагал узбек в вышитой тюбетейке. И не один кузнец, а десятки и сотни кузнецов, столяров, каменщиков и землепашцев заполнили огромный вестибюль. Очередь многотысячная. Она закрутилась пружиной между высоких колонн. А народ все идет и идет...

Варфоломей Варфоломеевич! Не тревожьтесь! С великим почтением вступают эти люди в сверкающие залы. Они понимают красоту и умеют беречь ее. Это народ входит в свой дворец, туда, где ныне поселилось Искусство.

Люди идут в один из величайших музеев мира. Они идут в Эрмитаж.

ЧТО ТАКОЕ ЭРМИТАЖ?

Слово «эрмитаж» значит «место уединения», «келья отшельника». Некогда императрица Екатерина II устроила для себя во дворце уютный уголок «для душевного спокойствия и приятных удовольствий».

«Уголок» этот занимал целый ряд обширных залов. Екатерина украсила его редкими картинами и дорогими предметами искусства. Целыми коллекциями закупала она картины за границей; их перевозили морем в Петербург.

В Эрмитаж перешли и коллекции картин из Петровской кунсткамеры — все то, что Петр закупал в любимой им Голландии: прекрасные портреты, морские ландшафты, очаровательные маленькие картины со сценками из жизни простых людей.

Во времена Екатерины Эрмитаж еще не был музеем. Это было продолжение Зимнего дворца, личные комнаты императрицы. Хвастаясь своим Эрмитажем, Екатерина писала в письме своим заграничным друзьям: «Всем этим любуются мыши и я...»

Позже Эрмитаж был назван «Императорским музеумом». И все же проникнуть в него было нелегко.

Эрмитаж богател, разрастался, слава о нем шла по всему миру. Иностранцы приезжали любоваться картинами и статуями, которые уплыли из их стран. Иностранцев пускали. А русские люди могли только мечтать о том, чтобы взглянуть на удивительные сокровища.

Сасанидское серебряное блюдо. Иран. Средние века.

Наконец дворцовые власти разрешили доступ публике, но только «пристойно одетой». Не думайте, что это означало: одетой чисто и опрятно. Нет, имелось в виду совсем другое. Однажды хранитель картинной галереи получил из придворной конторы записку, в которой говорилось, что царь Николай I заметил нескольких посетителей в сюртуках и, найдя сие неприличным, высочайше повелел, чтобы «впредь посетители военного звания не иначе были бы впускаемы в Эрмитаж, как в мундирах, а гражданские чиновники и иностранцы во фраках».

Что же было делать художникам, учившимся в Академии художеств, для которых посещение Эрмитажа являлось первейшей необходимостью? Ведь среди них было немало крепостных людей, отданных господами на выучку различным художествам. У них-то ведь не было ни мундиров, ни фраков, ни даже сюртуков!

Мальчик, вынимающий занозу. Италия.

Вот какие письма получали хранители Эрмитажа:

«Милостивый государь Франц Иванович! Покорнейше прошу Ваше превосходительство позволить живописцу моему Александру Никитину переписать картин некоторые в Эрмитаже. Он мой крепостной, за его хорошее поведение отвечаю.

Князь Парфений Енгалычев».

Пинафинейская амфора. Боспорское царство. Конец V века до нашей эры.

Таких писем было много, а разрешение давалось редко.

Случалось и так, что художника прерывали посреди работы и отбирали у него под тем или иным предлогом разрешение. Это бывало особенно горько.

Коллекции росли и множились. При Николае I был пристроен новый Эрмитаж с его знаменитыми десятью атлантами, которые поддерживают крышу портика.

Николай считал себя большим знатоком искусства и распоряжался по-командирски: он сам решал, какие картины оставить, какие вынести из Эрмитажа и подарить тому или другому лицу. Если содержание картины царю не нравилось, он попросту приказывал уничтожить полотно. И приказа не могли ослушаться.

Все, что находилось в Эрмитаже, принадлежало царю. Великолепные картины, статуи, драгоценные вазы, клады, выкопанные из земли,— все это имущество царей, и царь может сделать с этим, что ему заблагорассудится. Но времена менялись. Все труднее и труднее было держать закрытыми двери всемирно прославленного музея. Были назначены дни и часы для посетителей.

Но по-настоящему народным Эрмитаж стал только после революции. Наконец-то двери его широко распахнулись для всех желающих, без всяких ограничений!

Великие перемены произошли в Эрмитаже после Октября. Состав его коллекций вырос во множество раз: из разных дворцов и особняков богачей широкой рекой потекли сюда драгоценные предметы искусства. Из отдаленных краев нашей Родины шли посылки, в которых были вещи, добытые при раскопках, сокровища древней культуры. Несравненные образцы своего художественного творчества дают народы Востока...

Бронзовая фигурка фантастического существа, украшавшая трон. Урарту. VIII—VII века до нашей эры.

Все это великое множество не умещается в трех корпусах. И вот весь грандиозный Зимний дворец Советская власть отдает Эрмитажу.

ЭРМИТАЖ СЕГОДНЯ

Нет никакой возможности рассказать о всех замечательных вещах, которые собраны в Эрмитаже. В нем хранится около двух миллионов различных экспонатов. Два миллиона! Если бы вы решили познакомиться с ними, тратя на каждый не более одной минуты, то, начав осмотр сегодня, вы закончили бы его в 1960 году, да и то на самом его исходе.

Удивительные сокровища эти размещены в трехстах залах.

Четыре соединенных между собой корпуса, построенных в разное время,— вот она, громада Эрмитажа.

Пышнее всех старший из них — колоссальный Зимний дворец, бессмертное творение Растрелли. Все, начиная с лестницы, поражает взгляд. Позолота и скульптура, дивная роспись стен и потолков, малахит, мрамор и лазурит стен и колонн, яшма, орлец, нефрит каменных полов, разнообразные сорта драгоценного дерева лощеных паркетов — все говорит нам о высоком таланте зодчих, о несравненном искусстве мастеров, часто нам неизвестных.

Если бы эти залы стояли пустыми, то и тогда дворец остался бы замечательным музеем художеств.

Тускло мерцают серебряные узоры на тяжелых драпировках Малого тронного зала (он зовется еще Петровским). Уходит в полумглу роспись сводов. Всюду лепка и золото, всюду цветной камень и наглухо врезанные в стены картины.

Рядом весь молочно-белый, светлый Георгиевский тронный зал. Это восьмисотметровая громада, на чудесный паркет которой пошло дерево шестнадцати разных пород.

Тут же за стеной знаменитая галерея Отечественной войны — единственная в мире коллекция портретов военачальников,

Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

Помните эти строки? Пушкин проходил по этой галерее, размышляя о судьбах нашей Родины.

Над Зимней канавкой из одного корпуса в другой тянется узкий коридор, весь в колоннах. Это точная копия прославленных «Лоджий Рафаэля», памятника искусства, возведенного зодчим Браманте и расписанного гениальным художником Возрождения Рафаэлем Санцио.

Вот зал самого нового из эрмитажных зданий; тут теперь размещены памятники античной эллинской скульптуры. Пол этого зала вымощен мозаикой, найденной при раскопках греческого города Херсонеса в Крыму. Изготовлена мозаика эта четырнадцать веков назад.

Не легко оглядеть все триста залов за один раз. Путеводители по музею советуют даже первое ознакомление с ним осуществлять не в одно, а в несколько посещений.

Ведь одна только картинная галерея Эрмитажа занимает около 125 залов. Сколько же там картин? Много, очень много. Просто теряешься, когда попадаешь в эти залы в первый раз. У какой картины задержаться? Какую постараться запомнить?

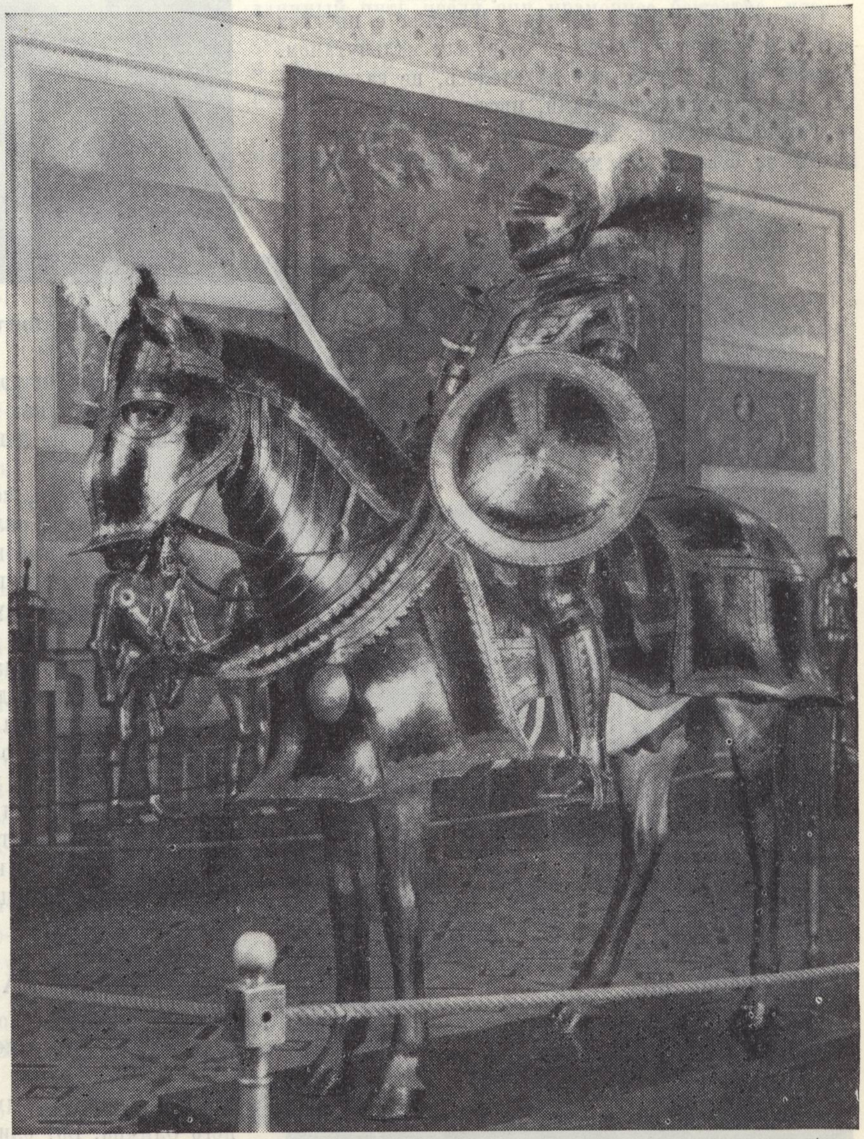
К счастью, есть люди, которые знают про эти картины все. Вот они-то и помогут вам разобраться во всем этом великолепии. Они расскажут вам содержание непонятной картины, обратят ваше внимание на то, как тот или другой художник распоряжался красками, как он писал свет и мрак, небо и воду, человека и животных, ткани, цветы... Они расскажут вам, какая разница между художниками разных стран, разных эпох. Объяснят, что в искусстве живописи называется «школой». Все это очень интересно и полезно.

Но самое интересное начинается тогда, когда вы приходите сюда в третий, четвертый, пятый раз. Когда среди этих картин у вас уже есть свои любимицы. Когда, попадая в зал, где висят маленькие картины, на которых с изумительным мастерством написаны сценки из простой домашней жизни, вы сразу узнаете: это голландцы! Только они так уютно, а иногда и забавно умели написать то женщину, которая доит корову, то деревенских музыкантов, то веселую пирушку, то свой родной город в зимнюю пору, когда каналы, заменяющие улицы, превращаются в лед, а все люди становятся конькобежцами, и видно, что для них это не спорт, не отдых, нет, просто все они спешат на работу в свои лавки и мастерские, на рынок или в школу, им так, на коньках, удобнее, так быстрее.

Величайший из голландских художников — Рембрандт помещается отдельно. И его вы скоро научитесь узнавать по необыкновенной игре света и тени на его полотнах. У нас в Эрмитаже находятся лучшие из портретов кисти Рембрандта, его великолепные гравюры и знаменитые на весь мир картины: «Возвращение блудного сына», «Даная» и другие.

Но, может быть, вас больше всего пленит лучезарная красота картин итальянского Возрождения? Может быть, они запомнятся вам лучше всего? Может быть, среди них одна станет для вас самой дорогой?

Выбирайте смело любую, никто не запретит вам считать ее своей, все они и вправду теперь ваши, эти шедевры Эрмитажа.

Рыцарь в доспехах на коне. Франция.

ДВЕ МАТЕРИ

В каждом музее, как бы велик он ни был, всегда есть отдельные сокровища, главные жемчужины, к которым особенно тянутся люди.

Войдем в длинный зал, который выходит окнами на Неву. Налево, ближе к окнам, в особых витринах вы увидите две маленькие, не больше газетного листа, картины. Всегда, утром и вечером, перед ними стоят люди, вглядываясь в драгоценные черты. Это два шедевра великого Леонардо да Винчи: «Мадонна Литта» и «Мадонна с цветком», ее называют еще «Мадонна Бенуа».

Постойте поочередно перед двумя мадоннами. Какие они разные, эти матери, и с какой гениальной силой выражена в них мысль художника!

Совсем молоденькая девочка, Мадонна с цветком весело и бездумно играет со здоровым мальчуганом. Должно быть, художнику захотелось, не задумываясь над древними легендами, просто изобразить живую радость матери. Маленький Иисус совсем не похож на бога, и его мать — на святую. И может

Мадонна Литта. Леонардо да Винчи.

быть, художник нарочно окружил головы матери и сына венчиком, как полагалось на иконах; без этого никто и не догадался бы, что это божья матерь.

А рядом другая, совсем другая мать. Она заботливо и задумчиво склонилась над крошечным сыном. С великой любовью и грустью смотрит она на него, как бы предчувствуя, какая суждена ему большая и тяжкая судьба. Посмотрите в глаза этого ребенка: мудрые, совсем недетские глаза. Нет, здесь мастеру не понадобилось никаких венчиков над головами! Легенда о Христе воплощена здесь с большой силой. А мы с вами видим на картине дивный, незабываемый образ матери, любящей и встревоженной, нежной и печальной. И как тонко, какими верными чертами отметил мудрец Леонардо эти особенности! Сравните неумелое движение рук шаловливой девочки с нежной, трогательной осторожностью тонких пальцев грустной мадонны!

Мадонна Бенуа. Леонардо да Винчи.

ВЕНЕРА ЭРМИТАЖНАЯ

В тихих залах первого этажа человек проходит между рядами мраморных изваяний. На него смотрят пустыми глазами боги и богини древнего Олимпа. Вот олицетворение силы и мощи природы — Юпитер. Вот супруга его — гневная Юнона. А вот там, у входа в один из залов, стройная и

поистине прекрасная женщина — знаменитая Венера Эрмитажная.

Статуя эта попала в Россию из Италии еще при Петре I. Заполучить эту драгоценность было не так-то легко; русским дипломатам пришлось пойти на хитрость. И чтобы вам стала понятна эта древняя история, нужно начать рассказ не с Венеры, а со святой Бригитты.

Святая Бригитта слывет у католиков «просветительницей эстов» (эстонцев). Ее «нетленные мощи» — горсточка сухих костей и обветшалых тряпочек — долгое время хранились в монастыре под Ревелем (так прежде назывался Таллин). Потом эсты переменили свою религию и стали протестантами, а протестанты не верят в святых.

В начале XVIII века Эстляндией овладели русские. Русских католические святые совсем не интересовали. И когда немногочисленные эстонские католики захотели перенести в Ревель мощи своей покровительницы, им никто не возражал.

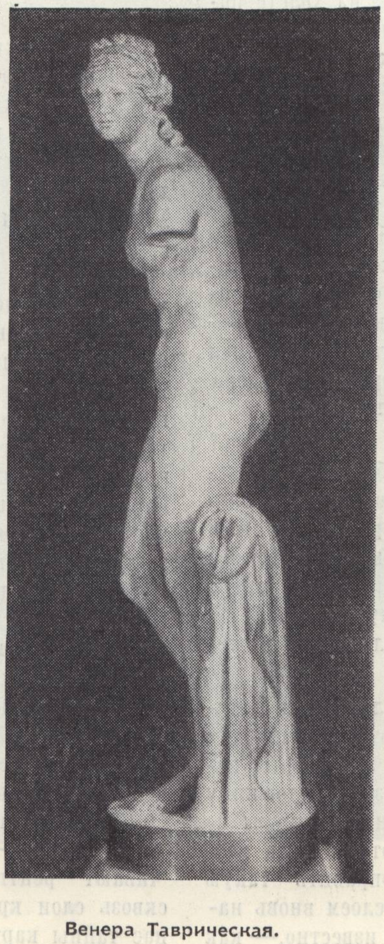
Примерно в эти дни царь Петр приказал дворянину Кологривову отправиться в Рим. Надо было поглядеть, как ведут себя там недоросли, посланные в науку царем. А заодно, не тратя больших денег — Петр был экономный царь,— купить для петербургской «кунсткамеры», первого нашего музея, какие-нибудь тамошние чудеса.

Рим славится древностями. Там под каждой развалиной погребены дивные статуи, драгоценные обломки. В поисках диковинок Кологривов попал к художнику-реставратору и тут увидел прекрасную Венеру.

Ее недавно только откопали, и она была еще мало кому известна, а поэтому и цена на нее была подходящая. Кологривов решил немедленно приобрести статую для своего царя. И вдруг дело застопорилось. Оказалось, что папа римский недавно издал буллу — специальный указ — о том, что вывоз древностей из Рима запрещен.

Как ни просил Кологривов, папа заупрямился и отказал. Кологривов отправился к нашему дипломату. Стали думать вместе, как все-таки заполучить статую. И надумали. Это был хитроумный план.

Повелителю католиков предложили в обмен на Венеру мощи святой Бригитты.

Венера Таврическая.

Папа Климент XI был человек неглупый, он прекрасно понимал, что мощи Бригитты не стоят ровно ничего, а прекрасная Венера — это сокровище огромной ценности. Но что было делать? Кологривов уже постарался, чтобы праведные католики прослышали об этом: русский царь согласен отдать католикам их святыню — мощи Бригитты — в обмен на изображение грешной языческой богини. Что было делать папе?

Пришлось согласиться: фанатики не простили бы ему этой Бригитты. И Кологривов увез Венеру. Впрочем, «увез» не то слово. Вернее сказать, ее унесли на руках. Везти такую драгоценность морем побоялись: кораблекрушения были тогда обычным делом. Наземные дороги и телеги и того хуже. Были наняты носильщики. Почти всю дорогу, весь длинный путь несли они мраморное божество, кое-где укладывая его в особую люльку, подвешенную к спокойным лошадям. Впереди двигались люди, разведывавшие дорогу, сзади шла охрана.

Святая Бригитта перекочевала в Рим. А Венера попала в Эрмитаж.

ТАМ, КУДА НЕ ПУСКАЮТ

Двери Эрмитажа широко открыты для всех. Есть в нем «особые залы», где в стеклянных витринах выставлены вещи громадной ценности. Есть там золотые серьги тончайшей ювелирной работы, в которых две тысячи лет тому назад положили в мраморный саркофаг жрицу богини Деметры. Есть драгоценное оружие древних воинов; золотые и серебряные сосуды и всевозможные украшения.

Там можно увидеть коллекцию часов самой причудливой формы; золотые табакерки, усыпанные бриллиантами и рубинами,— их дарили цари вельможам за особые заслуги — и многое, многое другое.

И в эти залы вас пустят.

Но есть в Эрмитаже комнаты, куда посетителей не пускают. Почему? Неужели за этими дверьми таятся вещи еще более драгоценные, чем античные мраморные статуи, чем полотна гениальных мастеров живописи, чем замечательные изделия из золота и бриллиантов? Что же там такое?

Золотые подвески.
Боспорское царство.
Конец V века до нашей эры.

Может быть, вы разочаруетесь, если вам скажут, что там просто кабинеты ученых, лаборатории и мастерские? Да, там работают историки, археологи, искусствоведы Эрмитажа; там трудятся чудесные мастера-реставраторы. И, может быть, то, что творится за этими дверьми, интереснее всего.

Каждая вещь, выставленная в залах Эрмитажа, имеет свою историю; у многих свои тайны, которые надо разгадать, свои приключения, о которых можно написать много книг. Всем этим занимаются ученые Эрмитажа.

Ведь для того, чтобы картина получила почетное право висеть в эрмитажной галерее, надо ее хорошо изучить: определить, где, в какой стране она была написана, в каком веке и кем,— ведь бывает, что на полотне подпись стерлась от времени или совершенно неразборчива.

Случалось, что подпись подделана: на холсте посредственной работы поставлена подпись знаменитого мастера,— так делают мошенники, чтобы дороже продать картину. Все это надо исправить.

Иногда даже хорошо известное полотно знаменитого художника так изуродовано, что его трудно узнать. Однажды сотрудник Эрмитажа увидел в комиссионном магазине картину, на которой были изображены палитра и кисти, рулоны бумаги, статуэтка бога Меркурия и другие вещи, которыми пользуются художники в своей работе. «Это, несомненно, Шарден, французский художник XVIII века,— определил ученый,— но почему такая странная овальная форма? Знаменитый натюрморт Шардена всегда был четырехугольным. Что случилось?»

Эрмитаж купил картину. И что же оказалось? Полотно было загнуто по краям — бывший владелец просто-напросто подогнал его под рамку овальной формы. Счастье еще, что не обрезал! Ценный холст удалось расправить, укрепить осыпавшуюся кое-где краску. Натюрморт Шардена висит теперь в том виде, в каком его написал художник.

Еще хуже было с пейзажами голландских мастеров.

Николай I сам распоряжался коллекциями Эрмитажа. Однажды, пересматривая работы голландских мастеров, он заявил, что некоторые ландшафты необходимо «оживить». Царь приказал художнику Шварцу «приписать на оных картинах фигуры по его усмотрению». Ценнейшие полотна были варварски изувечены. Разве можно поправить такую беду? Как узнать, что таилось под слоем вновь наложенных красок? Да если это и известно,— как извлечь из-под них сокровенную драгоценность? Ни в те времена, ни много позже делать этого не умели. А теперь? О том, что научились делать теперь, мы вам сейчас расскажем.

ВРАЧЕВАТЕЛИ КАРТИН

Кроме полотен, изуродованных рукой человека, попадаются просто «больные». Они болеют от времени, от неподходящего климата, от грязи... Все эти болезни реставраторы Эрмитажа превосходно излечивают. Часто от сырости картины покрываются плесенью. Обыкновенную плесень снять нетрудно, но бывает особо ядовитая, от которой краски могут совершенно погибнуть. Такую плесень научились снимать ультрафиолетовыми лучами.

А как поступают с картиной, на которой лак растрескался и превратился в мутный беловатый налет? Как удается снова сделать его прозрачным? Реставратор рассуждает так: лак «распался», разбился на мельчайшие чешуйки, надо их снова соединить, слить в единую, гладкую поверхность. И вот полотно заливают спиртом; пары спирта спаивают чешуйки, и картина опять делается ясной.

Бывает, что от времени пострадало не само изображение, не краски, а холст, на котором картина написана: он обветшал, того гляди, начнет расползаться по кускам, а с ним и творение гениального художника. И вот тут-то начинаются настоящие чудеса. Картину переводят на новое полотно! Да, да, эту самую картину, написанную в XVI или XVII веке; эти самые краски, изготовленные в те времена!

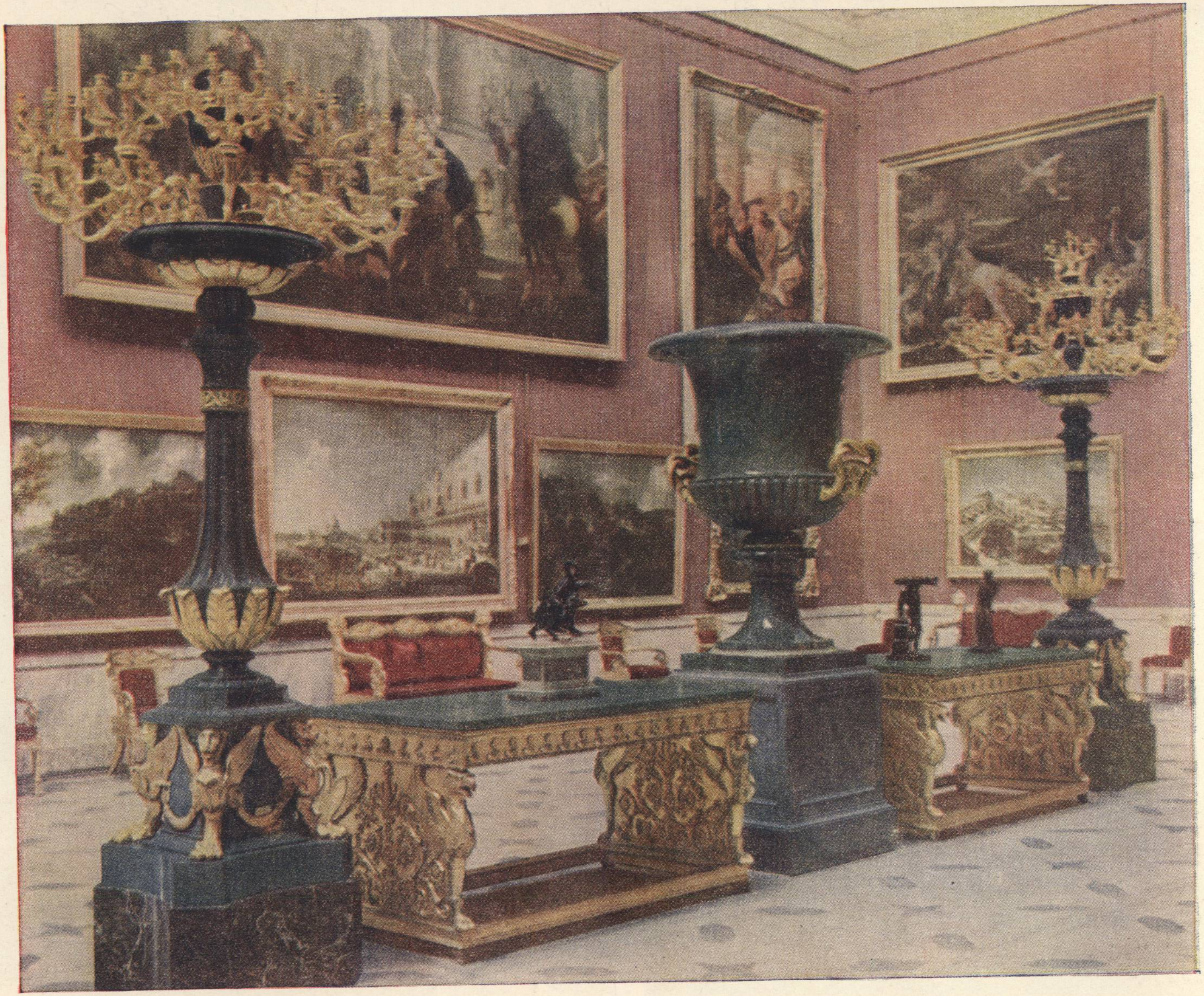
Как же это возможно? А вот, оказывается, возможно. Огромное полотно переворачивают и с обратной стороны по одной ниточке снимают весь холст до грунта. А потом наклеивают новый прочный холст, сотканный нашими советскими ткачами. Картина спасена. Сколько мастерства, сколько удивительного терпения и любви к делу нужно для этого!

Часы Кулибина.

Часто, прежде чем приступить к исправлению повреждения, картину нужно бывает изучить. Вот так же, как врачи изучают организм человека, прежде чем приступить к лечению.

С драгоценными экспонатами Эрмитажа делают то же самое — их подвергают анализам и просвечивают рентгеном. Чудесные лучи проникают сквозь слои красок и обнаруживают скрытые от нас тайны картины.

ЭРМИТАЖ. МАЛАХИТОВЫЙ ЗАЛ. Цветная фотография А. Булгакова.

«ПОРАНЕННЫЙ ПАЛЕЦ». П. Хиллестрем.

«ДЕТСТВО МАРИИ». Ф. Сурбаран.

«ЗИМНИЙ ВИД». Исаак ван Остаде.

Бронзовый кувшин. Иран. Средние века.

Безграмотный реставратор прошлого, думая исправить картину, намалевал сверх попорченного куска собственное «художество»; придворный живописец по требованию царя изобразил людей, скрыв от нас кусок голландского пейзажа... Рентген раскроет эти преступления против искусства.

И тогда с неимоверной осторожностью, миллиметр за миллиметром, художник-реставратор снимает с полотна все лишнее, и на поверхность выходит то, что, казалось, было погребено навеки.

Случается, что картина скрывает и более древнюю тайну. Иногда сам мастер — автор произведения — замазывает написанное им же и пишет поверх него другое. На одной из картин Веронезе рентгеновские лучи позволили разыскать ангела, «записанного» самим художником.

Просвечивая портрет Махаркейзуса, работы Ван-Дейка, обнаружили под ним начатый и неоконченный портрет кардинала Бентивольо. Может быть, и не удалось бы установить, что это именно он, но знатокам известен портрет этого кардинала, написанный Ван-Дейком позже. Ученые установили, что это один и тот же человек.

Конечно, в этих случаях никто не трогает картину: ведь если художник сам замазал одно и написал другое, значит, так было нужно. Но какое счастье для искусствоведа заглянуть таким образом в мастерскую великого художника, работавшего в ней двести и триста лет назад! Увидеть его поиски и сомнения, понять его творческую радость и удовлетворение!

ЭРМИТАЖ НУЖЕН ВСЕМ

Итак, в тех помещениях Эрмитажа, куда «вход посторонним воспрещен», люди работают. Искусствоведы изучают произведения искусства, опытные мастера-реставраторы «лечат» картины и статуи, восстанавливают древнее оружие, вазы, ткани, украшения... А что же «посторонние»? Только ли затем приходят люди в Эрмитаж, чтобы любоваться его сокровищами?

Давайте приглядимся к посетителям. В одной из галерей, той, что носит имя великого Растрелли, юноши и девушки, сидя на низеньких стульчиках, зарисовывают капители колонн, своды и арки. Это студенты Архитектурного института пришли сюда учиться строить прекрасные здания.

В картинных галереях, внимательно присмотревшись, вы легко отличите среди прочей публики художников: они смотрят не так, как все. Пристально, то приближаясь вплотную, то отходя в противоположный конец зала, разглядывают они картины — учатся. Для них разглядывать гениальные полотна так же важно, как рисовать самим.

В галерее 12-го года, в залах, посвященных славе русского оружия, собрались курсанты военного училища. Советские воины должны хорошо знать историю побед русского воинства, и ленинградский Эрмитаж для этого — прекрасное пособие.

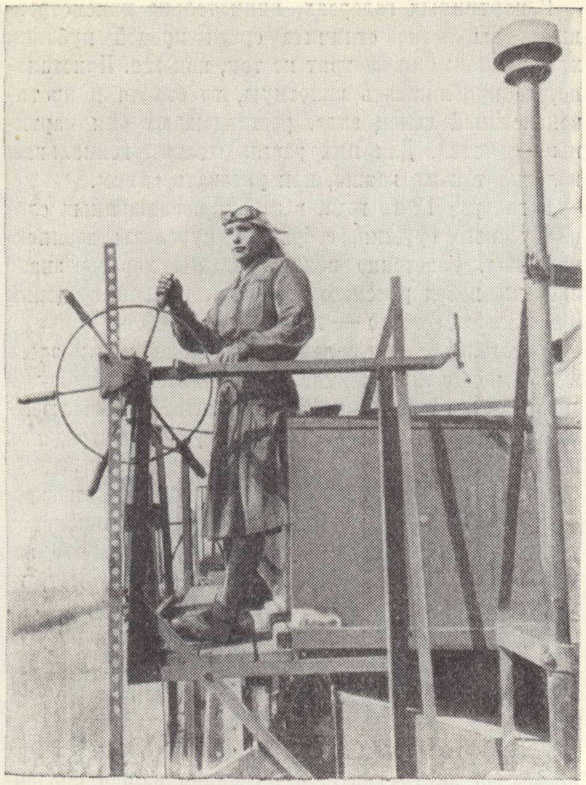
Неподалеку, чуть левее,— средние века; здесь всегда полно школьников. Еще больше их внизу, в залах древней Греции, Рима, Египта. Самые любимые уроки истории проходят у ленинградских школьников в Эрмитаже.

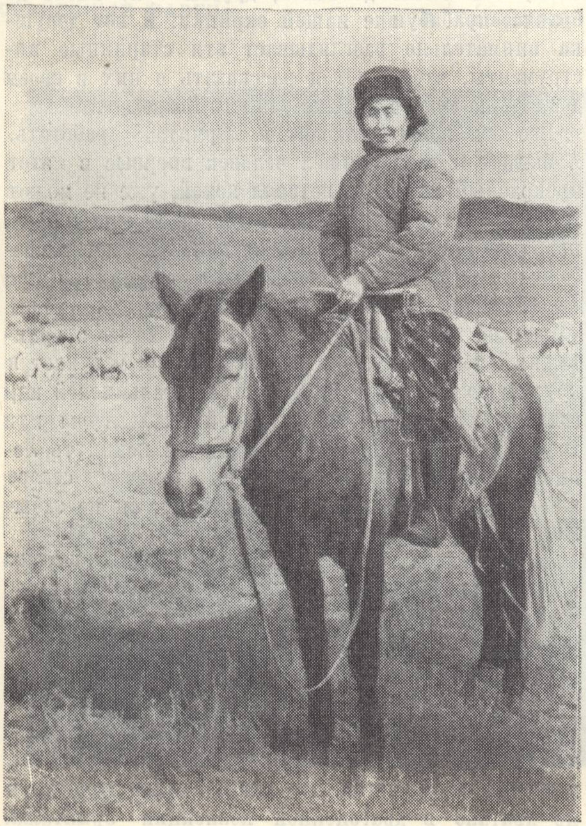
В тихом зале живописи итальянского Возрождения у картины Франческо Франча стоит тоненькая девушка и долго, сосредоточенно смотрит. Что заинтересовало ее? Манера письма? Краски? Нет, во всем этом она не очень-то хорошо разбирается; она не художница, а музыкантша, студентка консерватории... Что же нашла она полезного для себя на этой старинной картине, изображающей мадонну с младенцем? Оказывается, девушку заинтересовали два ангела в нижней части картины; один из них играет на инструменте, родственном нашей виолончели,— на виоле де гамба, другой — на виоле де браччa, прабабушке нашей скрипки. И вот девушка внимательно разглядывает эти старинные инструменты, чтобы потом рассказать о них в своем докладе на тему о музыке раннего Возрождения.

Все эти люди приходят в Эрмитаж работать. А бывает и так: пришел человек впервые в этот прекрасный дворец и потерял покой, уже не может жить без него. Он возвращается сюда еще и еще, проводит здесь свои выходные дни, забегает в свободные часы. Заинтересовавшись особенно одной какой-нибудь темой, одной эпохой, он хочет узнать об этом больше и больше. Он ходит в эрмитажный театр, слушает там лекции, он вступает в кружок по изучению французской, итальянской или голландской живописи, античной скульптуры или древностей Востока. А если придется покинуть Ленинград, то и там, где-нибудь на далеком севере или жарком юге, вдали от Эрмитажа, он не забывает о нем, пишет письма и получает ответы.

Бывает, посчастливится такому другу Эрмитажа найти в каком-нибудь древнем городе старинную, полустертую монетку; он не отбросит ее, разглядит, узнает в ней маленькое сокровище, заботливо упакует и шлет посылочку в Эрмитаж, своему другу-нумизмату, специалисту по древним монетам.

Такие посылки из разных концов нашей Родины нередко приходят на Дворцовую набережную Невы, и иногда оказывается, что именно такой монетки и не хватало в драгоценной коллекции Эрмитажа.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЧУДЕСА

В. КОВАЛЕНКО

Если ты вежливый человек, встав из-за стола, ты говоришь маме спасибо. И это справедливо.

Но твое спасибо должно относиться и к другим — ко многим твоим друзьям, тебе совсем незнакомым. Они помогли маме приготовить этот завтрак, они не только кормят, но и одевают тебя. Сегодня ты узнаешь о некоторых из этих друзей и о том, сколько успевает сделать человек, если он хорошо работает.

ВАГОНЫ С ЗЕРНОМ МУНАВАРЫ

В комбайне две тысячи разных частей и деталей. Это машина сложная. И работу она делает сложную: сама косит, обмолачивает зерно, сама очищает.

Управляя такой машиной, человек становится богатырем и выполняет работу за целый колхоз. Конечно, для этого нужно быть мастером своего дела и хорошо знать машину, хорошо управлять ею.

Именно так работает Мунавара Ахметшина, девушка-комбайнерка из Карамалы-Тубеевской МТС.

За двадцать дней уборки она своим комбайном скашивает, обмолачивает и очищает столько зерна, что для его перевозки нужен длинный железнодорожный состав из шестидесяти вагонов. Ее хлеба хватает на целый год десяти тысячам человек.

И, может быть, как раз сегодня утром ты съел булочку из того самого зерна, что пришло к нам в длинном поезде Мунавары.

ДВЕ ТЫСЯЧИ КОСТЮМОВ

А вот человек, о котором тебе напоминают твои вязаные варежки, твое пальто, теплые валенки.

Это Христина Цыренова. Она живет в степях Бурят-Монголии и пасет там стада овец.

Работа чабана требует умения и мужества. И в жару и в стужу смотрит Христина за своей отарой в степи. Если вдруг поднимется буран, надо быстро загнать овец в теплые загоны: иначе отара погибнет, разметает ее буран по степи. А малыши-ягнятки, которых в отаре каждый год родится до тысячи! Их ведь надо вырастить! Иных, очень слабеньких, приходится даже выкармливать соской. А волки, от которых надо уберечь отару! Правда, есть у чабана замечательные помощники: большие, сильные, умные собаки овчарки. Но и самому чабану нужно иметь храброе сердце, верный глаз, твердую руку. Подчас приходится Христине пускать в дело ружье.

Каждый год с овец, которых пасет Христина Цыренова, настригают столько шерсти, что из нее можно сделать две тысячи костюмов.

МОЛОЧНЫЕ РЕКИ

Кто не слышал сказку про молочные реки, про кисельные берега? А я видел молочные реки наяву — не в сказке. Правда, без кисельных берегов.

Каждое утро текут они, и руслом им служат шоссейные дороги, большие и малые. Текут молочные реки не просто сами по себе, а на колесах, в десят-

ках тысяч специальных автоцистерн или в грузовиках, битком набитых большими бидонами.

У каждой реки есть истоки. Есть они и у молочных рек. Один из этих истоков — колхоз «Фундамент социализма», Шиловского района, Рязанской области.

Здесь работает доярка Прасковья Николаевна Коврова, дважды Герой Социалистического Труда.

Быть хорошей дояркой — это не только умение, но искусство. Надо не только все правильно и вовремя делать, надо каждую корову любить, знать ее. У каждой коровы разные привычки, разные вкусы, разный аппетит. А коров-то у доярки не одна, а десяток, а то и два. И к каждой корове нужен, как говорится, «подход». Есть коровы «обидчивые». Если прикрикнуть на такую,— она даст меньше молока.

Уже двадцать восемь лет трудится Коврова; она надоила больше миллиона литров молока. Если бы ты каждый день выпивал по пять литров молока, тебе понадобилось бы шестьсот с лишним лет, чтобы выпить эту молочную реку.

ДВЕ ЗВЕНЬЕВЫЕ

Если мы скажем, что Герой Социалистического Труда Антонина Григорьевна Еременко дала стране за один год около семидесяти двух тонн свинины, каждый, конечно, подумает, что она животновод. Ничего подобного! Антонина Григорьевна выращивает кукурузу в селе Новоселки, Тернопольской области. А кукуруза — лучший корм для свиней. Вот так и получается, что Антонина Григорьевна сеет кукурузные зерна, а урожай с ее полей приходит к людям пластами жирного шпига, сочными отбивными котлетами, ожерельями сосисок и сарделек, горами розовых окороков и колбас...

Здесь мы хотим рассказать не о колхозной звеньевой Еременко, а о ее землячке, пионерской звеньевой Орисе Колесник. Но начали мы с Еременко потому, что с нее и на самом деле все это началось.

Умение работать всегда красиво. Человек, который работает хорошо, заставляет других любить свою профессию, пробуждает желание овладеть ею.

Орися Колесник родилась и выросла в колхозе, где работает Антонина Еременко — мировой рекордсмен по урожаю кукурузы. На отрядном сборе «Кем быть» Орися сказала: «Я хочу выращивать кукурузу, как наша Еременко. И хочу выращивать так же хорошо, как она».

Орися увлекла своей мечтой все пионерское звено, в котором была вожатой, и звено стало выращивать кукурузу на земле своего колхоза, перенимая опыт Антонины Еременко.

У ребят была делянка в три гектара. Надо положить немало труда, чтобы обработать столько земли, чтобы выходить хорошо посевы. Но, видно, хорошей учительнице достались хорошие ученики. Когда осенью ребята собрали урожай, оказалось, что у них кукурузы по двести центнеров на гектар, всего на тридцать шесть центнеров меньше, чем у самой Антонины Еременко.

Кукурузные початки с трех пионерских гектаров — целых шестьсот центнеров — пошли на колхозную свиноферму. Сто свиней весом по сто двадцать килограммов выкормлены этой кукурузой! Значит, ребята на каждом гектаре вырастили по четыре центнера мяса!

Но ведь этим еще не все сказано! Они испробовали свои силы и выдержали экзамен в труде. Они вложили свою долю труда в труд народа, и они сделали первый шаг к осуществлению своей мечты.

Оленьи рога

Юрий КУРАНОВ

Рисунки П. Караченцова.

Сани, сани, зачем так скрипите? Если бы скрип умирал под полозьями, а то он даже через поле в лесу отдается. За скрипом Тимка не слышит, как время от времени трескается под копытами мерина дорога. Ударит копыто в смерзшийся, звенящий от напряжения снег — и узкая трещина, словно змея, метнется через дорогу. Тимка не слышит, как трескается дорога, зато Тимка слышит, как рассказывает про волков Петрович, заготовитель из «Заготживсырья».

Сани спускаются в длинный лесной лог. Мерин прядает ушами, боязливо оглядывается на лес и равномерно выдувает из ноздрей голубые клубы пара. Упругий морозный воздух разворачивает эти клубы, и пар оседает на боках и спине мерина, прячась в глубокую гнедую шерсть. Со стороны кажется, что мерин поседел. Пожалуй, поседеешь! Вон у деда-то брови тоже поседели. У Петровича поседели усы, поседели так густо, что даже губ не видать под ними. Изо рта Петровича вырываются клубы голубого пара. Пар смерзается на усах и вороте тулупа.

Тимка и дед слушают рассказ Петровича.

— Да, однако, я третьего дня тута иду. Вроде бы ночь уже. Глядь, оно три волка бегут за мной. Ну да! Я на березу. Сижу, они, кобели, это самое, возле березы ходят. Чихают. Ага... От мороза, я так думаю, чихают. Потом друг дружке на спину и вроде бы на березу хочут залезть. Мне-то что, я знаю, не залезут, проклятущие, а страшно. Скинул я им шапку. Они того и ждали. Чик-чик — и распушили ее на мелкие кусочки. Я им вроде бы рукавицы скинул. Они и рукавицы чик-чик, и опять на березу...

В логу уже сгущается ночь. Стирая краски дня, она оставляет только два цвета: синий и черный. Синий — снег, черный — лес. За гривой над лесом по краю неба крадется багряный закат. На фоне неба высится над гривой какой-то черный предмет, напоминающий перевернутую печатную букву «ч».

Если прислушиваться к словам Петровича, то видится береза, на ней замерзающий старичок без шапки и без шубы. Под березой крутятся волки, они додирают Петровичеву шубу и готовятся снова лезть на березу. Петрович покорно вынимает из большого кожаного портфеля свои бумаги и хочет бросить портфель вниз. В эту минуту в логу раздается спасительный скрип колхозного обоза.

Если же смотреть на гриву и торчащий на фоне заката странный предмет, то хочется догадаться, что же это за предмет и зачем он стоит здесь.

— Деда, что это такое? — спрашивает внук.

— Где?

— А вон, на гриве.

— Кормушки для оленей.

— Для каких оленей?

— Марал с Алтая к нам пошел.

Снова скрипят сани.

— На каникулы внука везешь? — спрашивает Петрович.

— Пущай в лесу недельку поживет.

— В какую группу-то ходит?

— В пятый класс Заяц ходит.

— А не заскучает он у тебя в сторожке?

— Это уж его дело.

— Не задохнешься вроде бы как от скуки у деда? — спрашивает Петрович у Тимки.

— В лесу только дураки скучают,— отвечает солидно Тимка.— Весь наш класс завидует, что я к дедушке поехал.

Сани переваливают через гриву. Дорога опять уходит в лес. Тимка в последний раз оглядывается на оленью кормушку. Кормушка маячит на самом верху гривы, по гриве раскатился закат, и снег цветет, словно розовым ситцем подернулся.

Подъезжают к дедовой сторожке. Петрович просит:

— Ты, Костинькин Васильич, подвез бы меня до Колосовки.

— Заяц,— говорит дед,— ключ под крыльцом возьмешь, печку растопишь, а я коня на конюшню отгоню да заодно Петровича подвезу.

— Оно и правильно,— говорит Петрович, заглядывая Тимке в глаза.— Вроде бы как волки могут меня в лесу поймать пешком-то.

— Жди меня,— продолжает дед.— Я через гриву пойду, елку тебе принесу.

— Оно правильно,— соглашается Петрович, заглядывая в глаза деду.— Вроде бы праздник внучонку получается.

Дед осторожно касается вожжой белой спины мерина. На спине остается легкая длинная полоска. Мерин понятливо трогает.

Застоявшимся плесенным холодом и темнотой Тимку встречают сени. Робко пахнет из кадки мороженой брусникой. Тимка нащупывает возле кадки фонарь «летучая мышь», зажигает его. Из мрака воскресают контурами бревенчатые стены, дверь, над ней склоняются тяжелыми ветвями прибитые к стене оленьи рога. Эти рога висят здесь уже лет пять. Рога густо покрыты изморозью и при свете фонаря кажутся выкованными из зернистого звонкого инея.

В комнате Тимка быстро разжигает железную печку. Потом он приносит из сеней алюминиевую миску моченой брусники. Тимка садится перед печкой на положенную боком табуретку. Сосновые дрова горят весело и трескуче, железные бока печки радостно наливаются красным светящимся соком. Тимка гасит фонарь. Ему нравится, когда в комнате темно и только раскаленные бока печки светятся ало.

За дверцей свистит пламя, и утомленный впечатлениями Тимка не может разобраться, в печке свистит или на улице. Он оглядывается на окно. Окно невысокое, но длинное, почти во всю стену. По желтому мягкому свету легко догадаться, что взошла луна. Мороз нежно, но смело заковывает стекла. Вот снизу вверх потянулись по стеклам длинные туманные полосы. Они растут, ветвятся, как молодые дубы, и вот уже превращаются в сверкающую чащу оленьих рогов.

Тимка вспоминает оленью кормушку. Ему кажется, что этой ночью к ней обязательно придут олени. Если спрятаться в лесу под гривой и смотреть на кормушку, то рога оленей на фоне ночного неба будут выделяться так же красиво, как оленьи рога, нарисованные на окне морозом.

Сладкое тепло ползет от печки к ногам и голове. Тимке кажется, что на улице не так уже холодно. Ему не терпится посмотреть на оленей, которые придут к кормушке. В полумраке теплой комнаты думается: надень только шубу, выйди в лес — и вот она, грива.

Тимка встает, надевает шубу, шапку, выходит во двор. За двором начинается лес. Нужно пройти сквозь лес, и выйдешь на гриву.

В лесу строгая морозная тишина. Если где-нибудь срывается с ветки перетяжелевшая снежная шапка, то слышно, с каким звоном рассыпается сухой снег по дереву. Идти по глубоким сугробам трудно; хорошо, что еще проваливаешься не часто: снег смороженный. От ходьбы Тимке становится жарко. Он смотрит в глубину леса, и лес кажется полным каких-то притаившихся живых существ. Вот широкая коряга, гладко запорошенная. Издали она похожа на медвежью спину, прикрытую белой заячьей шубой. Вот поваленная, но не упавшая береза. Это дерево похоже на обессилевшего человека, прислонившегося головой к сосне. Голова и спина человека щедро присыпаны снегом.

Выйдя на гриву, Тимка облегченно вздыхает. Отсюда до кормушки не больше пятисот метров. Но, пройдя шагов сто, Тимка начинает различать в лесу какие-то шорохи. Он оглядывается и видит, что во мраке леса между деревьями мелькают парами желтые стремительные огни. Так горят волчьи глаза. Они мелькают над самым сугробом. И действительно, три черные короткие тени не спеша выбегают на поляну. Молча нагоняют они Тимку. Тимка срывает шапку и бросает ее волкам. Некоторое время волки кружатся возле шапки. Тимка успевает уйти от них метров на тридцать. Потом волки снова бросаются за ним.

Тимка хочет сбросить рукавицы, но вспоминает, что их он оставил дома. Тогда он сбрасывает полушубок. Полушубок падает на снег, беспомощно, как человек, раскинув рукава. Над полушубком волки задерживаются дольше. Тимка успевает уйти метров на сто. Но когда он оглядывается, волки, царапая широкими лапами по крепкому снегу, снова бегут за ним. Тимка вспоминает, что где-то здесь должен возвращаться дедушка.

— Дедушка! Дедушка! — кричит он.

За спиной уже слышится короткое волчье дыхание. Тимка сбрасывает валенок. Волчье дыхание удаляется.

— Дед! Деда-а! — кричит, задыхаясь, Тимка и чувствует, как разматывается и стелется по снегу портянка.

— Ау! Тимка! — коротко отвечает из леса дед, откуда-то совсем неподалеку.

— Дедушка! Дедушка! — кричит Тимка, запутавшись в портянке и падая в снег.

— Ау! Заяц! — отвечает дед, и раздается выстрел.

Тимкины руки скользят по шершавому снегу, снег набивается в рукава. Тимка уже ничего не видит, он только слышит, как упруго скользят над ухом широкие дедовы лыжи.

Открыв глаза, Тимка видит себя в комнате. В углу стоит елка. Игрушек на ней нет, а к верхушке суровой ниткой привязана жестяная коробочка из-под грузинского чая. На коробке нарисована розовая гора и зеленая пальма. Но пахнет в комнате почему-то не елкой. В комнате пахнет полынью. За столом спиной к Тимке сидит дед. Он ест моченую бруснику деревянной ложкой из алюминиевой миски. «Фу, как хорошо! — вздыхает облегченно Тимка.— Чего только не приснится человеку!» От сознания того, что волков нет и не было, что он не в лесу, а в кровати, Тимке становится легко и радостно. Он окидывает комнату счастливым взглядом. На печке в жестяной кружке стоит что-то темное. Над кружкой пар поднимается. Тимка догадывается, что это кипит полынь, и вспоминает, как два года назад он простудился, провалившись с коньками в прорубь, и мать потом целую неделю отпаивала его полынным отваром. До тошноты горьким был этот отвар. В окно по-прежнему струится лунный свет, и на стеклах по-прежнему горят голубой сверкающей чащей тонкие ветвистые оленьи рога.

Посмотрел на них Тимка, встали перед его глазами лесная грива и далекая оленья кормушка. Легкость и радость исчезли. Их место заняла обида за то, что не был он в лесу, что не гнались за ним волки, что не о чем будет рассказывать после каникул ребятам. От этой горькой обиды Тимка заворочался. Дед повернул голову в его сторону:

— Проснулся?

Дед отложил в сторону ложку и направился к печке. Он взял с печки кружку, процедил сквозь марлю полынный отвар, вылил его в стакан и подошел к Тимке.

— Тим, ну-ка выпей.

— Я не хочу! — испугался Тимка.

— Пей, Заяц! Ночью по лесу бегать хочешь, а лечиться не хочешь? Не дай тебе пес простудиться! Нам тогда и бежать-то от матери некуда.

— Да как же это, деда?

— А вот так же. Хорошо, мать не видела, она бы тебе штаны сняла... Это тебе почище волков, и ружьем не отпалишься. А я уж думал, до утра лежать без памяти будешь.

Пахнет полынью, на полу сиротливо валяется одинокий Тимкин валенок, и трудно понять, сердится дед или не сердится. А в окно луна светит, и горят голубые оленьи рога.

С КАЖДЫМ ДНЕМ ВСЕ ТЕПЛЕЙ

Х. С. ОСМИЕВ

С каждым днем все теплей-теплей,
Тает снежная пелена.
Подымается пар с полей,
Наступает красна весна.

«Птичка пахоты» [1], прилетев,
Отмечает весны приход.
Начинает весенний сев
Мой трудолюбивый народ.

Пробуждаясь от зимнего сна,
Почки лопаются в садах,
Зеленеет красна весна
На деревьях и на кустах.

Возвращаются журавли,
Ровной строчкой спускаясь с высот.
На просторы зеленой земли
Пастухи выгоняют скот.

Солнце светит все горячей,
Дни чудесны, погода ясна.
Наступает в сиянье лучей,
Побеждает красна весна.

Перевел с ингушского **Николай Глазков.**

[1] «Птичка пахоты» — трясогузка.

Фото Т. Маят.

Как вы думаете, какое время года здесь изображено? Что это: весна, зима, осень?..

Всмотритесь повнимательней в снимок, и он сам даст вам ответ. А тогда напишите нам, что вы узнали, какие подробности в этой картинке природы помогли вам отгадать загадку.

Немецкие друзья в гостях у пионеров 71-й школы.

ПОБЕЖДАЯ СМЕРТЬ

Очерк Е. РУБЦОВОЙ

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

Однажды осенью прошлого года в московской школе № 71 шло комсомольское собрание. И вдруг в зале появились гости: друзья из Германии, борцы антифашистского Сопротивления.

Произошла хорошая и в то же время трудная, полная напряжения встреча. Все были взволнованы. Товарищ Зиверт особенно. У Роберта Зиверта голова белая, как снег, не от старости. Он один из узников Бухенвальда, один из участников восстания в Бухенвальде, организованного советскими военнопленными вместе с заключенными-антифашистами других стран. И он не мог сдержать слез.

Не скрывали слез и другие. Это было волнение людей, увидевших то, о чем они мечтали в самые тяжелые, в самые безотрадные дни и годы.

Когда немецкие товарищи уехали, нити дружбы с ребятами не порвались. В московскую школу № 71 приходят письма с почтовыми штемпелями Гамбурга, Франкфурта, Форшгейма, Мюнхена, Бремена, Берлина. Вместе с детскими книжками, полными веселых рисунков, приходят номера антифашистской газеты «Die Tat». Есть в школе и другие, недетские книжки с траурными обложками, мрачными, как напоминание о власти Гитлера и о войне. Есть в школе и просто отпечатанные на машинке листки: воспоминания тех, кто остался в живых, о товарищах, погибших в борьбе против фашизма.

То, о чем говорят эти книги, листки и письма, очень важно знать каждому: ведь они говорят о героях, которые боролись, умирали и жили, чтобы уничтожить фашизм.

Расскажем об одном из этих героев и начнем рассказ с письма одной немецкой девочки:

«Дорогие друзья! Меня зовут Ильза Якоб.

Я в третьем классе гимназии, и мне хочется стать учительницей; моя мама — тоже учительница в Гамбурге.

Моего отца нет в живых. Он был казнен во время фашизма...

...Прошлым летом у нас в Гамбурге были дети борцов Сопротивления. Они приехали из Франции и Бельгии. С одной французской девочкой у меня переписка.

Мне пятнадцать лет, и я очень хотела бы переписываться с кем-нибудь из вас, кому столько же лет.

С сердечным приветом Ваша Ильза Якоб».

Ильза — дочь Франца Якоба. Когда девочке было всего несколько недель от роду, ее мама Кэте Якоб писала в своем дневнике:

«Милая маленькая Ильза! Мы все трое — папа, Урсель [1] и я — желали тебя от всего сердца и так радовались, что ты должна появиться на свет!.. Твой папа еще тебя не видел, маленькая Ильза. За три недели до твоего рождения ему пришлось расстаться с нами. Я знаю, что из-за тебя он делал это с тяжелым сердцем, но его убеждения сильнее всех привязанностей...»

Когда пришло письмо Ильзы, в школе № 71 уже знали про ее отца. Знали от его друзей, которые когда-то фашистским судом тоже были приговорены к каторге за участие в работе подпольной группы Франца Якоба. От них у ребят и фотография Якоба и печальные, нежные строки из дневника Катарины Якоб.

Франц Якоб, гамбургский слесарь с рабочей окраины Эймсбюттель, молодой коммунист, был известен в Гамбурге и рабочим и врагам рабочих. С ним любил советоваться Эрнст Тельман.

Фашисты ненавидели Франца Якоба и хотели убить из-за угла. Они рисовали виселицы на дверях его квартиры, думая его запугать.

Все это происходило еще до 1933 года, а в 1933 году случилось величайшее несчастье для немецкого народа и для всех народов земли: Гитлер захватил власть. В Германии стали править фашисты.

Франц Якоб.

ШУТЦХАФТ

По всей Германии тайная полиция, гестапо, банды штурмовиков, специальные команды войск «эсэс» начали массовые аресты. Фашисты знали: пока КПГ — Коммунистическая партия Германии — существует, она будет вести против них борьбу, будет поднимать на борьбу немецкий рабочий класс и все, что есть лучшего в немецком народе.

И фашисты начали расправу над компартией. Это называлось у них «предупредительным заключением» — «шутцхафт». Шутцхафт запер в тюрьмы тысячи и десятки тысяч людей. Шутцхафт... Как можно больше коммунистов засадить в тюрьму! Обезглавить, обессилить партию! Взять не только ее полководцев, но и рядовых солдат! Если возможно, всех за решетку!

Так хотелось фашистам.

Но многие избежали тюрьмы, и еще был на свободе Эрнст Тельман. Лишь через несколько месяцев трагическая случайность отдала его в руки гестапо. Коммунисты, оставшиеся на свободе, продолжали борьбу, только теперь уже борьба велась не в открытую, а тайно. Одним из организаторов этой борьбы был Франц Якоб. Полгода удавалось ему скрываться от гестапо и вести работу вместе с другими подпольщиками в Гамбурге, в Бремене, в Берлине. В июле 1933 года Франц Якоб был схвачен... Его подвергли пыткам и избиениям на допросах в гестапо. Потом был суд. Приговор: три года тюрьмы. Но и после трех лет Франца Якоба не отпустили. По особому распоряжению гестапо коммунисты из тюрем были переведены в концентрационные лагеря.

По-немецки эти два слова сокращенно обозначают буквами K и Z. «Ка-цет», концентрационный лагерь — это одно из самых страшных, самых чудовищных изобретений фашизма.

Товарищи из Германии, побывавшие в школе № 71, оставили на прощание свои адреса. Разными почерками вписаны адреса в маленький блокнотик одной из учительниц, Норы Александровны Смирновой. Рядом с адресом краткие биографические данные.

И почти каждый из писавших, сообщая о себе, вывел эти две буквы: K и Z.

«Ка-цет» Бухенвальд... Опять Бухенвальд... «Ка-цет» Равенсбрюк. «Ка-цет» Дахау, «ка-цет» Маутхаузен... «Ка-цет» Бухенвальд, Заксенхаузен... «Ка-цет» Заксенхаузен, Маутхаузен... и снова Заксенхаузен.

[1] Старшая сестра Ильзы.

Бухенвальд, Дахау, Маутхаузен, Равенсбрюк, Заксенхаузен — это лагеря уничтожения, лагеря пыток, место гибели многих миллионов людей...

Франц Якоб после трех лет тюрьмы оказался в Заксенхаузене. В официальных бумагах гестапо значилось: «Для политического перевоспитания». А «перевоспитанием» в концентрационном лагере Заксенхаузен занимались эсэсовские палачи-истязатели: Густав Зорге, Вильгельм Шуберт, прозванный за зверские расправы «пистолетным Шубертом», и другие. «Перевоспитать» на языке эсэсовцев значило сломить дух, раздавить волю, убить в человеке его человеческое достоинство.

РАЗГОВОР С УБИЙЦАМИ

Этот разговор происходил уже после разгрома фашизма. Его вел в освобожденном Берлине прокурор специального трибунала с подсудимыми эсэсовцами из лагеря Заксенхаузен. С теми самыми эсэсовцами, во власти которых столько лет были Франц Якоб и тысячи других борцов против фашизма.

Допрос Вильгельма Шуберта:

Прокурор. Вы избивали заключенных?

Шуберт. Для меня это было нечто само собой разумеющееся.

Прокурор. Вы пытали заключенных?

Шуберт. Так точно. Я это делал.

Прокурор. Вы обливали заключенных в зимнее время водой и заставляли стоять на улице, пока они не замерзнут насмерть?

Шуберт. Так точно. Это я тоже делал.

Прокурор. Вы принимали участие в расстрелах?

Шуберт. Само собой разумеется, я принимал.

Допрос Густава Зорге:

Прокурор. В чем заключались зверства?

Зорге. В издевательствах над заключенными... В избиениях... в закапывании живых, в затравливании собаками и так далее.

Прокурор. Можете вы вспомнить случай... с закапыванием осенью 1938 года?

Зорге. Так точно. Одного закопали по шею.

Прокурор. По чьему приказу?

Зорге. По моему приказу.

Прокурор. Помните ли вы случай, когда шестнадцатилетнего мальчика по вашему приказу закопали в снег?

Зорге. Так точно. Это было.

Прокурор. Что сталось с мальчиком?

Зорге. Он в результате умер.

Прокурор. Правильны ли ваши показания о том, что вы ежедневно избивали заключенных?

Зорге. Так точно. Я избивал, если человек кашлянет или у него неприветливое лицо.

Прокурор. А если никто не кашлянул и у всех приветливые лица?

Зорге. Тогда я находил другую причину, чтобы их бить. В отыскивании причин для избиений я никогда не затруднялся.

Это лишь крохотный отрывок из судебных протоколов. Час за часом, день за днем продолжался суд, и убийцы, словно загнанные в угол крысы, признавались в своих преступлениях, раскрывали картину того, что было в лагере Заксенхаузен.

И вот в этом-то зловещем царстве кровавого Густава и пистолетного Шуберта заключенные-антифашисты не потеряли мужества. Они создали подпольную организацию.

С первых же дней ее возглавил Франц Якоб.

Это узники «ка-цет». Измученные голодом, пытками и каторжным трудом, они не сломлены.

МЫ ЗНАЛИ, ЧТО ВЫ СУЩЕСТВУЕТЕ

Семь лет пробыл Франц Якоб в заключении. Только в 1940 году он вышел на волю. А выйдя, возобновил борьбу против фашистов. Два года действовал в Гамбурге, потом, когда гестапо заподозрило его, скрывался, перешел на нелегальное положение. Живя под чужим именем в Берлине, он и там продолжал подпольную работу.

Просчитались Гитлер и его приспешники! Можно было убить таких, как Франц, но не сломить, не «перевоспитать». Если только они оставались в живых, они оставались коммунистами.

Уже наступил 1942 год. Уже шла мировая война, вся Европа была во власти Гитлера, фашисты вторглись в Советский Союз, и наша армия геройски отражала натиск гитлеровских дивизий. А в Германии действовали антифашистские группы Сопротивления, организованные коммунистами, сплоченные вокруг коммунистов. На первых порах они не всегда знали друг о друге. Но каждая группа понимала, что есть другие, не может не быть других. Они искали друг друга, и находили, и объединялись.

В Берлине действовала организация, которую создали Франц Якоб и его друзья: Антон Зефков и Бернгард Бэстлейн. Однажды к берлинским подпольщикам пришло письмо. Пришло не по почте. И тот, кто писал его, и тот, кто его передал, и тот, кто принял, все рисковали жизнью.

«Дорогие товарищи! Мы счастливы, что можем наконец вступить в контакт с вами, с братской партией, с немецкой коммунистической партией. Но еще раньше, намного раньше этого мы знали, что вы существуете. Мы знали, что никакой террор, самый свирепый, не может уничтожить такую силу, как ваша...»

Так начиналось письмо. Его писали французы к немцам. Военнопленные, за колючей проволокой, во власти эсэсовцев, французские коммунисты знали, что коммунизм нельзя убить, что немецкий народ и гитлеровское зверье — это не одно и то же, что на место замученных и казненных придут из рядов рабочего класса новые борцы против фашизма.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РАСТЕТ

...Квадратики папиросной бумаги размером в коробку сигарет. Мельчайшими буквами напечатанный текст. Он сообщает о положении на фронтах, о продвижении Советской Армии, о неминуемом разгроме гитлеровцев, о том, как его ускорить... Листки спрятаны на дно сигаретной коробки. Немецкий рабочий, незаметно отойдя от станка (надо же покурить!), положит коробочку в условленном месте, неприметном для охраны, для надсмотрщиков и шпиков гестапо. На протяжении нескончаемо длинного рабочего дня сюда проскользнет кто-нибудь из пленных, работающих здесь же, на заводе.

У фашистской Германии не хватает рабочих рук. Немцам — старым и молодым — дали в руки автоматы и отправили на русский фронт. А на заводах все шире приходится использовать заключенных: пленных, заложников, политических «преступников». Русский, француз или бельгиец заберет коробочку, а потом от заключенного к заключенному пойдут по лагерям тонкие квадратики папиросной бумаги, вселяя надежду, увеличивая волю к сопротивлению.

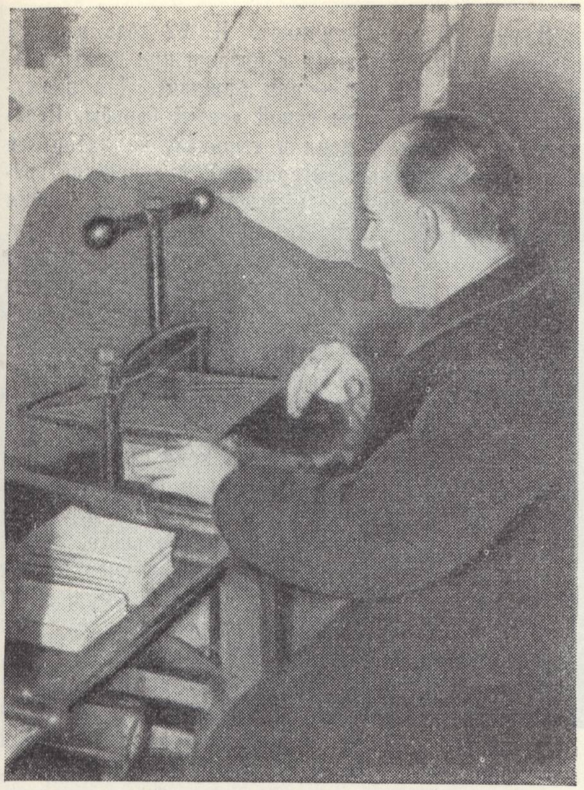
...Маленький тюрингский городок Бад-Зальцунген. На одной из улочек обыкновенный пивной погребок с дубовыми столами и скамьями, с глиняными и оловянными кружками. Владельцы погребка — молодые муж и жена. Они проворно наполняют кружки и разносят по столикам. Они всегда находят минутку перекинуться приветливым словом с клиентами. Спокойная, солидная пара. Хорошие хозяева хорошей пивной. И никто не догадывается, что эта репутация помогает бесстрашным коммунистам успешно делать свое дело. Погребок — место тайных встреч подпольщиков-антифашистов.

...В ремонтной мастерской на одной из улиц Иены слесарь Альберт Бауэр чинит патефоны и велосипеды, выпиливает ключи, паяет кастрюли. Любая домохозяйка, принесшая свой примус, видит горы старого, заржавленного хлама, видит тиски, напильники, дрели. Но печатный станок, валики, краска, стопки бумаги скрыты от посторонних глаз. Это подпольная типография коммунистов.

...На гладком асфальте антифашистский лозунг. Он повторяется вдоль всей улицы из конца в конец. Откуда и как появился лозунг? Кто успел сотни раз написать его незаметно для патрулей полиции? Это сделал... велосипед. Умелые и ловкие руки приладили к нему механизм, подающий краску на колесо, а по резиновой покрышке вырезали слова лозунга. Антифашист-подпольщик бесшумно промчался в темноте по Берлину, чтобы наутро сотни людей прочитали призыв к борьбе против Гитлера.

Это отдельные картинки подпольной работы. Так она шла в различных местах Германии. Сбывалось то, чего больше всего боялись фашисты. Снова из разрозненных групп возрождалась в Германии компартия. Она становилась день ото дня сильнее. Группа Франца Якоба уже вела подготовку, чтобы устроить побег Эрнста Тельмана.

Но не успели, не смогли коммунисты спасти вождя немецких рабочих! Волна массовых арестов прокатилась по всей Германии. Были схвачены и Франц Якоб и его товарищи, были схвачены тысячи других... Эрнста Тельмана фашисты убили в концлагере Бухенвальд.

Альберт Бауэр в подпольной типографии, превращенной в музей. Вот здесь он когда-то и печатал антифашистские листовки, рискуя жизнью.

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

Присужденный к казни Франц Якоб писал жене в предсмертной записке:

«Милая Кэте! Дело к концу... Последние недели я много думал о прожитой жизни. В ней были вершины и спуски. Я всегда стремился к вершинам и горжусь, что порой достигал их...»

Бернгард Бэстлейн сделал в гестапо письменное заявление:

«...За семь лет заключения, в том числе за четыре года в концентрационном лагере, я видел, слышал и испытал ужасающие вещи. Они привели меня к убеждению, что общественный строй, при котором такое может происходить, должен быть свергнут...»

Антон Зефков в письме-завещании немецким рабочим учит их, как действовать после свержения фашизма: какие предприятия национализировать в первую очередь, как устанавливать на заводах рабочий контроль, как строить в стране рабочую власть, как вооруженной силой защищать ее.

Приговоренный к смерти, зная, что массовыми арестами снова расстроены ряды борцов Сопротивления, он все равно уверен, что победа придет непременно и скоро. Он говорит с немецкими рабочими, как с победителями.

18 сентября 1944 года Якоб, Бэстлейн, Зефков погибли от руки палача. Но и мертвые они были сильнее своих убийц. Их мужество удесятеряло силы живых, помогало им продолжать борьбу...

Снова маленькие белые квадратики с мельчайшим бисером букв гуляли по Германии, переходя из рук в руки. Снова на конспиративных квартирах встречались тайно руководители антифашистских «троек» и «пятерок». Снова неслышными тенями скользили связные и разносчики листовок. На военных заводах организовывали саботаж, потому что плохо работать значило действовать против Гитлера. И в концлагерях коммунисты-заключенные стойко вели борьбу. Они сопротивлялись самой смерти: держаться, чтобы выйти на волю живыми, держаться, чтобы как можно больше жертв вырвать у палачей. Жить, жить, чтобы бороться с фашизмом.

СЕГОДНЯ

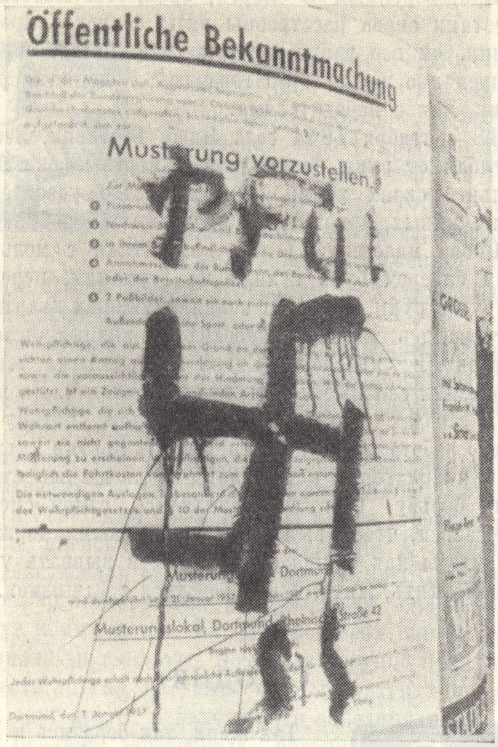
Так жили, так боролись и Вилли Клинг, и Альберт Бауэр, и Роберт Зиверт, и многие другие антифашисты — не страшась смерти, побеждая смерть.

Их героическая борьба не кончена и сейчас. Ведь Германия разорвана надвое! В одной части уже правит народ — это ГДР, мирная социалистическая страна. А в другой — в западной части Германии — все еще властвуют те самые капиталисты, которым служил Гитлер. Это они породили фашизм и вызвали войну.

Сейчас правительство Западной Германии восстановило в правах всех бывших эсэсовцев. Офицеры гитлеровских дивизий снова занимают командные должности. Судьи — те, что при Гитлере приговаривали к смерти антифашистов, — снова председательствуют в судах. А компартия запрещена.

Но немецкие коммунисты продолжают борьбу. Чтобы не было фашизма. Чтобы не было новой войны. Чтобы Германия объединилась в независимое мирное государство.

Вот эти люди, смотревшие в лицо смерти, поседевшие в лагерях и каторжных тюрьмах, солдаты антифашистского подполья, сегодняшние борцы за мир, переписываются и дружат с детьми советской школы. Мы закончим рассказ строками из письма берлинского коммуниста Вилли Клинга. Оно прислано в 71-ю школу, но, конечно, относится ко всем вам, юные читатели.

Эта афиша призывает немцев Западной Германии вступать в армию атлантического союза—«НАТО». Это армия, в которой командуют гитлеровские генералы, армия, предназначенная для нападения на мирные страны социализма. Но на афише кистью поставлены крючковатая свастика, извивающиеся, как змеи, буквы «СС» и восклицание «фу!».

Так немецкие антифашисты предостерегают народ, говорят: это тоже фашистская армия. Так они ведут сегодня войну с войной.

«Дорогие пионеры и комсомольцы школы № 71!

Я один из немецких антифашистов, приходивших к вам в гости 3 октября... У меня, так же как у других товарищей из нашей делегации, эта встреча глубоко запечатлелась в памяти...

Перед тем, как прийти к вам, мы совершили поездку по вашей прекрасной стране. Мы испытали великую радость, снова повидав товарищей, с которыми в жестокое, тяжелое время стояли плечом к плечу[1]. Вы знаете, что дружба и братство, рожденные в общей борьбе, крепки и неизменны на всю жизнь. И все же при воспоминании о вашей школе пробуждается самое горячее чувство, совсем особенное чувство.

Попробую объяснить.

Я уже 35 лет коммунист. И 22 года из этой сознательной моей жизни я прожил при капитализме; вдобавок 12 лет — при фашизме. Для коммунистов это были годы самой острой борьбы. Половина их прошла у меня в тюрьмах, на каторге и в концентрационных лагерях... И вот пришло время, о котором мечталось тысячи раз: мы строим социализм в Германии, хотя бы в одной ее части.

...Нет на свете коммуниста, который не мечтал бы побывать в великом Советском Союзе, в первом государстве рабочих и крестьян; хоть раз оказаться в Москве, хоть раз стоять на Красной площади... Потому что для коммунистов здесь сердце мира. Знаете ли вы, каким нестерпимо огромным может быть это желание у заключенного?

Это желание сбылось для меня первый раз в марте 1955 года. Я приехал в Москву. Лишь поздно вечером мне удалось пойти на Красную площадь. Я спустился по улице Горького, дошел до угла улицы 25 Октября и... не смог в этот вечер вступить на самую площадь... Долго стоял я там, на «берегу Красной площади», как с тех пор называю то место. Меня обуревали мысли о тех, для кого высшим желанием было прийти сюда и стоять здесь вот так же, как я, но кто уже не сможет прийти... Когда старый коммунист в первый раз приходит на Красную площадь, он печален, вспоминая всех, для кого это счастье уже невозможно.

Позже я приходил на площадь, как вы приходите сотни раз. Но те мгновения, когда я стоял там впервые, были совсем особенными мгновениями...

Зачем я рассказываю об этом? Чтобы сравнить с приходом к вам. Ведь тот вечер в школе был для нас как первое вступление на Красную площадь...

Я, конечно, в оба своих приезда встречал пионеров и комсомольцев. Но, придя к вам, я впервые оказался в школе и впервые увидел сразу вместе множество юных людей, родившихся при социализме и ни разу, может быть, не видевших «настоящего» капиталиста.

Счастливейшие вы люди! Я должен это вам сказать, чтобы вы это знали и чтобы знание это никогда не покидало вас.

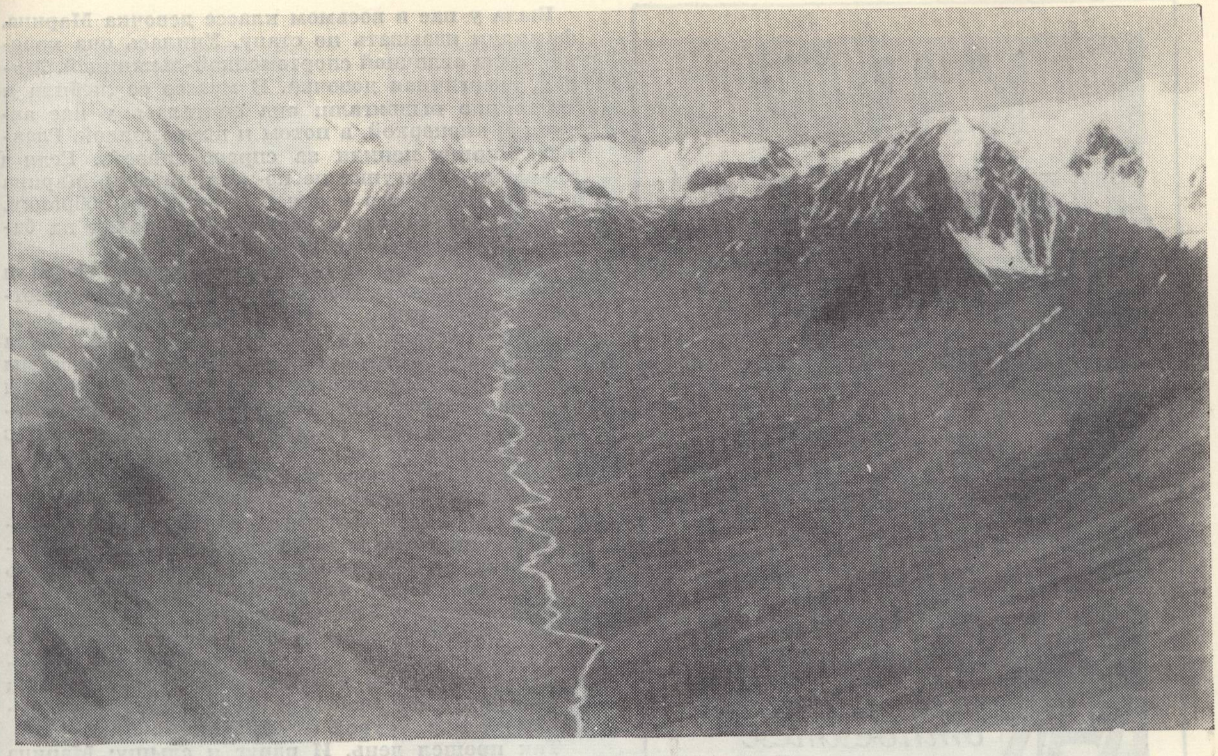
...Я смотрел в ваши глаза, и я уверен: вы вырастете хорошими людьми. Вы — та молодежь, которая будет продолжать наше дело. Вы возмужаете и станете коммунистами и — каждый на своем месте — будете трудиться, чтобы наша великая идея победила во всем мире. Я знаю: вы доживете до того времени, когда мир навсегда победит войну.

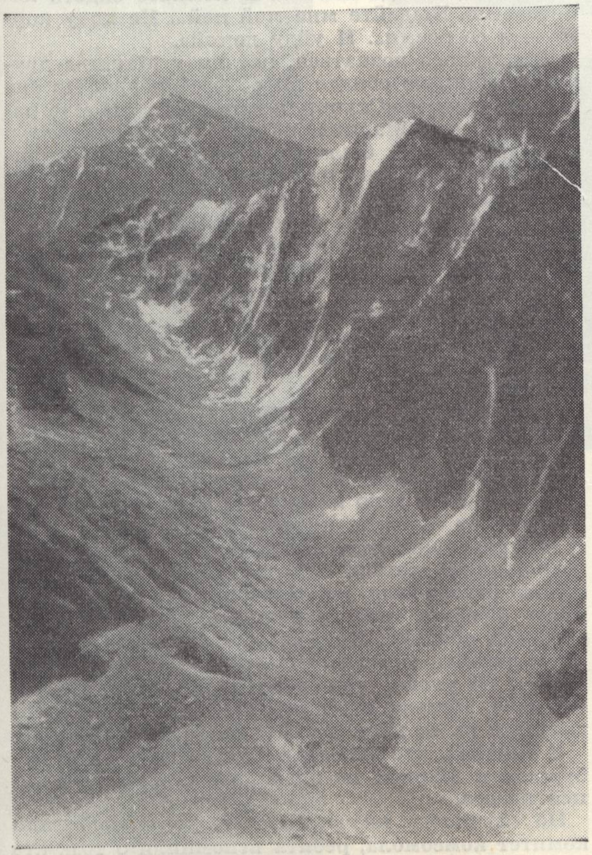
Писать к вам для меня — большая радость.

Ваш товарищ и друг Вилли Клинг».

---

[1] Вилли Клинг имеет в виду встречу с русскими товарищами, бывшими военнопленными, которые вместе с немецкими коммунистами боролись против нацистов в фашистских лагерях смерти.

Земля рассказывает

Перед вами два снимка. Я сделала их в горах Алтая с самолета. Внимательному наблюдателю эти снимки могут много рассказать.

Наверху вы видите долину реки Кара-Оюк, прорезающую Южно-Чуйский хребет. Когда-то, много тысячелетий назад, по долине, дробя острые выступы скал, унося на своем теле груды камней, полз огромный ледник. Он и придал долине форму гигантского корыта. О том, что тут «поработал» ледник, говорят и бесчисленные царапины на скалах. По долине течет река. Вы видите ее истоки вверху, у линии вечных снегов. Там ледник, который дает ей жизнь. Это остаток того древнего ледника.

А вот еще одна долина. У нее совсем другой вид. Крутые, ребристые склоны с острыми выступами, узкое дно. Сразу видно, что тяжелая ледяная река не ползла здесь, не шлифовала склоны. Дно долины покрыто осколками камней, это осыпи. Но и по этой долине течет река. Ее не видно: она погребена под осыпями,— только когда идешь по такой долине, слышишь журчание воды глубоко под камнями.

М. Аникина

В числе гостей нашего клуба сегодня учительница МАЙЯ БЕНЕДИКТОВНА КОПЕЛИОВИЧ из города Юрюзани, Челябинской области.

Майя Бенедиктовна сейчас расскажет вам, ребята, два случая из жизни юрюзанских школьников. Она просит вас хорошенько вникнуть в ее рассказ и вместе с ней подумать,

КТО ВИНОВАТ?

С тех пор прошло уже несколько лет, а я все вспоминаю об этом с двойственным чувством. С одной стороны, наши ребята поступили как будто правильно, а с другой... Но давайте, я вам все расскажу, а уж вы решайте сами...

Была у нас в восьмом классе девочка Марина, фамилии называть не стану. Училась она хорошо, была отличной спортсменкой-лыжницей. Живая, энергичная девочка. В классе ее любили и постоянно выдвигали: она считалась у нас активной пионеркой, а потом и комсомолкой. Главное, Марину ценили за справедливость. Если в классе кто поступит не по-товарищески, Марина первая осудит его и в разговоре и на собрании.

И вот летом мы отправились в поход на бакальские магнитные рудники.

Готовились мы к походу тщательно. Собрали деньги, продукты. Хозяйство в походе, разумеется, было общее.

Вышли четырнадцатого июня. Погода стояла отличная. С веселыми песнями поднимались мы в горы, любуясь изумительной, богатой и строгой уральской природой. С большим интересом осмотрели магнитные рудники. Заночевали мы в крестьянском доме.

Утром просыпаюсь от крика:

«Майя Бенедиктовна, глядите, снег!..»

Смотрю в окно — ничего похожего на вчерашний летний пейзаж. Все белым-бело, на небе сизые тучи и, разумеется, холод, ветер... За ночь выпал снег. Такая резкая перемена погоды случается иногда в Уральских горах.

Это, конечно, осложнило и затянуло поход. Но ребята не унывали: смеялись, шутили, придумывали разные игры в комнате. И только Марина держалась в стороне от всех. Ее точно подменили, она стала хмурой и молчаливой.

Так прошел день. И вдруг я слышу: Марина хочет идти домой. Почему?

«Скучно, погода плохая. В комнате сидеть неинтересно. Выдайте мне мой пай... Не хочу кормиться со всеми... И уйду домой».

Я пыталась дознаться, нет ли у Марины других причин, не обидел ли ее кто-нибудь. Но она твердила одно: «Скучно, неинтересно». И мне показалось, что Марина обиделась на то, что в этом походе она была «рядовой». Как-то случилось, что ее никуда не выбрали.

Отпустить девочку одну в далекий путь я, разумеется, не могла и решительно ей отказала. Тогда ко мне подошли ребята:

«Давайте отдадим Марине ее пай... Раз она не хочет есть вместе с нами, пусть ест одна».

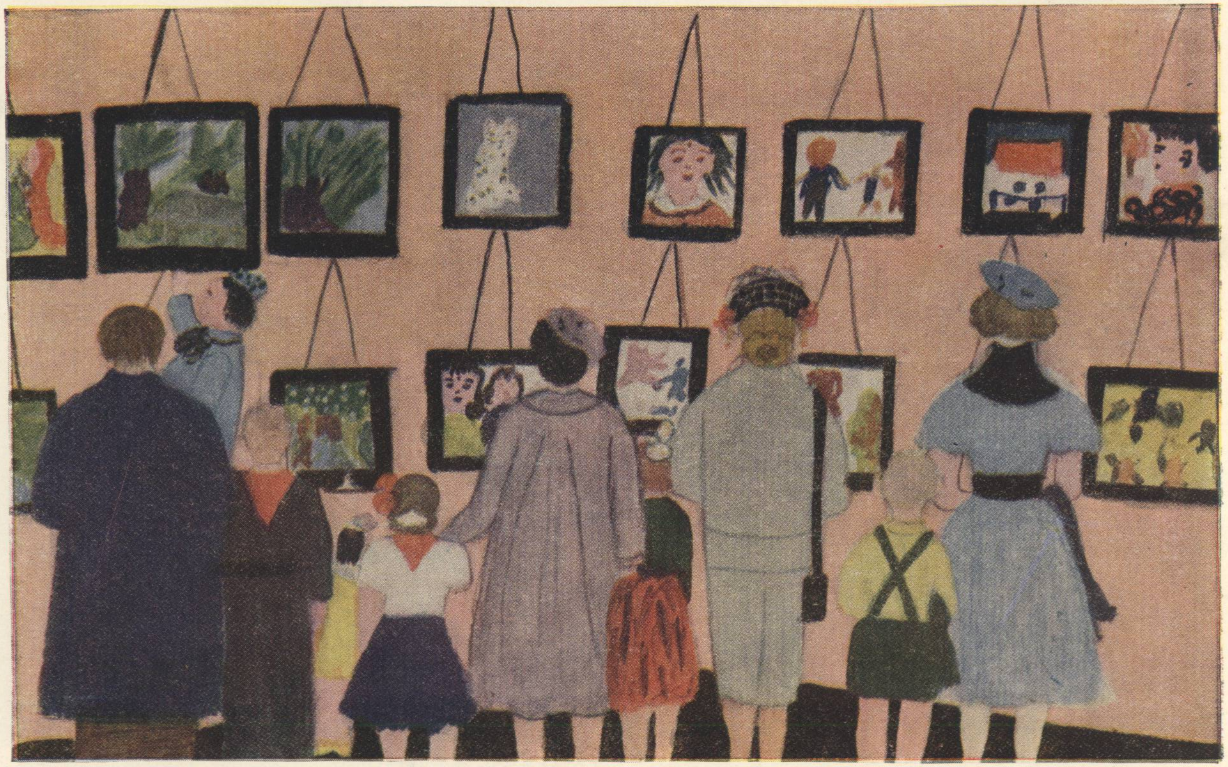
«Ну что же,— подумала я,— идти нам не так уж долго, через два — три дня будем дома,— пусть это будет ей уроком...» И мы выдали Марине ее пай.

Вскоре погода исправилась, и мы двинулись домой. Солнце сияло, а дорога была скользкой, грязной, но всех это только забавляло... Ребята падали и вставали со смехом, а наша «сапожная команда» то и дело на скорую руку чинила раскисшую от сырости, протертую камнями обувь... У Марины тоже отстала подошва от туфли. Наши «сапожники» хотели помочь ей, но она решительно отказалась: не желаю, мол, от вас ничего! Вообще она держалась так, точно ее серьезно обидели. Видимо, избалованная вниманием девочка считала, что стоит ей только заикнуться об уходе, как ребята будут просить ее остаться. Меньше всего она ожидала, что они согласятся на ее уход да еще отделят ее от всех...

Я считала, что эпизод в походе понемногу забудется и Марина по-прежнему станет любимицей класса.

Но случилось иначе. Осенью, когда выбирали комитет комсомола, ребята вспомнили о том, кто

Каждый год в Москве устраивается выставка детских рисунков и других художественных работ, присланных со всей страны. Недавно прошла Одиннадцатая Всесоюзная выставка детского изобразительного творчества. Рисунков на выставке было множество, больше тысячи. Что делать? Всех не поместить в журнале. Мы выбрали шесть.

Вот наверху картина **«НА ВОКЗАЛЕ»**. Ее рисовали совсем маленькие ребятишки — ленинградские дошколята. Художники маленькие, зато их много, они рисовали все вместе. Картина у них вышла большая и красивая.

Внизу картина **«НА ВЫСТАВКЕ РИСУНКОВ ДЕТЕЙ ИНДИИ»**. Автор ее — Аня Гербер из Кишинева.

Две другие детские картины вы увидите, перевернув эту страницу, и еще две — на четвертой странице обложки.

«ЦИРК». Вася Аземша (Ленинград).

«ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ ФЕСТИВАЛЯ». Галя Железнова (Москва).

как вел себя в походе, и никто не назвал Марининой кандидатуры... Марину больше никуда не выбирали... Я пыталась убедить ребят, что они слишком суровы по отношению к ней...

«Почему она осуждала других, а сама поступила хуже всех?» — возражали мне.

Ребята не попрекали Марину, не обижали ее, но они больше не верили ей.

Холодок отчуждения рос. Бывает так, что никто не хочет первым пойти на уступку. Самолюбивая Марина ни за что не хотела признать своей вины перед ребятами, а те не могли простить ей, что она оказалась не такой, какой они ее считали.

Вскоре Марина ушла из школы, поступила в техникум. Но — удивительное дело — на традиционных вечерах школы Марина — постоянная гостья. И вообще, как я замечала, ее неизменно тянет к прежним подругам и товарищам по классу.

Справедливы ли были с ней ребята?

Это один случай. Другая история, которой мне хочется поделиться с вами, в другом роде. Это история ученика того же класса Андрея Б.

Способный мальчик, хороший ученик, вежливый и сдержанный, Андрей еще в младших классах удивлял меня тем, что сам подводил итоги каждой своей четверти. Сидит, бывало, и подсчитывает, сколько у него пятерок, сколько четверок... Ничего дурного в этом нет, но почему-то это тогда еще оставило у меня неприятное впечатление.

А как-то произошел такой случай. На контрольной по математике Андрей решил задачу правильно, а его сосед по парте наделал ошибок... И вот я узнаю, что ребята поколотили Андрея. Оказывается, Андрей сознательно дал списать соседу ошибочный вариант. Ничего не скажешь: и списывать нехорошо, и драться плохо,— а все-таки, признаюсь вам, мои симпатии были не на стороне Андрея.

Подобные истории повторялись не раз, и к десятому классу у Андрея совсем не осталось друзей. «А зачем они мне? — говорил он с усмешкой.— Мне нравится быть одному».

Учился он хорошо, хорошо окончил школу и поступил в военное училище. Училище окончил блестяще, но, по слухам, товарищи его и там терпеть не могли.

И вот он, молодой офицер, снова вернулся в родную Юрюзань и пришел на традиционную встречу старых друзей... Среди них была девушка, которая прежде нравилась ему, которая всегда защищала его перед товарищами... Но, узнав, что она окончила техникум, а не институт, Андрей даже говорить о ней не захотел: дескать, где ей до него!.. Равнодушно слушал он о радостях и горестях товарищей и весь вечер рассказывал только о себе, о своих успехах...

Словом, перед нами был законченный тип себялюбца и карьериста. И, глядя на него, я подумала с грустью: нет ли здесь доли и нашей вины? Быть может, мы не нашли к Андрею настоящего подхода?.. Однако одноклассники Андрея придерживаются другого мнения. Они считают, что во всем виноват только сам Андрей, никто не был обязан нянчиться с ним... А вы как считаете, ребята?

Слова попросил комсорг 4-й ленинградской школы ВОЛОДЯ ШТЕРИН.

— Ребята не правы,— сказал он уверенно,— мы отвечаем за судьбу товарища.

Я убежден, что на любого человека можно воздействовать, любого можно переделать, если только вовремя указать ему на ошибки. И помочь тут больше всего могут не педагоги и не родители, а мы сами — пионерский или комсомольский коллектив.

Мне хочется поделиться с вами опытом нашей школы.

У нас как-то было комсомольское собрание, о котором многие помнят до сих пор. Оно проходило под девизом «Комсомолец, ряды свои оглядывай зорче, все ли комсомольцы на самом деле?». Мы говорили о том, как ребята ведут себя вне школы: дома, во дворе, на катке, на танцевальной площадке. На собрании была «живая газета»: мы изображали некоторых наших девочек и ребят в сатирических сценах.

И вот в сценке «Лев дома», где был показан эгоист, грубиян и домашний тиран, некоторые с удивлением узнали Леву М... Лева был не только отличником, одноклассники считали его добрым парнем, хорошим товарищем и очень удивились, увидев такую сценку: мать подает Леве чай, а Лев, заметив в стакане соринку, бросает его на пол.

Увы! Все, что изображали в газете, было чистейшей правдой. Дело в том, что незадолго до собрания школьный комитет комсомола получил письмо от Левиной мамы. Она ничего не сообщала, а просто просила Левиных товарищей-комсомольцев побывать у них дома.

Несколько ребят как бы нечаянно зашли к Леве и вернулись в школу возмущенные. Они узнали, что Лев терроризует своих домашних — мать и бабушку. Приходя из школы, он ложится спать, и никто из родных не смеет в это время шевельнуться. Потом — в девять часов вечера — Лева встает, садится заниматься и грубо кричит на мать и больную бабушку, чтобы ему не мешали. До трех—четырех часов утра у него горит свет, мешая всем спать... При ребятах разыгралась та сцена со стаканом, которую изобразили в «живой газете».

...На собрании поднялся страшный шум. Ребята требовали, чтобы Леву исключили из комсомола. Лева не мог найти ни слова в свое оправдание. А придя домой, он разорвал свой комсомольский билет.

Но прошел еще день, и Леве стало стыдно. Он пришел к нам, принес разорванный билет и признался, что кругом виноват. А весь его класс — это был очень хороший, очень дружный класс — стал просить, чтобы Леву не исключали из комсомола, а только вынесли ему выговор. Класс ручался, что Лева станет другим.

И, представьте себе, так и произошло. Целый год ребята проверяли Леву, приходили домой, расспрашивали его маму — от прежнего Левиного самодурства не осталось и следа.

Видимо, почувствовав отношение ребят, он всерьез задумался над своим поведением и сумел взять себя в руки. Весной мы вернули ему комсомольский билет...

Вот мне и кажется, ребята, что ни девочку, ни мальчика, о которых рассказывала здесь Майя Бенедиктовна, не нужно было молча «казнить презрением». Надо было найти к ним настоящий подход. А товарищи в обоих этих случаях проявили самое настоящее равнодушие и упрямство.

Класс должен и наказывать и поддерживать... Особенно важно это, когда человек теряет веру в себя.

Был у нас в школе мальчик, который позорил класс своими двойками. Дело дошло до того, что его собирались исключить из школы, и он сам махнул на себя рукой... Нужно сказать, что это вообще был какой-то нескладный паренек. С ним все время случались несчастья: то дома пожар устроит, то под машину угодит...

Парень совсем уж настроился на то, чтобы расстаться со школой.

И тут вмешался класс. Ребята сказали, что это будет позор для них всех, если их товарища исключат, и взялись за него. На том самом комсомольском собрании, о котором я уже рассказывал, ему поручили поставить одну из сатирических сценок «живой газеты». Сначала дело не клеилось, но потом сценка получилась такая удачная, что мы ее несколько раз повторяли.

Парня стали хвалить, поручили ему еще какое-то дело, он выполнил... И постепенно, видимо, почувствовал уверенность в себе. Он стал лучше учиться, и его оставили в школе. А ведь, если бы исключили, еще неизвестно, как бы повернулась его жизнь. Мало ли что бывает... Можно ведь совсем погибшим человеком стать, вором, пьяницей... Я считаю, что ответственность за таких людей ложится и на всех его товарищей.

— А я не считаю! — сказал ТОЛЯ ПОПОВ,—

человек сам отвечает за свои поступки.

По-моему, с Мариной ребята совершенно правильно поступили. Девчонка зазналась. Что ж, ей кланяться, что ли!

Многие говорят: «нас не так воспитали», «товарищи мне не помогли»,— в общем, все валят на других. Ну, а сам-то человек должен же о чем-нибудь думать?! Марина была не маленькая, она уже в восьмом классе училась.

В тех случаях, о которых рассказывал Володя Штерин, ребята, в общем, поступили правильно. Леву они высмеяли при всех, другого мальчика втянули в работу. И все пошло хорошо, потому что парни попались толковые, поняли урок, который им дали товарищи, и взялись за ум. А Марина ничего не поняла. Ей бы надо было после похода прийти к ребятам и сказать: «Так и так. Я была не права». А она погордилась. Нет, Марина сама виновата, что осталась в одиночестве.

— А ты понимаешь, что такое одиночество? — вмешалась ЛЕНА СЕМЕНОВА. — Это очень

тяжело — быть одной.

Понимаете, ребята, как-то случилось, что у меня в классе нет друзей. А ведь я ничего особенно плохого не делала. И я бы очень хотела дружить со многими девочками и мальчиками. Но ребята говорят, что я выскочка, чуть что — кричу «Я! Я! Я!». А ведь я не нарочно. У меня это совсем нечаянно выходит.

Был, например, такой случай... Мы получили письмо от ребят из ГДР. Ребята все собирались ответить и все откладывали. Хотели написать по-немецки, а это, конечно, трудно... Вот я и подумала, что если мы будем так долго тянуть, немецкие ребята обидятся. И я написала им письмо. Конечно, от имени всего класса.

Когда пришел ответ из ГДР, все ребята очень обрадовались. Узнали, что это я написала, и стали говорить: «Молодец, Лена!» — и посмотрели на меня совсем другими глазами.

Я очень была рада, и когда наша классная руководительница дала нам еще несколько адресов зарубежных ребят и спросила, кто хочет им написать, я стала кричать: «Я!..»

«Ты не можешь написать всем!» — сказала она.

А я ответила, что могу... И ребята опять стали смеяться, что я выскочка...

И так бывало не раз. Только я решу, что ребята меня полюбили, как непременно что-нибудь случается. Я понимаю, что они, может быть, и правы, но ничего не могу с собой поделать... Они смеются надо мной, я обижаюсь, и вот все время одна... Если бы вы знали, как горько бывает, когда нет у тебя ни одного близкого друга!..

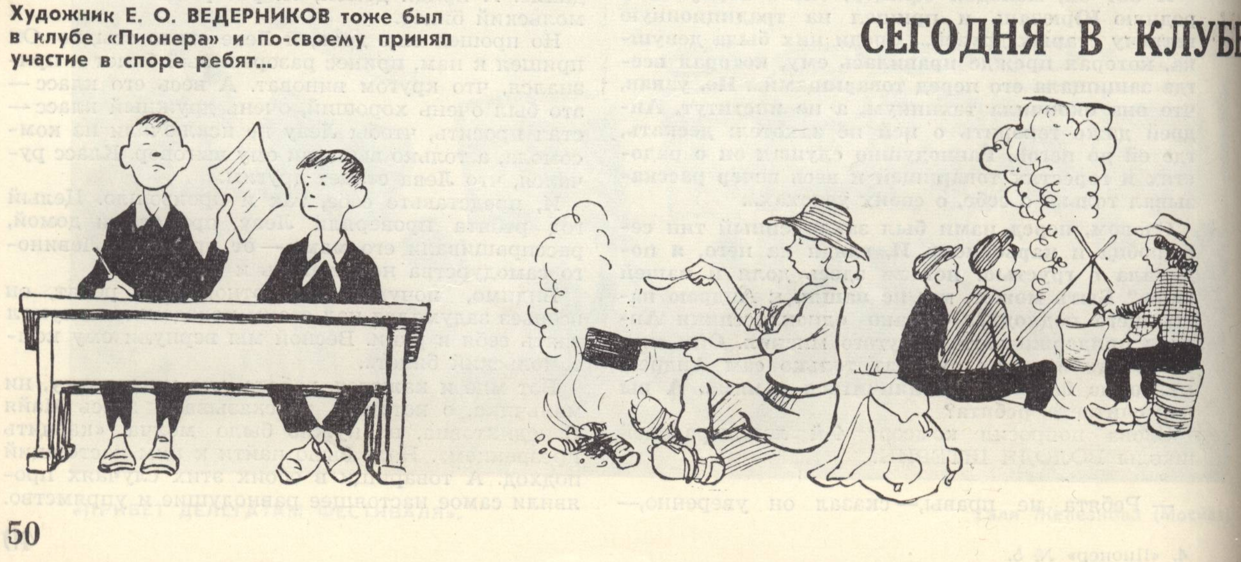
Тут слово попросил учитель 23-й московской школы ЛЕВ ЮЛЬЕВИЧ ГОРДИН. Он сказал:

—любовь надо завоевать.

Это не всегда удается сразу, как тебе, видимо, хочется, Лена. Иной раз любовь и уважение то-

Художник Е. О. ВЕДЕРНИКОВ тоже был в клубе «Пионера» и по-своему принял участие в споре ребят...

СЕГОДНЯ В КЛУБЕ

варищей приходится завоевывать долго, терпеливо. Есть у нас такой пятиклассник Миша. Но расскажу все по порядку.

Наша школа проводила свой традиционный туристский слет. Собирались мы за городом, на большой полянке, километров за восемь от станции. День был прекрасный, но когда мы уже двинулись домой, похолодало и хлынул сильный дождь.

Дорогу к станции пересекала речка, переходить через нее приходилось по самодельному мостику из двух бревен. Переправа не из приятных: берег крутой, глинистый, бревна от дождя стали скользкими.

И вот, когда последний из пятиклассников-туристов вскарабкался на берег, мы увидели, что с нами нет нашего командира Миши.

«Он, наверно, в лесу остался!» — с тревогой сказал кто-то из ребят. Мишу звали, искали и на том и на этом берегу. Дождь лил, ноги скользили по мокрой глине. Миши не было нигде. Никому и в голову не пришло, что Миша, накануне единогласно выбранный командиром, сладко спит дома в мягкой постели, в то время как его друзья дрогнут под холодным дождем. Оказалось, что, как только начался дождь, Миша, отстав от своих, сел на попутную машину и, так сказать, «со всеми удобствами» прибыл домой...

Видели бы вы, каким презрением встретили Мишу ребята на другой день! Кажется, он только тут и понял, что натворил. Он ходил по классу понурив голову, и даже движения у него стали неуверенными.

Прошло два дня. В этот день пятиклассники проводили школьную уборку и натирали полы... Миша подошел к хозоргу за щеткой.

«Ступай-ка ты лучше домой спать! — сказал тот, хитро прищурясь.— Без тебя обойдется!»

Миша вспыхнул. Мы подумали, что он сейчас убежит или ударит хозорга. Но, видимо, Миша взял себя в руки, он молча протянул руку за щеткой. Хозорг продолжал ехидно улыбаться, но щетку все-таки дал.

Вскоре в школе был субботник по сбору макулатуры. Миша притащил из дома огромную кипу бумаги. Класс занял первое место среди всех пятых классов, здесь была и Мишина заслуга...

«Старается Мишка»,— говорили в классе, посмеиваясь. Но посмеивались уже добродушно.

О случае в походе вспоминали все реже. Не было такого пионерского дела, где бы Миша не показал себя... Ребята видели и чувствовали, что Миша не просто «подлизывается» к классу — его мучит глубокий, искренний стыд за то, что он оказался «дезертиром»...

Теперь у Миши по-прежнему много друзей. Будут они и у тебя, Лена, если ты всерьез возьмешься за себя и научишься сдерживаться... Хочется тебе «выскочить», а ты сдержись. И класс тебя полюбит. И Марину бы ребята полюбили, если бы она постаралась изменить характер.

Слова попросил **ЮРА ВУКОЛОВ.** Он сказал:

— Человек человеку рознь.

Марину, возможно, и полюбили бы. Она ведь раньше была хорошей. И, по-моему, ребята все же слишком жестоко с ней обошлись... Нужно было по-дружески поговорить с ней... Но почему-то здесь все говорили о Марине. А об Андрее, который офицером стал, даже и не упомянули. По-моему, это не случайно. С таким, как Андрей, уже ничего не поделаешь.

У нас, при домоуправлении № 9 по 1-й Хорошевской улице, ребята постоянно собираются в красном уголке... Так что мы друг друга хорошо знаем и по школе и по двору...

Есть у нас такой тип один, даже говорить о нем противно. Отец и мать с ним, как с писаной торбой, носятся. А он, как выйдет во двор, тут же оборвет все бутоны с цветов и — бежать!.. Или же дернет девчонку за косу. И тотчас же в подъезд!.. Хулиган и трус.

Ребята пытались на него воздействовать. Куда там!.. Я говорю: времени не стоит тратить.

Другое дело — Боря. Есть у нас такой паренек. Он тоже раньше хулиганил во дворе. Да ведь и тогда видно было, что он за человек — смелый, открытый. Если натворит что,— не скрывается, не прячется. А почему он хулиганил, тоже понятно. Жизнь у него нелегкая. Отец умер, работает одна мать, а ребят четверо. Один мальчик все хворает, лежит в постели. Конечно, дома невесело. А Боря гордый. Он никому на свою жизнь не жалуется. Только иногда выкинет штуку...

Мы долго думали, как воздействовать на Борю. Тут как раз мы делали во дворе каток, а Борис здорово на коньках катается. И мы решили назначить его капитаном команды. Кое-кто говорил тогда, что добра от этого не будет. Но мы оказались правы. Боря, он чуткий. Он сразу понял, что ему доверие оказывают, и не подвел. У него появилось чувство ответственности. Ему поручили дело, и ему стало веселее жить... И хулиганить стал гораздо меньше. Совсем другой стал парень... А почему? И ребята помогли, и парень был такой, это вам не Андрей.

— А, по-моему, и на Андрея можно было бы повлиять! — крикнула **ТАНЯ РОДИЧЕВА.**

Но она не объяснила, каким образом надо было воздействовать на Андрея. Время было позднее, и мы закончили наше собрание.

А что вы, ребята, думаете обо всем этом? Кто, по-вашему, прав? Правильно ли поступили товарищи Марины и Андрея?

Напишите нам!

ВЫСТАВКА КАРИКАТУР

В ТАЙГЕ

Там, где Обь сливается с Иртышом, в самом сердце тайги, живут храбрые охотники, ханты и манси. Прочитайте рассказ К. И. Маминой о жизни в тайге и о смелых ребятах, маленьких хантах.

Олени бегают быстро: тридцать — сорок километров в час. Они очень выносливы, но когда устанут и захотят есть, то ложатся, и уж тут никакая сила не заставит их идти дальше, пока они не отдохнут и не поедят ягеля.

На снимке вы видите, как олени остановились на болоте, выгребают из-под снега ягель и едят его. Один олень даже намотал ягель себе на рога. Хант-охотник стоит рядом, курит трубку и терпеливо ждет, когда наедятся олени, чтобы двинуться в путь дальше. На ногах у него теплые легкие тòпоры, сшитые из мягких шкурок с оленьих ног, а сверху еще надеты мешки, чтобы снег не забивался в мех, чтобы не промокали тòпоры.

Старый умный пес Колых — северная лайка. Много повидал он на своем веку. Много медведей, лосей, росомах, выдр выследил он. У самого глаза собаки большой шрам, на шее сорвана кожа — это следы медвежьей лапы. Не раз Колых спасал жизнь своему хозяину.

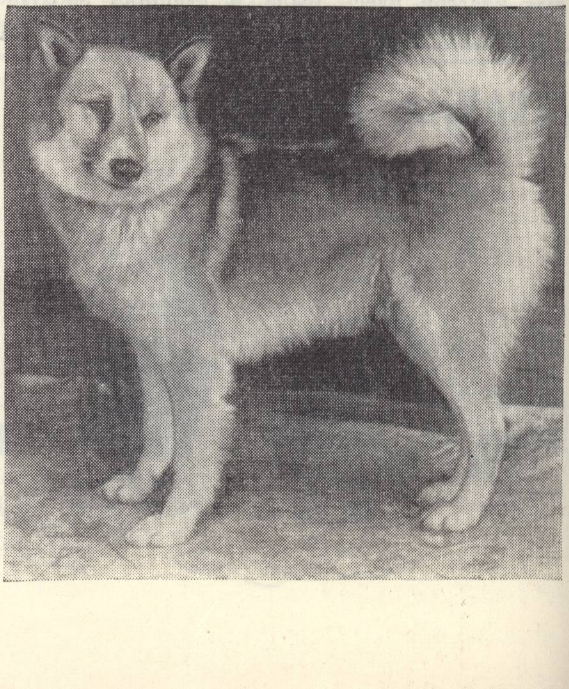
Был как-то и такой случай. Ребята, Егорка и Паша, без разрешения отца взяли берданку, кликнули собак — Колыха и Ай-Колыха — и отправились в тайгу.

Идут, промышляют белок. Собаки убежали вперед. Вдруг слышат, Колых как-то особенно зло, резко и глухо, словно в землю, лает.

— Запрошлым годом мы с тятей ходили, так он так же лаял, когда нашел берлогу с медведем,— сказал Паша.

Стали звать собак — не идут. Зарядили ружья на всякий случай пулями, подошли ближе. Собаки, почуяв хозяев, залаяли еще грòмче. И вдруг бросились врассыпную: из берлоги выскочил медведь. Он рявкнул и погнался за Ай-Колыхом. Тот увернулся за елку. Колых подскочил и рванул зверя сзади. Тут Егорка спустил курок. Медведь, раненный, но не смертельно, бросился на мальчика и одним взмахом лапы подмял его под себя.

— Тятя! Колых!— послышался из-под медведя отчаянный крик.

Тятя был далеко, а Колыха не надо было звать: он уже со страшной яростью рвал медведя. Медведь оставил Егорку и бросился на Колыха. Ай-Колых рзанул его с другой стороны. Зверь ревел и бросался то за одной, то за другой собакой. А они выручали друг друга и не давали медведю преследовать кого-то одного.

Паша выждал момент и выстрелил. Медведь сделал большой прыжок и ткнулся головой в снег.

— Егорка, а ну, вставай скорее, медведь подбит! — крикнул Паша.

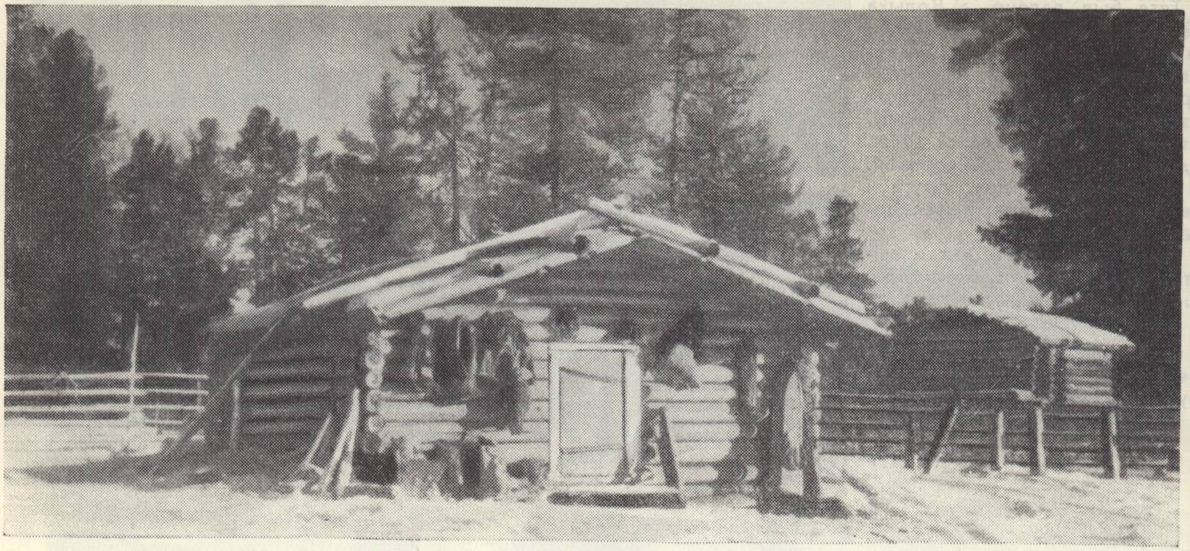

Охотники-ханты приехали в факторию сдавать добытую пушнину. У охотников праздник: сегодня подводятся итоги их большого и нелегкого труда.

На оленях праздничная, шитая бисером упряжь. Они немного устали после длинного перехода, поэтому стоят понуря голову. Но они быстро отдохнут. В начале зимы олени упитанные и сильные, шерсть на них так и лоснится, потому что летом ханты на оленях не ездят. Все лето олени большими стадами гуляют по тундре. Пасут их колхозные пастухи со своими верными помощниками — оленегонными лайками. Лайки помогают стабунивать оленей, перегоняют с одного пастбища на другое и всегда вовремя дают знать о приближении стаи волков.

Это три брата Михайловых. Они живут далеко в сибирской тайге, в Тюменской области. Издавна их деды и прадеды занимаются охотничьим промыслом. Отец их — один из лучших охотников Туртосского соболиного охотничества. Старшему из этих мальчиков четырнадцать лет. Он уже ходит на охоту с отцом. Младшим родители еще не доверяют оружие, и ребята промышляют капканчиками и петлями зайцев, горностаев, белых куропаток, глухарей. Конечно, у них, как у всех охотников, есть собака. Недавно их Питюшка принесла семь щенков. Ребята самостоятельно растят и обучают их.

Охотничья избушка в тайге. Как только начинается сезон, ханты укладывают провиант в нарту, впрягают оленей или пять—шесть собак и едут сюда, в тайгу, за десятки километров от жилья.

Вот и сейчас избушка ожила, в нее приехали охотники. У двери стоят широкие, подбитые снизу мехом охотничьи лыжи, на стене висят топоры. У охотника обычно их несколько пар. В одних он ходит, а две—три пары сушатся. Сушить меховую обувь надо не возле печки, а на улице, на ветру.

Рядом с избушкой — амбар, где охотники хранят шкуры и мясо убитых зверей. Строят такие амбары на высоких ножках, подпиленных особым способом (а каким, рассмотрите на фотографии), чтобы не забрались мыши и крысы, не съели припасы, не попортили шкуры.

Тосе Быковой семнадцать лет, а она уже опытный охотник. С утра и до вечера ходит она с лайкой Ханжиком по тайге, выслеживая зверя. Одета Тося легко и удобно. За поясом у нее топор и большой охотничий нож, а на плече двуствольное ружье. Один ствол Тося всегда заряжает пулей: в тайге часто встречается крупный зверь.

Зорко всматривается Тося в густые таежные заросли, чутко прислушивается к каждому шороху. Как будто тиха и безмолвна тайга, но это обманчиво.

Ханжик убегает вперед, выискивая зверя по следам. Услышит Тося звонкий лай,— значит, нашел белку. Подходит ближе, видит, стоит Ханжик, подняв кверху морду, и лает на елку, а на ней ничего не видно. Вся елка, от макушки до самого низу, словно одеялом, покрыта лохматым снегом. Белка спряталась в ветвях под снегом, но Ханжик чует ее присутствие. Тося ударит по стволу дерева топором, белка выскочит из-под снега,— тут уж надо не зевать...

Идут дальше. На берегу речки заметили следы выдры.

— Не торопись, Ханжик, речка станет, выдру добудем, а сейчас пусть ходит,— говорит Тося.

Если Ханжику попадется след соболя, он неотступно преследует зверька. Если тот забирается под коряги или в непроходимые заломы, Ханжик будет часами сидеть около его убежища, но не упустит добычу.

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЯС

ПО МОТИВАМ НЕНЕЦКИХ СКАЗОК

Надежда БЕЛИНОВИЧ

Рисунки И. Кузнецова.

У старого Тибтакоцы выросла в чуме дочь — красавица Нарьяна.

«Нарьяна» значит «красная». Так прозвали девушку недаром. У Нарьяны горел на щеках яркий румянец, в косы она вплетала нитки красного бисера; летом носила Нарьяна алую панницу, а зимой — красный пояс с сотней бубенцов. При каждом движении бубенчики звенели, будто пели чуть слышно. Если девушку ждала радость, они звенели весело, если горе,— печально. Этот пояс Нарьяне остался от покойной матушки.

Когда матушка умерла, Тибтакоцы взял другую жену. Злую. Скупую. У нее две дочери были. Одну звали Зоркий Глаз, другую — Чуткое Ухо. У мачехиных дочек кожа была желтой, как осенний лист, стан — точно кривая береза, и обе они завидовали красоте Нарьяны.

Нарьяна каждой сестре четыре косы заплетала, украшала нитками голубого бисера, утром обувала сестер в тобоки, вечером разувала. Мачеха в угоду дочкам заставляла ее работать без отдыха, надеялась, что красота Нарьяны померкнет. Но девушка с каждым днем становилась еще прекраснее.

Однажды весной, когда Нарьяна пасла оленей, бубенчики на ее поясе зазвенели тревожно и радостно. Но случилась беда: подломился лед на реке. Девушка провалилась в полынью... Услыхал звон бубенцов охотник Вайнойта, кинулся на подмогу и спас девушку.

Вайнойта спас Нарьяну, потому что сто бубенчиков позвали его на помощь, а он понимал их говорок. Он развел костер, велел Нарьяне обсушиться, а сам сел в санки и погнал оленей на свое стойбище.

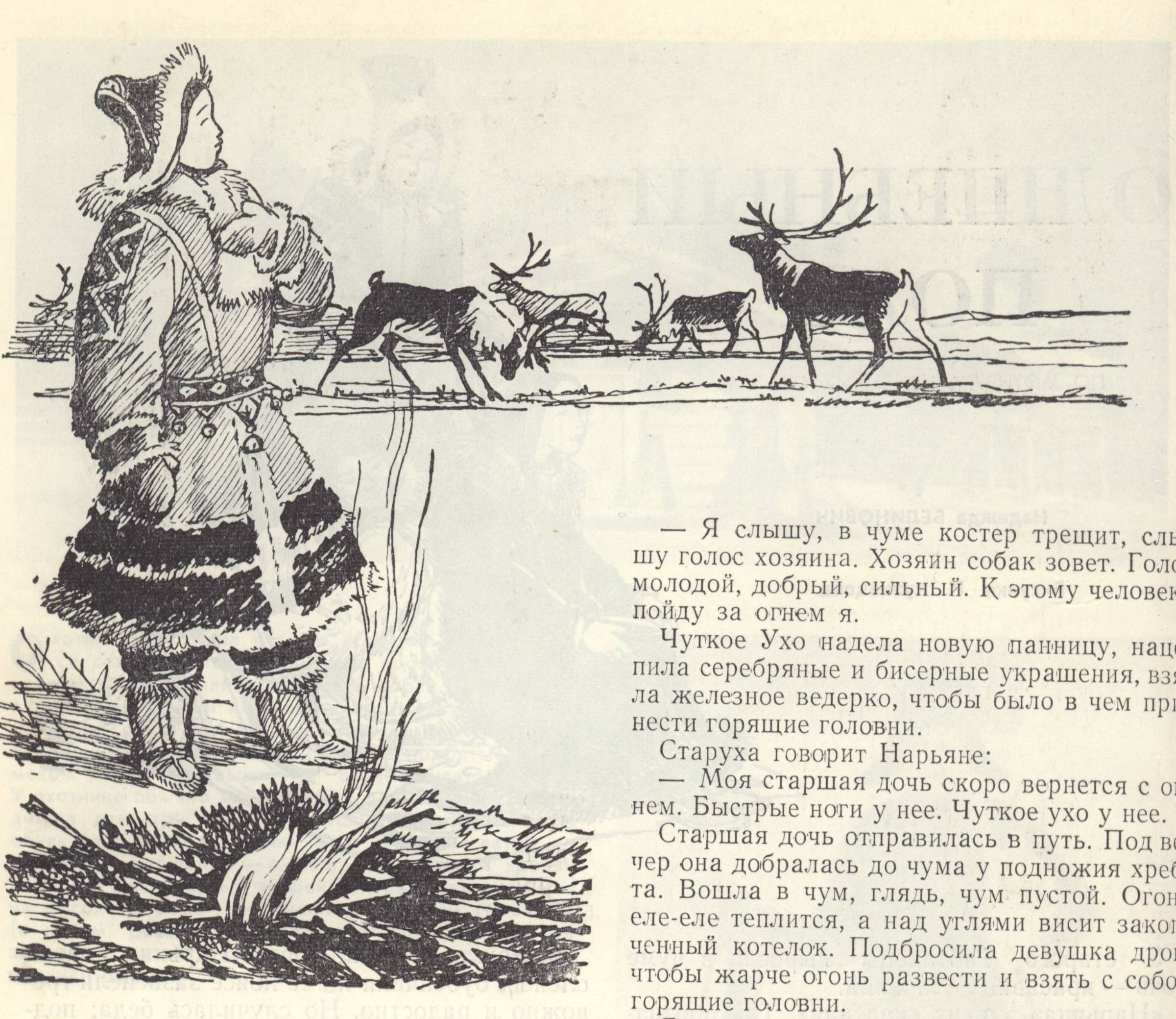
— Прощай, Нарьяна, дочь Тибтакоцы, не падай больше в полынью!

«Ты увидишься с ней!» — зазвенели бубенцы ему вслед, и юноша понял их говорок.

Нарьяна стала думать о Вайнойте: «Сильный он. Добрый он. Красивый он».

И полюбила Нарьяна Вайнойту. А он об этом и знать не знал, только часто вспоминал, как звенели бубенчики на поясе спасенной им девушки.

Однажды, когда Нарьяна пасла оленей, мачеха ушла ловить рыбу, а отец был далеко на охоте, ленивые сестры заснули и не заметили, как в чуме погас костер.

Где добыть огонь? Других чумов поблизости нет. А костер надо разжечь до возвращения отца. Не то рассердится он, изобьет домашних.

Нечего делать, послала мачеха дочек в тундру на сопку, посмотреть, в какой стороне виден дым. Дочек послала, сама пошла и Нарьяне приказала идти.

Нарьяна стала вглядываться в даль, и вдруг все сто бубенчиков на ее поясе зазвенели, предвещая радость. Девушка увидела вдали Черный хребет, а у подножия его одинокий чум, над чумом курился дымок.

— Пойду туда за огнем! — проговорила Нарьяна.

Мачеха хотела уже отпустить ее, да в это время старшая дочь, Чуткое Ухо, прислушалась и сказала:

— Я слышу, в чуме костер трещит, слышу голос хозяина. Хозяин собак зовет. Голос молодой, добрый, сильный. К этому человеку пойду за огнем я.

Чуткое Ухо надела новую паницу, нацепила серебряные и бисерные украшения, взяла железное ведерко, чтобы было в чем принести горящие головни.

Старуха говорит Нарьяне:

— Моя старшая дочь скоро вернется с огнем. Быстрые ноги у нее. Чуткое ухо у нее.

Старшая дочь отправилась в путь. Под вечер она добралась до чума у подножия хребта. Вошла в чум, глядь, чум пустой. Огонь еле-еле теплится, а над углями висит закопченный котелок. Подбросила девушка дров, чтобы жарче огонь развести и взять с собой горящие головни.

Ярким пламенем занялся костер. Но тут хозяин чума закричал громким голосом. Со страха девушка наземь повалилась. А когда поднялась, видит: стоит перед ней высокий ненец Вайнойта и говорит:

— Садись да рассказывай, кто ты такая, откуда пришла и почему без спроса трогаешь чужой огонь.

Нечего делать, рассказала Чуткое Ухо, кто она и почему пришла сюда за огнем. Когда Вайнойта узнал, что перед ним падчерица Тибтакоцы, он спросил:

— А где же Нарьяна, та, у которой на поясе сто бубенчиков?

— Ой,— отвечала Чуткое Ухо,— Нарьяна — моя сводная сестра. Глупая она. Нескладная она. Некрасивая она. Нам стыдно ее посторонним показывать. Она не умеет даже чай вскипятить.

Тогда юноша сказал:

— Я вижу, ты хорошо рассказываешь небылицы. Коли ты так же хорошо умеешь чай заваривать, я тебе дам огня, а коли не су-

меешь, не плачь: отрежу тебе косы справа и слева.

Стала Чуткое Ухо чай заваривать. А раньше-то ей никогда не приходилось это делать. В котелок, что над костром висел, воды налила мало-мало, чая насыпала много-много. Попробовал этот чай Вайнойта и отрезал девушке косы — одну справа, другую слева.

Девушка без оглядки побежала домой. Дома она рассказала матери, будто в чуме живет сын ведьмы Пурги, будто он едва не заморозил ее за то, что она хотела тайком взять огонь. Скрыла старшая сестра, что она чай не сумела заварить, скрыла и то, что две косы потеряла. Голову платком повязала и легла спать.

Наутро вторая сестра, Зоркий Глаз, увидела возле далекого чума молодого красавца, и захотелось ей пойти к нему за огнем.

— Не бери тайком, попроси вежливо,— сказала ей мать.

Вот пришла вторая сестра к подножию Черного хребта.

Когда узнал Вайнойта, что и она дочь Тибтакоцы, он спросил:

— А почему не пришла за огнем Нарьяна, у которой сто бубенчиков на поясе?

Отвечала девушка Зоркий Глаз:

— Не пойдет она. Ленивая она. Глупая она. Я одна все делаю. Оленей пасу, тобоки шью, мясо варю, за огнем хожу.

— Так сшей мне пимы, и я тебе дам огня,— попросил Вайнойта,—а не сумеешь, косы отрежу.

Села девушка пимы шить, а шить-то не умеет: ведь дома всегда Нарьяна шила.

Засмеялся Вайнойта, отрезал у девушки одну косу справа, другую слева. Она убежала домой и тоже сказала своим, что в чуме живет сын ведьмы Пурги. А Нарьяна глядела на дальний чум, и чем больше глядела, тем веселее звенели бубенчики на ее красном поясе.

Засмеялась Нарьяна, говорит:

— Эх, вы, не могли огня добыть!

— А ты сама попробуй сходи,— отвечают сестры.

Нарьяна отвечает:

— Без огня, как без любви, не проживешь. Пойду!

Отправилась девушка в путь и вскоре очутилась у подножия Черного хребта. Глядь-поглядь, там перед огнем сидит Вайнойта. У девушки сразу сердце забилось, весело бубенчики запели, и Вайнойта понял, что они говорят: «К тебе пришла твоя невеста!»

Вайнойта сразу узнал, что это та самая девушка, которую он спас из полыньи. И он увидел, что движения ее ловки, лицо прекрасно. А Нарьяна поклонилась и говорит учтиво:

— Дай мне огня, добрый человек!

— Что ж,— отвечает Вайнойта,— но сначала сшей мне пимы, ужин приготовь и чай вскипяти.

— Хорошо,— отвечала Нарьяна.— А пока я шить буду, ты дичь на ужин подстрели.

Еще олень десяти шагов не прошел бы, а юноша десять птиц подстрелил. Вернулся, глядь, а пимы готовы. Вайнойта и трубку не успел закурить, как и ужин был готов.

— А теперь, Нарьяна, дочь Тибтакоцы,— говорит Вайнойта,— расскажи мне быль, что похожа на небылицу.

Весело зазвенели сто бубенчиков, и сказала Нарьяна:

— Меня из полыньи спас человек — я полюбила его. Пришла за огнем — увидела его. Дай мне огня!

— Огонь тебе дам! Сердце свое дам! — сказал Вайнойта и положил горящие головни в железное ведро.

Девушка принесла домой огонь, разожгла костер. Ничего рассказывать не стала. Сестры у огня сидят, головы платками завязаны.

День прошел, и ночь прошла. Вернулся

отец с охоты. Еще день и ночь прошли. Вайнойта пришел сватать Нарьяну.

Обидно мачехе стало, что нашла Нарьяна хорошего мужа. Первый охотник он, сильный, умный.

Испугались сестры: без Нарьяны кто работать будет?!

Чуткое Ухо и говорит отцу:

— Мы завтра сами назначим выкуп за невесту. Я назову оленью цену, а Зоркий Глаз лисью цену. Как мы скажем, так и будет.

Отец согласился. Он не знал, что его падчерица Зоркий Глаз увидала, что у Вайнойты всего десять оленей и сто лисьих шкур. Сестры решили назначить такой выкуп: оленья цена — сто оленей, лисья цена — тысяча шкур. И уйдет Вайнойта ни с чем, а Нарьяна дома останется.

Вот и утро наступило. Нарьяна пошла жениха встречать.

А в чуме сестры радуются, что перехитрили они Вайнойту. Вдруг Чуткое Ухо насторожилась. Слышит она, что далеко-далеко в тундре невеста жениху говорит:

— Сестры сами будут за меня выкуп назначать.

А Вайнойта смеется в ответ:

— Если Чуткое Ухо или Зоркий Глаз высокую цену за тебя назначат, я выну из мешка их отрезанные косы и всем в тундре про твоих сестер-бездельниц расскажу. Ну, а если они промолчат, и я промолчу и косы им верну, пусть их вплетают в волосы.

Вот пришел Вайнойта в чум. Старый Тибтакоца говорит Чуткому Уху:

— Назначай оленью цену.

— Оленья цена бесценная. Пусть без выкупа берет Нарьяну,— говорит девушка.

И вторая сестра говорит:

— Нет лисьей цены, пусть жених без выкупа берет невесту.

Так и справили свою свадьбу Вайнойта с Нарьяной.

ХОТИТЕ УЧАСТВОВАТЬ в заочном состязании?

ПРОВОДИТ ЭТО **СОСТЯЗАНИЕ**
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ДОМ ПИОНЕРОВ
И НАША РЕДАКЦИЯ

Состязаться вы будете вот в чём:

КТО ЗНАЕТ **БОЛЬШЕ,**
КТО ответит ЛУЧШЕ, БЫСТРЕЕ, ПОДРОБНЕЕ.

В состязании могут участвовать и отдельные ребята, и все звено, и даже отряд — кто как захочет, кому как нравится.

Чтобы ответить хорошо, можно читать книги, спрашивать учителей, библиотекарей, вожатого, родителей, старших братьев и сестер.

Победители получат премии. Ответы на первую серию принимаем до 1 мая. Присылайте их в редакцию.

НАШИ ВОПРОСЫ

(ПЕРВАЯ СЕРИЯ)

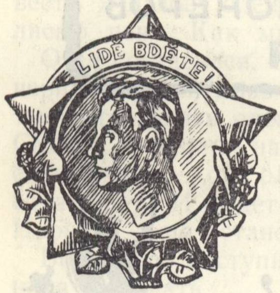
1. На этом снимке — пионеры одной великой страны за работой. В этой стране пионеры, чтобы помочь старшим, наметили свою «маленькую пятилетку».

Что это за страна? Когда там была создана пионерская организация?

2. Вот нотная строка. Кто создал эту мелодию? Кто написал к ней слова? В какое время, в какой стране? Почему ее знают во всем мире? Почему во многих странах ее запрещают петь?

3. Большая честь — получить в награду эту медаль. ЦК Союза чехословацкой молодежи выдает ее тем, кто честно трудится для народа, кто крепит чехословацко-советскую дружбу, кто знает произведения чешского народного героя, изображенного на ней.

Назовите его имя, расскажите о его жизни.

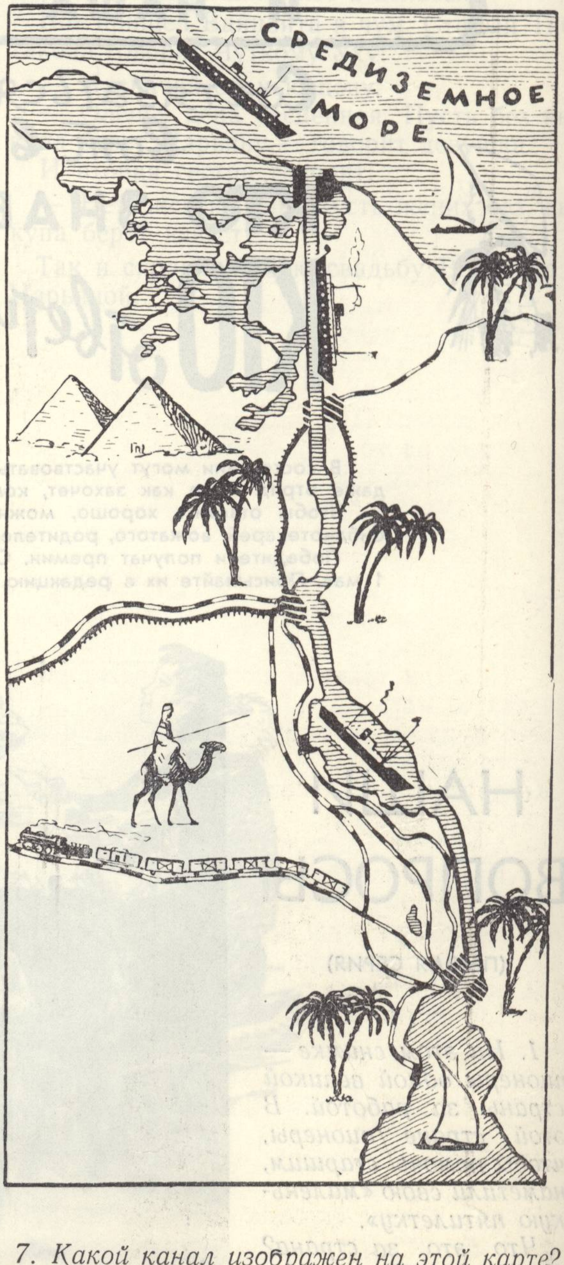
4. Мы все любим слушать, как поет Поль Робсон. Напишите, знаете ли вы песню о Джо Хилле? Кто был Джо Хилл? За что его убили? Какую песню Хилла вы слышали?

5. Пионеры какой страны носят этот значок? Что на нем изображено?

6. Нарисуйте и пришлите карту плавания Тура Хейердала через Тихий океан.

Как он плыл? Зачем? Нарисуйте одно из его приключений в пути, то, которое вам больше всего понравилось, лучше всего запомнилось.

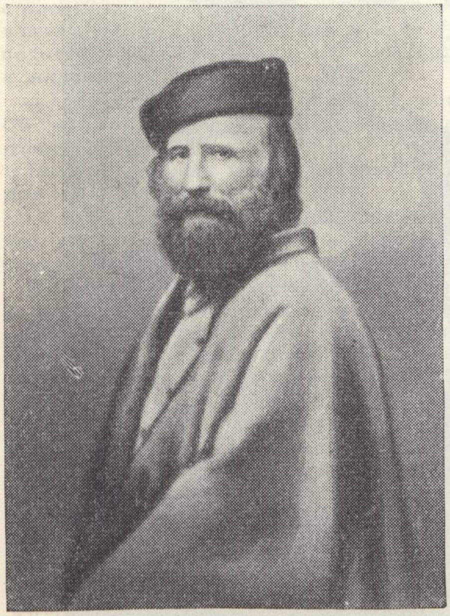
7. Какой канал изображен на этой карте? Расскажите о борьбе, которая шла полтора года назад в зоне этого канала.

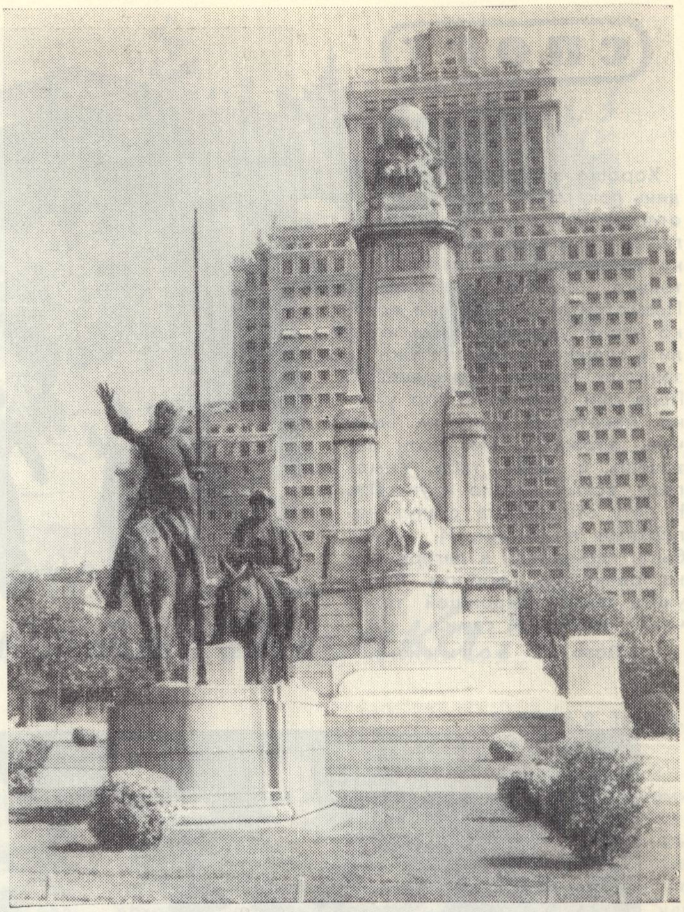

8. Как называется детская организация, члены которой носят такие значки? Расскажите, что вы о ней знаете.

9. Человек, которого вы видите на портрете внизу, возглавлял революционно-освободительную борьбу. Участники ее носили красные рубашки.

В какой стране и против кого шла эта борьба? Как звали ее вождя? Расскажите о его замечательной жизни.

10. Вот фотография памятника великому писателю. На первом плане скульптуры, изображающие двух самых известных из его героев.

Что это за герои? Кто этот писатель? Что вы знаете о его жизни?

11. Это герб одного из столичных городов Европы. Какого?

12. В какой стране впервые проходили олимпийские игры? Что вы знаете об истории этих состязаний?

СПОРТ

Хорошо в морозный зимний день покататься на коньках или отправиться на лыжную прогулку. Но разве менее приятно поплавать? Поплавать!.. Да, только, конечно, в бассейне. Посмотрите! Эти ребята только что с удовольствием играли в снежки, а вот они уже на занятиях группы начинающих. Пока они еще мало что умеют, некоторые даже на воде чуть держатся. Но, если захочешь и если тебе помогают, всему можно научиться. К лету эти ребята станут неплохими пловцами. И, может быть, где-нибудь в лагере или на речке за городом будут учить своих товарищей тому, чему научились сами.

Фото А. Бочинина.

„Надо только очень захотеть, Тимка!"

Рассказ А. КРАСИЛЬЩИКОВА

Рисунки Я. Титова.

— Тим, ты как пойдешь? — Андрей посмотрел на товарища.

Тимка молчал.

Андрей аккуратно варежкой счистил снег с одного ботинка и вставил его в скобу крепления. У него были «ротофелло». Он слегка подвигал ботинок в разные стороны и почувствовал, как шипы вошли в подошву. Тогда он плотно прижал рант ботинка дужкой и защелкнул ее. С другой лыжей Андрей долго возился. Ботинок был старый, сношенный с одной стороны, и, чтобы плотно прижать его, Андрей подложил кусочек веточки между дужкой и рантом. Он поднялся. Тимка уже ждал его. Тимка стоял спиной к Андрею.

— Как же ты пойдешь? — опять спросил Андрей. Он задал этот вопрос глухо, фальшивым, не своим голосом.

Тимка помолчал, потом повернул голову к Андрею и засмеялся.

— Я пойду быстро, Андрей. Очень быстро, — сказал он, взмахнул палками и легко заскользил к старту.

И Андрей окончательно убедился, что у Тимки есть верный вариант, верный способ для победы.

Вот уже несколько дней, как Андрея мучили сомнения. Начались они с того самого дня, когда он узнал, что старт этих состязаний будет общим.

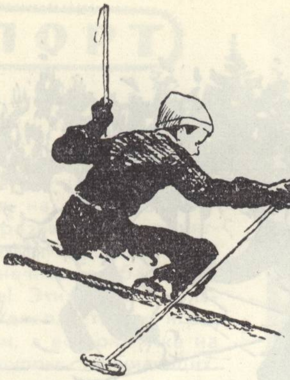
Раньше Андрей участвовал в состязаниях только с раздельным стартом. Тактика там была простая. Всегда кто-нибудь шел впереди. Андрей ставил себе цель — догнать идущего перед ним лыжника. Когда это удавалось, впереди оказывался другой, и Андрей пытался достать его. И так всю дистанцию. Если он сам шел первым, то старался убежать как можно быстрее вперед. Он не любил стартовать первым. Ему всегда казалось, что его вот-вот кто-то догонит. Он нервничал и часто оглядывался. Сегодня старт будет общий. Как быть в этом случае? Силы были разные: Андрей и Тимка были лучшими лыжниками в районе. Только они раньше не ходили на состязаниях с общим стартом. Андрею хотелось знать, что думает Тимка на этот счет. Но между ними всегда вставал какой-то невидимый рубеж, когда дело доходило до соревнований. Дружба кончалась как раз на старте.

На старте Андрей и Тимка стояли рядом. Андрей услышал стук своего сердца. Оно всегда начинало стучать слишком сильно за несколько секунд до взмаха флажка. Андрей глотнул воздуху. Навстречу прямо в грудь дул холодный ветер. Ветер был сильный, и снежинки больно кололи лицо.

Лыжники ждали команды. Андрей подался вперед и перенес тяжесть тела на палки. Судья крикнул: «Марш!» Андрей сильно оттолкнулся палками и услышал характерный треск: лыжи били мерзлый укатанный снег. Андрей работал вовсю. Он взмахивал палками, выбрасывал их вперед и затем налегал на них всей тяжестью своего тела. На бугристом и скользком, как лед, шоссе, по которому проходили первые метры дистанции, лыжи разъезжались в стороны, так что в этом стартовом броске нужно было еще и балансировать и прилагать дополнительные усилия, чтобы удержать лыжи на привычной ширине. Справа и слева, совсем рядом, чуть позади носков его лыж он видел лыжи других ребят. Потом постепенно, очень медленно лыжи соседей стали отступать назад, особенно медленно с той стороны, где шел Тимка.

И вдруг Андрей понял, что падает. Кто-то сзади наступил на его лыжу. Он еще успел заметить, как Тимка проскользнул мимо. Потом почувствовал, что на него навалился один, еще один и затем сразу несколько лыжников. Кто-то вскрикнул, кто-то чертыхнулся, кто-то больно прижал голову Андрея к холодному льду.

Когда Андрей вскочил на ноги, он увидел, как по-

следний лыжник, обогнув недостроенный кирпичный дом, выходит на пустырь. Левой лыжи на ноге не было. Андрей стоял как раз напротив недостроенного дома. Через пустые оконные проемы было видно, как внутри дома кружились снежинки. Перед домом торчали деревца. Возле них валялась его лыжа. Посвистывал ветер. Голые веточки лип дрожали. Липам было холодно. Дому тоже было холодно.

Лыжня на пустыре была укатанная, но неразбитая. Двойной ровной полосой она врезалась в рыхлый снег и чуть поблескивала, хотя было пасмурно. Справа и слева вдоль лыжни, с обеих ее сторон, шли две бороздки — следы от лыжных палок. Бороздки были непрерывными, потому что по лыжне прошло много лыжников.

Андрей быстро настигал ребят. Он шел почти на предельной скорости. Метров за десять он крикнул, чтобы ему дали лыжню, и пошел на обгон. Некоторые, придерживаясь гоночных правил, уступали только одну лыжню, но большинство ребят, узнав голос Андрея, сходили в сторону и шли по глубокому снегу, пока Андрей обходил их.

В лесу было тише. Ветер шумел ветвями сосен где-то далеко вверху. Сосновые стволы стояли прямые, голые, внизу темные, а выше желтые. Местами попадались островки молодой еловой поросли.

Раньше вдоль лыжни шли непрерывные бороздки от лыжных палок. Теперь виднелись круглые вмятины в снегу.

«Двое впереди, — по количеству следов догадался Андрей. — Двое: Павлик и Тимка».

Он чуть приподнял голову и посмотрел вперед. Лыжня уходила прямо в еловый островок. Он прислушался. Где-то стучал дятел. Дятел стучал как раз в тот момент, когда Андрей скользил. Шаг левой — скольжение и стук дятла, шаг правой — скольжение и стук дятла... Андрей вспомнил, как его учили играть на пианино. «Раз, — считал Андрюшка и нажимал на клавишу. Чтобы выдержать паузу, он вслух тянул: — И-и... — Потом нажимал на другую клавишу: — Два...»

«Раз... и... два... и... раз... и...»

«Ррраз...» Андрей отшатнулся в сторону. Еловая лапа больно хлестнула по лицу. Лапа была тяжелой. На кончиках веток намерз лед. Так иногда у собак вмерзает лед между подушками пальцев. Собаки выкусывают его, сердито рыча и повизгивая при этом.

Теперь он скользил под гору. Внизу, в ложбине, он увидел маленькую фигурку Павлика. Андрей, не раздумывая, навалился на палки и почувствовал, будто потерял в весе — он буквально летел под гору. Сосновые стволы мелькали справа и слева. Иногда они стояли слишком близко возле лыжни. Поток встречного воздуха был холодным, и глаза у Андрея стали влажными. Из одного выкатилась слезинка и оставила холодную струйку не вниз, а назад, к уху.

«Здесь нетрудно и шею сломать...» Андрей еще глубже присел на согнутых ногах. Скорость стала совсем сумасшедшей. Потом он почувствовал, как на него наваливается тяжесть. Это значило, что склон становится положе. Андрей напряг мышцы на ногах, но его прижимало все ниже и ниже.

«Удержаться, удержаться, и я здорово отыграю у тебя, Тимка!» Они никогда не спускались здесь на такой скорости. Они всегда притормаживали в этом месте.

«Ух...» Тяжесть вдруг пропала, Андрей летел по ровному месту, будто выброшенный катапультой. Он выпрямился и увидел, что стремительно приближается к Павлику. Чтобы не столкнуться, Андрей перескочил на протоптанную тропинку.

— Тимка далеко? — выдохнул Андрей, поравнявшись с Павликом.

— Не знаю, — донеслось до него уже сзади.

Лыжня круто поворачивала влево, на широкую просеку. Видно, когда-то здесь собирались провести дорогу, а потом раздумали, и теперь она постепенно зарастала молодняком.

Андрей шел попеременным ходом. Он по очереди выбрасывал вперед вместе с левой ногой правую руку, потом скользил, потом вперед выходили правая лыжа и левая палка. Когда он отталкивался, его корпус и ноги распрямлялись и голова откидывалась чуть кверху. Потом он чуть приседал на ногах и в этот момент расслаблял спину.

Только одно желание владело им и неудержимо гнало его вперед, только одно. Ему было подчинено все: нервы, воля, силы. Достать Тимку и зацепиться у него на пятках. О большем Андрей не думал. Только бы догнать. А если, несмотря ни на что, он не сможет достать Тимку?

«Нужно только очень захотеть, Тимка. Нужно просто очень сильно захотеть этого...»

И Андрей снова с еще большей яростью наваливался на палки.

Теперь уже Андрей не прижимал язык к небу. Раньше он старался делать это, чтобы холодный воздух не попадал прямо в легкие, чтобы он успевал хоть чуть-чуть нагреться во рту. Воздуха уже не хва-

тало. Он судорожно глотал его. Он слышал свое прерывистое, похожее на всхлипывание дыхание. Где-то впереди бежал невидимый Тимка. И только лыжня могла поведать о нем Андрею. Он на бегу читал лыжню, мучительно разгадывал ее. Он читал ее так, как ученые прочитывали древние письмена, как охотник читает след. Тимкины следы были скупыми, однообразными.

В одном месте следы стали чаще.

«Неужели ты отдыхал, Тимка, неужели?»

Движения Андрея сделались более размашистыми. Впереди был косогор, и, чтобы пройти его без задержки, Андрей разогнался. На подъеме скорость упала. Андрей часто-часто засеменил ногами и перенес нагрузку на руки. Недалеко от вершины он увидел, как ровный след лыжни нарушился. След походил теперь на изображение елочки в детском рисунке. Только елочка была перевернута ветками кверху.

«Не хватило скорости, Тим не смог взять подъема с ходу. Не к месту решил ты отдохнуть».

Андрей обрадовался. Он отыгрывал здесь несколько секунд.

Ему показалось, что он слышит собачий лай сквозь гул моторов, который доносился с заводского аэродрома. Потом он уловил стук водокачки, которую не было видно за деревьями. Впереди показался забор собачьего питомника. Через несколько секунд сторожевые псы облаяли его.

«Они лаяли на Тимку,— догадался Андрей.— Значит, собаки действительно лаяли, и это было не больше, чем полминуты назад. Близко».

...Тимка увидел Андрея, когда между ними было не более тридцати метров. Тимка не оглядывался. Он только чуть повернул голову в сторону, и этого было достаточно. Андрей знал его привычки.

Андрей ждал: прибавит Тимка или нет? От этого зависело многое. Если Тимка прибавит, то борьба будет окончена. Андрей долго гнался за ним. Ему слишком много пришлось отыгрывать у Тимки, и слишком много сил ушло на это. Андрей ждал, и все внутри у него напрягалось, натягивалось, как струна. Прошла секунда, две... Тимка не увеличивал скорость.

Андрей так и не понял, как это получилось, но, когда он подошел к Тимке, он не сел ему на пятки. Почти помимо воли у него вдруг вырвалось: «Лыжню!» Может быть, оттого, что он привык обгонять многих, это слово и сейчас прозвучало резко и повелительно. Когда они поравнялись, их взгляды встретились. Они были так близко друг от друга, что Андрей почувствовал Тимкино дыхание. Тимка смотрел исподлобья, недоверчиво. И в этот момент Андрей понял все. Тимка вообще не думал, что Андрей сможет достать его. Уж во всяком случае не пойдет на обгон. Тимка был ошарашен. И очень хорошо, очень кстати, потому что ноги Андрея сделались чужими и в толчке не было прежней резкости, шаг получался укороченным и все время хотелось разогнуть спину. До безумия хотелось распрямить ее. Но пусть Тимка думает, что он еще свежий, пусть! Тогда он не рискнет выходить вперед, будет беречь силы для финиша. И все же ему, Андрею, нужна передышка. Очень нужна передышка.

«А что, если...»

Андрей пошел вперекидку, лихо по очереди выбрасывая палки через стороны вперед. Зато он укоротил шаг, выпрямился. Скорость хода упала. Он отдыхал и прислушивался, не оборачиваясь, пойдет ли Тимка вперед. Тимка не выходил. Сейчас они шли вдоль шоссе. Андрей все время напряженно вслушивался: за Тимкой нужен глаз да глаз. Андрей услышал, как их нагоняет машина. Она шла с аэродрома в город. Тимка все еще не выходил. Андрей пошел еще тише.

«Сейчас он выйдет...» Андрей приготовился к рывку. Сзади раздался частый стук лыж: Тимка выходил вперед. Андрей пропустил и, как только Тимка занял лыжню, быстро обошел его.

«А теперь еще раз, Тимка... Ты должен привыкнуть, что мне ничего не стоит обойти тебя...»

Андрей снова повторил маневр. Он замедлил скорость хода, выпустил Тимку, а затем тут же вышел вперед. Андрей диктовал, а Тимка выполнял его волю, его желание. Он расставлял Тимке силки, и тот, сам не замечая этого, лез в них.

Андрея охватило чувство радости за свою силу, не физическую, а силу разума. Наконец-то он понял, что такое настоящая тактика.

И все-таки передышка была очень короткой. Впереди между стволами показалась решетка городского парка. Андрей снова насторожился. Теперь Тимку нельзя было пропускать. Но уже никакие уловки, никакие приемы не помогли бы Андрею удержать его,— только скорость. На центральной аллее Тимка медленно начал выходить слева. Сквозь забор стало видно красное полотнище финиша, вокруг которого толпились ребята.

«Калитка, калитка спасет...» — подумал Андрей. Калитка была узкая, и через нее можно было пройти только друг за другом.

На площади перед самым финишем Тимка снова начал выходить. Он выходил опять слева, и Андрей краешком глаза видел, как заостренные концы Тимкиных лыж все ближе и ближе подступают к нему...

Потом Андрей устало разогнул спину и проскользил по инерции еще несколько метров. Он крепко воткнул в снег лыжные палки и навалился на них.

Ощущение покоя охватило его. Оно приходило всегда сразу же после удачного финиша. И сразу же исчезало раздражение на противников, на главного из них — Тимку. На финише они снова становились друзьями. Андрей окликнул Тимку:

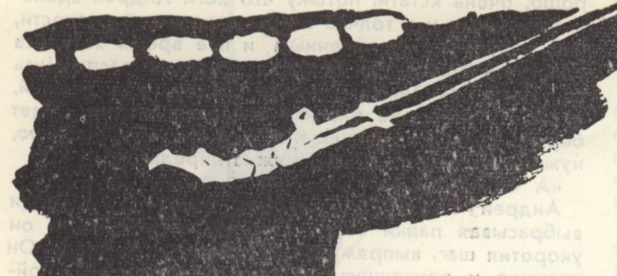
— Я зайду к тебе, Тим?

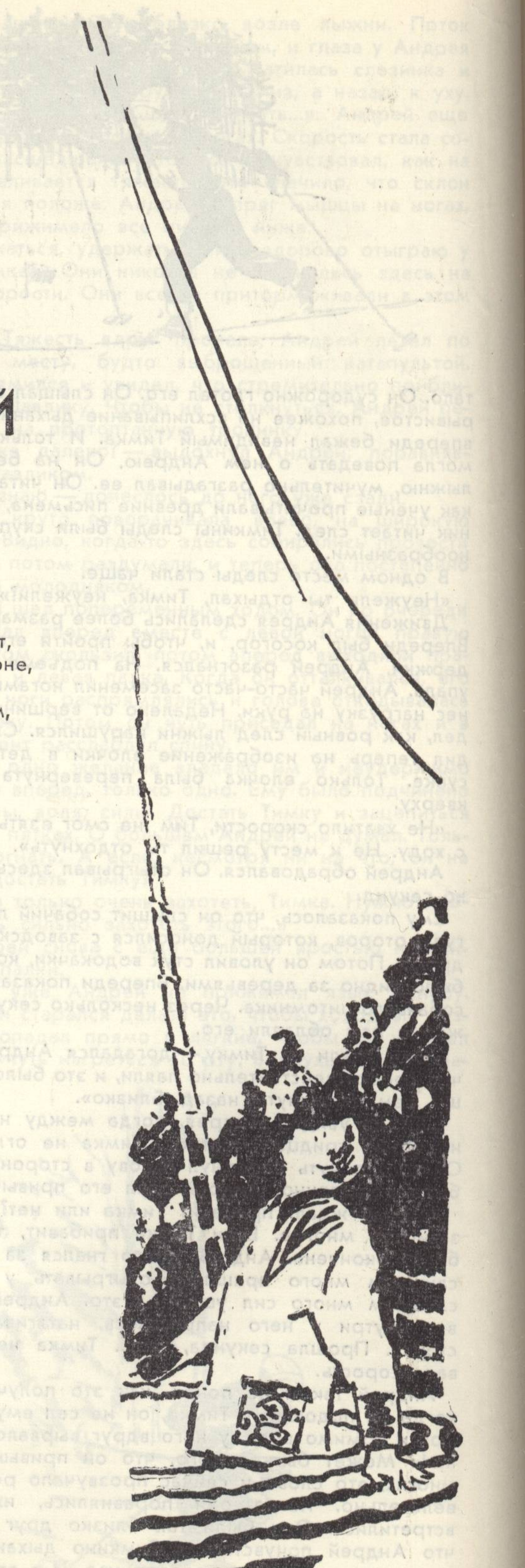
— Только не сейчас. Нужно наколоть дров.

Андрей поглядел Тимке вслед, присел и стал медленно отстегивать крепления.

Раньше они всегда приходили почти вместе. И никто заранее не мог бы сказать, кто будет первым. Сегодня они тоже пришли вместе и остались прежними для всех, кто наблюдал за ними. Для всех, но только не для них двоих.

Сегодня условия борьбы не были равными, и все-таки Андрей не отступил. Он продолжал борьбу. Он выдержал долгую погоню... И главное, он обыграл Тимку тактически. Теперь Андрей твердо знал, что стал сильнее друга. И Тимка тоже знал это.

А. КАРДАШОВА

СЕРЕБРЯНЫЙ ГИМНАСТ

Рисунки В. Тарасенко.

Цирк в полумраке таинственном
тонет,
Музыка вальса звучит на балконе,
Вспыхнул прожектор широким
столбом,
И появился в луче голубом,
Словно звезда,
Высоко-высоко
Стройный гимнаст
В серебристом трико.

Что только он выделывал,
Как только не летал!..
И на гимнаста смелого
Глядел с восторгом зал.

И думали ребята:
«Бесстрашный до чего,
Как будто он крылатый,
Ну, прямо волшебство!»

У цирка — знак дорожный
С портретом голубка.
Водитель, осторожно
У этого значка!

На мостовой рассыпана
Ячменная крупа,
Гуляют птицы сытые,
Кругом стоит толпа.

Вдруг мотоцикл налетел,
Откуда ни возьмись!
Он по крупе протарахтел,
А голуби взвились.

Не все взвились.
На мостовой
Один из них лежит,
Подбит, но, кажется, живой,
Нахохлился, дрожит...

Ребята бросились к нему.
Он отбежал, хромая.
— Постой-ка, я его возьму!
— Пусти-ка, я поймаю!
А голубь крыльями взмахнул...
— Держи его, хватай!

До крыши еле дотянул
И сел на самый край.

Ребята машут и свистят,
Но голубь их не слышит.
И крикнул кто-то из ребят:
— Айда за ним на крышу!

Но тут на тротуаре
Мелькнула чья-то тень,
И появился парень
В кепке набекрень.

К трубам водосточным
Он, видимо, привык:
Его движенья точны,
Взлетел на крышу вмиг.

А голубь снялся и с трудом
Перелетел на ближний дом.

Крик огорченья снизу слышен:
— Ну, как теперь его достать?
Не может с крыши да на крышу,
Как голубь, человек летать!

А человек вверху стоял,
Дома почти что рядом...
И между крышами провал
Измерил точным взглядом.

Прыжок!.. И человек живой
Вдруг полетел над мостовой.

Внизу не поняли сперва.
— Кто? Где? — послышались слова.
— Я видел сам, как он летел!
— Разбился?
— Нет, здоров и цел!
— Смотрите, он вцепился в желоб!
На крышу, на другую встал!
А бедный ослабевший голубь
Его как будто поджидал.

Не стал он вырываться, биться,
В ладонях теплых присмирел,
И с нежной жалостью на птицу
Прыгун отчаянный смотрел.

Вот, голубка прижав к себе,
Спустился парень по трубе.

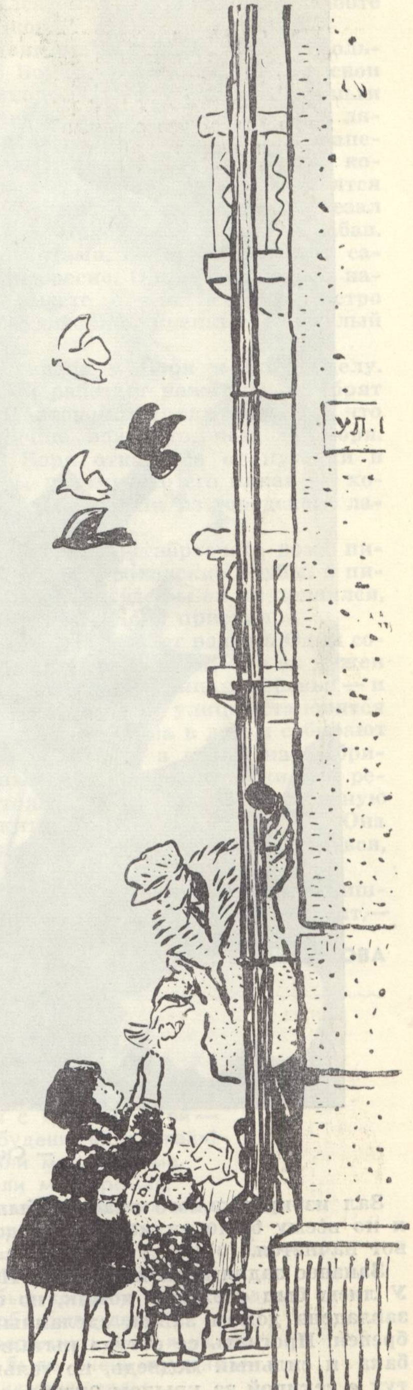
Сейчас обрадует ребят,
Им голубя отдаст.
Вдруг — что такое? —
Все кричат:
— Серебряный гимнаст!

Его узнали по полету,
Без мишуры, без серебра,
Узнали смелую работу:
Так в цирке он летал вчера...

И вот в кругу ребячьем тесном
Стоит он, свой среди своих,
Он стал на улице известным,
И это даже интересней
Его успехов цирковых!

А столько благодарных глаз
Он видел близко
В первый раз.

БОРЯ ПРИЕХАЛ!

— Скажи-ка, шарик, как учится эта девочка?!

Зал избирательного участка был полон ребят, и по всему было видно, что представление вот-вот начнется...

Занавес задвигался и поплыл. Началось чудо... У лисы был снежный домик, но она хитростью завладела домом зайца, сделанным из круглых бревен. Прогнать ее оттуда пытались и злая собака и сильный медведь, но только рыжий петух с секирой за крылом оказался молодцом, не поддался на лисьи хитрости и поэтому одержал победу.

Нельзя, конечно, безучастно следить за борьбой двух зверюшек. И зрители громко вздыхают, что-то важное кричат петуху, беспокойно вскакивают со своих мест. К общей радости, все оканчивается благополучно. Артисты с куклами выходят на сцену. И вот, когда они кланяются зрителям, по залу радостно проносится:

— Боря! Боря приехал!

Подросток, худенький, быстрый, тепло улыбнувшись своим добрым знакомым, мигом взбегает по деревянным ступенькам на сцену.

— Здравствуйте, ребята!

— Здравствуйте! Здравствуй, Боря! — несется весело.

— Давайте вместе споем!

— Кто из вас сюда принес
Радость, шутки, смех до слез? —

запевает Боря, и зал дружно ему отвечает:

— Это я, это я, это все мои друзья!

Боря поет дальше:

— Кто из вас, скажите, братцы,
Забывает умываться?
— Это я, это я,—

уверенно выводят несколько голосов, но раздается дружный взрыв хохота, и голоса тонут в нем.

Боря представляет зрителям юных певцов, танцоров, музыкантов и уступает им сцену, а потом к общему удовольствию снова появляется перед занавесом. И всякий раз придумывает что-то очень интересное.

Вот у него в руках белый шарик. Это не простой шарик, а волшебный, он все знает о сидящих в зале ребятах.

— Скажи нам, шарик, как учится вот тот мальчик? — спрашивает Боря. Шарик скользит по тонкой веревочке и вдруг резко останавливается. Что бы это могло значить? Борино лицо выражает крайнюю озабоченность.

— О мальчик,— говорит он, укоризненно качая головой,— да ведь у тебя есть двойка!

Тот, к кому относятся эти слова, смущенно упирается ногами в стоящий впереди ряд стульев:

— Я уже ее исправил.

Но голос мальчишки звучит нетвердо, и поэтому многие ребята смотрят на него с улыбкой.

А волшебный шарик опять пришел в движение. На этот раз он сказал, что у рыжей девочки в белом фартуке есть тройка. И опять не ошибся.

Лицо у Бори то лукавое, то озабоченное, то очень веселое. Он поднимает вверх руки, изображая крылья, и все вслед за ним превращаются в птиц. Он поет — и ему подпевает сотня голосов. Он предлагает задачи — и все вместе делят и умножают какие-то числа.

Еще полчаса — час назад это были чужие друг другу ребята, просто так, случайно оказавшиеся рядом на стульях. Но сейчас они уже друзья: вместе хохочут, знают друг о друге маленькие тайны.

...Три года назад двенадцатилетним пионером Боря Никитин, ученик 56-й железнодорожной школы, пришел в кружок массовиков-затейников Октябрьского дома пионеров Москвы. Стать хорошим массовиком оказалось не так-то просто. Во-первых, надо самому уметь хорошо танцевать и вальс, и краковяк, и польку, и многие другие танцы. Во-вторых, надо хоть немножко петь, знать загадки, шутки. Нет, нет, это не просто — развеселить сразу двести—триста ребят. И Боря Никитин этому научился не сразу. Он много тренировался, присматривался к работе опытных массовиков.

Время от времени мама давала Боре небольшие деньги. Но Боря до предела урезал свои мальчишечьи расходы. На сэкономленные деньги он купил кое-какие вещицы. Например, двух лягушек, которые, если надо, умеют прыгать наперегонки, несколько целлулоидных шариков, которые по мановению Бориной руки становятся волшебными. Он сделал себе кегли, вырезал большие буквы. Все это нужно для игр и забав.

Когда Боря с ребятами, он сам весел, ему самому хорошо и интересно. Он не кричит, не напрягает горло и вместе с тем легко и быстро устанавливает с аудиторией крепкий и веселый союз.

Лежит, видно, сердце у Бори к этому делу. У себя в школе он работает вожатым октябрят второго класса. И второклассники считают, что нет веселее и лучше вожатого, чем их Боря. Прошлым летом Боря отказался от путевки в пионерский лагерь, потому что его никак не хотели отпускать от себя ребята из городского лагеря.

Вместе с массовиками Октябрьского дома пионеров Боря приезжает в заводские клубы, в пионерские лагеря. И всегда, где бы он ни появился, ребята радостно кричат: «Боря приехал!».

...Общественная работа бывает разная. Одни собирают лом — и это хорошо, потому что он нужен стране; другие сажают на улицах деревья — и это тоже хорошо, потому что улицы становятся красивее; третьи ходят из дома в дом и собирают в мешки ненужную бумагу, а потом на фабриках она превращается в новые тетрадки для ребят. И за это тоже спасибо. Общественную работу Бори Никитина ничем не измеришь. Она в том, чтобы заставлять ребят от души смеяться, веселиться.

И это тоже, как говорит деревянный мальчишка Буратино — забавный друг наших ребят,— очень хорошо, даже очень хорошо!

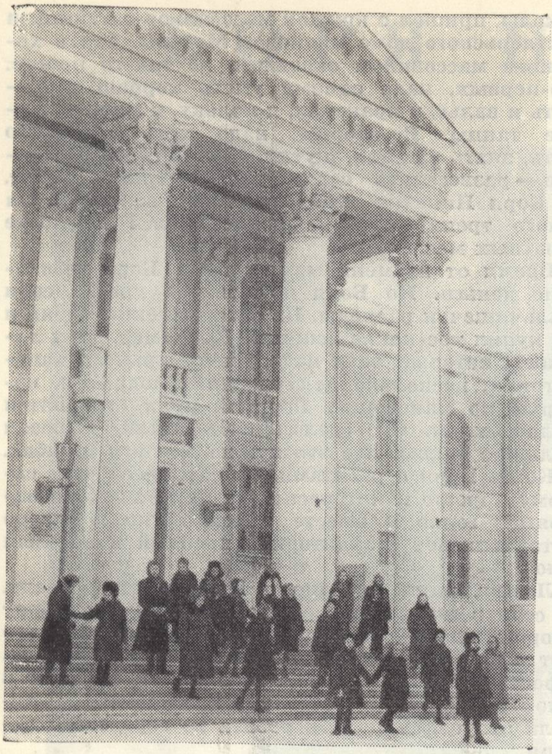
С. БОЛЬШАКОВА

КАК Я БЫЛ КАПУСТОЙ

Владимир ФАЙНБЕРГ

Мне и смешно и грустно
рассказывать о том,
как шли двором Капуста
с высоким Сапогом.
Как около забора
был встречен Кочерга,
как Пню кричали: «Скоро?»
Пень отвечал: «Ага!»
Во двор мы выбегали,
но наши имена —
Володи, Пети, Гали —
мы дома оставляли:
был двор совсем особая страна.
Твое румяно личико —
тебе «Невеста» кличка!
А ты с хромой ногой —
так будешь «Кочергой»!
Ходили мы румяные,
ходили мы, хромая,
как звери безымянные,
на клички отвечая.
Прошло не так уж много лет —
я человека встретил.
Он был когда-то мой сосед,
мы оба были дети.
Но вспомнить имя я не мог,
мне было очень грустно —
не скажешь ведь:
«Привет, Сапог!
Ведь это я, Капуста...»

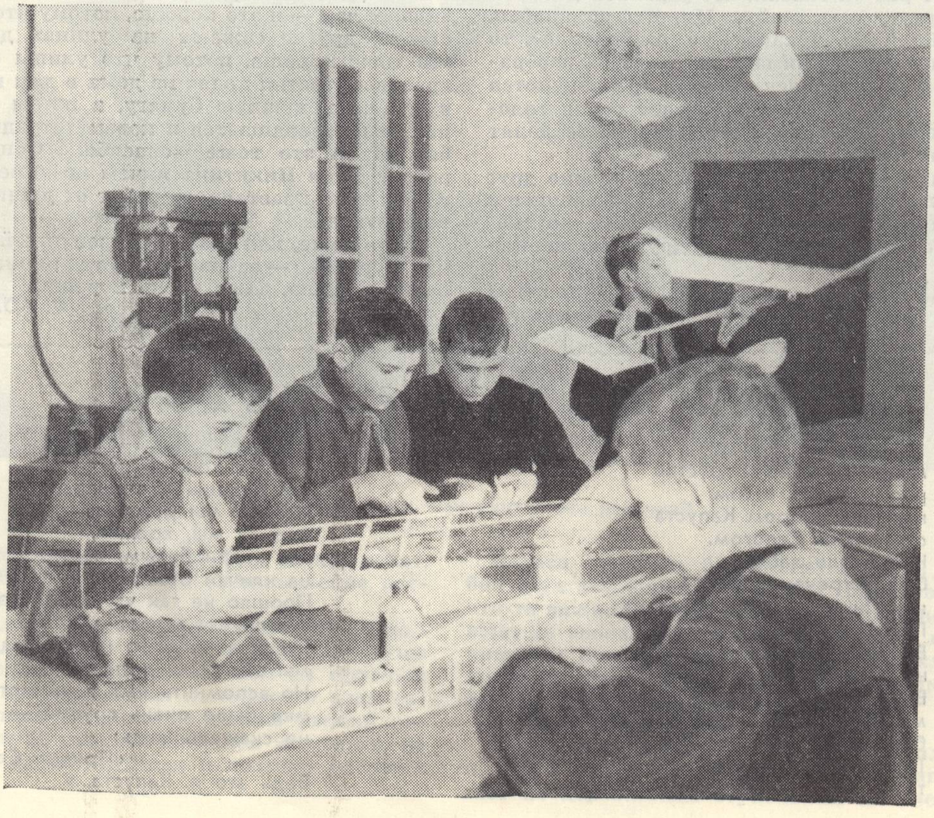
ПИОНЕРСКИЕ НОВОСТИ

ЕЩЕ ОДИН ДВОРЕЦ РЕБЯТАМ

Сталиногорск — город шахтеров. Он родился и вырос на богатых пластах бурого угля. Недавно город украсился чудесным белым дворцом. Это Дворец пионеров, его получили дети шахтеров Сталиногорска в подарок к празднику сорокалетия Октября.

Сотни юных авиамоделистов, радиотехников, кораблестроителей, спортсменов, ботаников, музыкантов и певцов уже успели полюбить свой новый дворец. Весело и интересно проводят они здесь время.

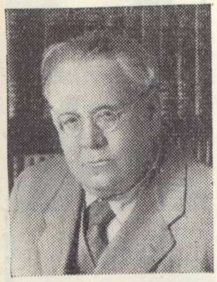

Хотите знать, какие книги для вас пишут?

Каждый год в конце марта проводится Неделя детской книги. В библиотеках, в клубах, в школах ребята встречаются с писателями, делятся с ними впечатлениями о прочитанном, узнают, какие выйдут книги.

Здесь, на страницах нашего журнала, детские писатели рассказывают о своей работе, о новых замыслах, о планах на будущее.

С. Я. Маршак.

Пусть наша книжная неделя
Продлится только до апреля,
Но вы, читающий народ,
Любите книгу круглый год!

Эти строчки я написал, обращаясь к своим читателям.

Работая над книгой, мы уверены, что она попадет в хорошие руки — к чуткому, внимательному и требовательному читателю. Мы не знаем, в какие города, колхозы, поселки поедет наша рукопись, когда она станет книгой. Ребят в стране у нас так много, и почти все они — читатели.

Только через несколько месяцев, а иной раз через год или два после выхода книги мы узнаем, как отозвались на нее те, с кем мы вели непрестанный разговор во время работы над книгой. И так дорог нам дружественный отклик усердного и взыскательного читателя!

Таким читателям я шлю привет ко дню открытия Недели детской книги. Поздравляю их с именинами книги и надеюсь, что авторы припасли к этим именинам для своих читателей хорошие подарки.

С. Маршак

«Люди нового века» — так называется моя новая книга, которая выйдет в ближайшее время. Это рассказы о встречах с людьми, чей труд и подвиг составляют славу нашей Родины, и с выдающимися зарубежными друзьями советского народа.

В книгу войдут рассказы о Маяковском, Горьком, Гайдаре, Отто Юльевиче Шмидте, Чкалове, Циолковском, Зое Космодемьянской, Ромене Роллане, Димитрове, строителях метро, советских моряках в Испании, защитниках Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны.

Недавно я закончил книгу о воспитании художественного вкуса у нашей молодежи. Книга называется «Дело вкуса».

Буду работать над завершением давно начатой большой повести о единстве старшего и младшего поколений советских людей.

Лев Кассиль

Л. А. Кассиль.

Сейчас я работаю над книгой о своем детстве. Это повесть о маленькой девочке, которая жила еще в то время, когда был царь, повесть о Москве того времени, о быте, о бедном люде тогдашних окраин.

Детство девочки протекало на Старой Божедомке (теперь улица Дурова). Тогда там была окраина, в старой Москве там еще коров пасли. В книге показана жизнь бедноты, окружавшей девочку. Молочница, сапожник, портной, белошвейка, слесарь, цветочница, два художника, из которых один спился, а другой умер от чахотки...

Было глухое время перед мировой войной, перед войной 1914 года. Отец девочки часто говорит, что рабочий народ совсем придушили. Но все одергивают его: молчи, мол. Трудно было тогда простому человеку. И даже в школе старой считали: если ты богаче, значит, ты лучше, презирай тех, кто беднее тебя.

В книге нет особенных событий, нет приключений. Мне хотелось показать беспросветность, узость жизни безнадзорных ребят, которые росли сами по себе, как трава.

Сейчас у вас, ребята, есть дворцы, стадионы, театры, а тогда детьми никто не занимался. И мне хочется, чтобы вы поняли, чем вы владеете.

Л. Ф. Воронкова.

Л. Воронкова

Ю. В. Сотник.

Работаю над пьесой о том, как хорошие ребята, сами того не желая, стали хулиганами. Больше ничего рассказывать не хочу, а то вам не интересно будет читать.

Юрий Сотник

Я написала книгу о детстве и юности М. И. Калинина, которая кончается поступлением его на завод. Конечно, мне хочется рассказать и о том, как, став рабочим, Михаил Иванович начинает заниматься революционной работой и вступает в Коммунистическую партию.

Это было в 90-х годах прошлого столетия. Много времени прошло с тех пор, мало осталось людей, знавших Михаила Ивановича в ту далекую пору.

Я стараюсь встретиться со всеми старыми большевиками, кто мог бы мне рассказать о жизни и людях давнего прошлого, а главное, о молодом Михаиле Ивановиче Калинине. Были очень интересные встречи!

Например, с огромной благодарностью и теплым чувством я думаю об Иване Ефимовиче Блинове, старейшем путиловце, который и сейчас работает на Кировском заводе в Ленинграде. На славу поработали его мозолистые, честные руки за шестьдесят с лишним лет!

М. П. Прилежаева.

Он помнит завод, когда многие его цехи представляли собой холодные сараи, покрытые толем, где свободно гулял ветер, когда в ночные смены станки освещались свечами и коптилками, когда хозяева брали с рабочих налог на постройку церкви, когда смена длилась 12—14 часов...

Иван Ефимович рассказывал мне о М. И. Калинине, которого помнит молодым рабочим, страстно влюбленным в свое токарное дело и полным неукротимой революционной энергии. Пожалуй, я не почувствовала бы Михаила Ивановича таким живым человеком, с характером твердым, мечтательным, насмешливым, если бы мне не пришлось встретиться со старым путиловцем Иваном Ефимовичем Блиновым.

Разительное впечатление оставили у меня встречи со старым другом Михаила Ивановича — Григорием Ивановичем Петровским, которого сейчас уже нет в живых.

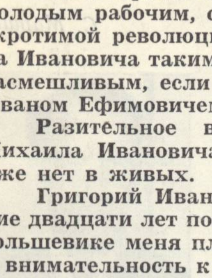
Григорий Иванович — старейший член и деятель нашей партии, в течение двадцати лет после революции председатель ЦИК Украины. В этом старом большевике меня пленили простота, человечность, удивительная деликатность и внимательность к людям.

Помню, как хорошо говорил он о Ленине и Калинине, которых знал близко и работал с ними в самое трудное время предреволюционного подполья и первых лет организации Советской власти.

Григорий Иванович считал очень важным делом создание книг о революционных деятелях и, работая последние годы в Музее революции, охотно и увлеченно подсказывал мне, где и как собирать нужный материал. Беспокоился, как идет у меня дело, ободрял, следил за моей работой и очень, очень помогал мне советом, улыбкой, добрым словом.

Есть пословица: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Так, узнавая близких по жизни и работе друзей Михаила Ивановича, великодушных, благородных и чистых, я понемножку открываю для себя его облик и надеюсь, насколько это в моих силах, нарисовать его в своей будущей книге.

М. Прилежаева

Л. В. Успенский.

Я заканчиваю книгу об именах. Отрывки из нее были напечатаны в журналах «Москва» и «Вокруг света», может быть, вы читали их? Это как бы продолжение книги «Слово о словах», которая выходила раньше.

В новой книге рассказывается об именах собственных, о личных именах, о фамилиях, о географических названиях, о значении и происхождении их.

Лев Успенский

Недавно я закончил книгу «Золотой василек», в которой рассказывается о судьбе молодой учительницы в первые годы Советской власти и в годы гражданской войны и о первых школьниках-комсомольцах.

Сейчас я работаю над продолжением этой книги, где мне хочется показать советских юношей и девушек в теперешние, 50-е годы. Хочется рассказать, как они трудятся, о чем мечтают они, что волнует и что радует их, как складывается их представление о жизни.

А так как я всегда любил Дальний Восток, то и в своих новых книгах я вернулся к этому, прежде столь глухому, отдаленному, а теперь преображенному краю, куда наши стремительные самолеты долетают за несколько часов.

Р. Фраерман

Р. И. Фраерман.

Я задумал книжку веселых стихов для детей, которая называется «Тридцать шесть и пять». Вот одно стихотворение из этой книги.

С. В. Михалков.

У меня опять:
Тридцать шесть и пять!

Озабоченно и хмуро
Я на градусник смотрю:
Где моя температура?
Почему я не горю?
Почему я не больной?
Я здоровый! Что со мной?

У меня опять:
Тридцать шесть и пять!

Живот потрогал — не болит!
Чихаю — не чихается!
И кашля нет! И общий вид
Такой, как полагается!
И завтра ровно к девяти
Придется в школу мне идти
И до обеда там сидеть —
Читать, писать и даже петь!
И у доски стоять, молчать,
Не зная, что мне отвечать...

У меня опять:
Тридцать шесть и пять!

Я быстро градусник беру
И меж ладоней долго тру,
Я на него дышу, дышу
И про себя прошу, прошу:
«Родная, миленькая ртуть!
Ну, поднимись еще чуть-чуть!
Ну, поднимись хоть не совсем —
Остановись на «тридцать семь»!»

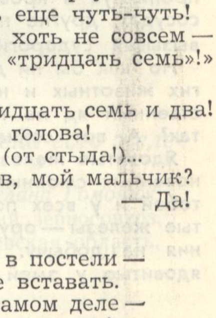
Прекрасно! Тридцать семь и два!
Уже кружится голова!
Пылают щеки (от стыда!)...
— Ты нездоров, мой мальчик?
— Да!

Я опять лежу в постели —
Не велели мне вставать.
А у меня на самом деле —
Тридцать шесть и пять!

Потом я хочу написать для Центрального детского театра новую пьесу под названием «Земля — Луна». Это фантастическая комедия, действие которой происходит в 19.. году в советской семье. Герои пьесы — школьники 14—15 лет, собравшиеся в первую экскурсию на Луну.

С. Михалков

Я работаю над книжкой стихов, которая пока условно называется «По совету читателей». Ребята часто пишут мне письма и дают советы, о чем написать стихи.

Иногда бывает так: ребята жалуются на своего товарища, на какие-то плохие его черты. Они думают, что я напишу стихи об этом их товарище. Но я считаю, что высмеивать надо скорее их: что же они, целый коллектив, а не могут исправить одного человека!

Есть письма от вожатых, от учителей, от мам и пап. И на все письма я хочу ответить. Мне хочется, чтобы получилась книга веселая и серьезная.

Еще я думаю написать книгу о дружбе детей разных стран.

А. Барто

А. Л. Барто.

Почему и отчего

Всегда ли смертелен яд змеи?

Дорогая редакция!

Я хочу спросить, вреден ли яд змеи для ее организма. Когда змея хватает еду, то в еду попадает и ее яд. Почему же змея не погибает?

Люда Цехмейструк,
Ключевский зерносовхоз,
Алтайский край.

С твоим вопросом, Люда, мы обратились к директору Московского зоопарка Игорю Петровичу Сосновскому. Он большой специалист по змеям и другим пресмыкающимся.

Вот что рассказал нам Игорь Петрович Сосновский.

Яды различных змей действуют по-разному. Одни, проникнув в кровь, свертывают ее в кровеносных сосудах, другие поражают клетки нервов и мозга, вызывая судороги и параличи.

Но как бы ни действовали змеиные яды на других животных и на человека, самой змее ее собственный яд не причиняет вреда. Почему же это так? А вот сейчас разберем.

Ядовитые железы у змей образовались из обыкновенных слюнных желез, которые есть и у нас с тобой и у всех позвоночных животных. Эти ядовитые железы — орудие защиты от врагов и нападения на добычу. Превращение слюнных желез в ядовитые у змей произошло не вдруг, не сразу, а постепенно, на протяжении многих тысячелетий. И организм различных змей приспособился к своему яду постепенно, от поколения к поколению.

Больше того: есть животные, которые питаются змеями. В Африке живет птица секретарь. В Индии и в некоторых других странах — различные виды быстрых, ловких, бесстрашных зверьков, мангустов, и, наконец, хорошо знакомый нам ежик. Все они, вступая в бой с ядовитой змеей, стараются избежать укуса своего противника, но не всегда им это удается. И что же оказывается? Их организм тоже приспособился к яду.

Чтобы, например, ежик погиб от укуса змеи, нужна очень большая порция яда. Капелька, которая попадает при одном укусе, не убивает ежа. Но яд одной змеи смертелен для другой. Если кобра укусит гюрзу, гюрза погибнет, а яд гюрзы отравит кобру.

Е. Владимирова

Танцующая фасоль

Когда поставишь воду с фасолью вариться, то фасоль прыгает. Почему это?

Витя Якушин,
город Ош.

Ты, наверно, знаешь, что горячая вода легче холодной? Когда воду нагревают, горячая вода со дна кастрюли устремляется вверх, а на ее место опускается холодная. Вода в кастрюле все время перемешивается, поэтому она не закипает у дна, где нагревается скорее, до тех пор, пока вся вода в кастрюле не достигнет температуры кипения.

Если же на дне кастрюли лежит фасоль, то она мешает перемешиванию горячей и холодной воды, и под фасолинами вода мгновенно закипает.

Образовавшиеся при этом под фасолиной пузырьки пара поднимаются к поверхности воды и увлекают за собой фасолину. Поэтому фасоль и подпрыгивает.

Если, наблюдая «танцующую» фасоль, прислушаться, то можно ясно расслышать при каждом прыжке характерный щелчок. Это «стреляют» пузырьки пара под фасолью.

Ю. Авалиани,
инженер

Чернильное насекомое и нефтяная краска

Меня очень интересует: как делают чернила и почему они горькие на вкус?

Таня Сдобникова,
город Баку.

Раньше, дорогая Таня, чернила изготовляли из «чернильных орешков», чаще всего из «турецких» и «китайских».

«Турецкие» орешки образуются на молодых веточках южного дуба. Насекомое орехотворка прокалывает кожицу молодых веточек дуба и откладывает под нее свои яички. Древесина дуба вокруг яичек разрастается, образуя шарикообразные утолщения, в которых живут личинки орехотворки. Называются эти утолщения галлами.

Галлы «турецкого» чернильного орешка бывают величиной с лесной орех. В их толстых стенках и содержится красящее вещество, из которого раньше делали чернила.

«Китайские» чернильные орешки развиваются на ветвях и листьях китайского растения сумах, вокруг яичек и личинок китайской тли.

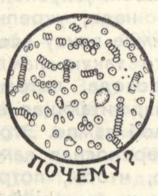
Теперь чернила делают в основном из анилиновых красок, а анилиновые краски получают из нефти и угля. Чтобы чернила не были очень жидкими, в них добавляют клеящие вещества (гуммиарабик или декстрин), а также вещества, предохраняющие чернила от плесени.

Приготовление чернил из анилиновых красителей обходится гораздо дешевле, чем из чернильных орешков. И, кроме того, из красок можно приготовить чернила самых разнообразных оттенков.

Не советуем тебе пробовать чернила языком: они могут быть ядовитыми.

Г. Грин

Железо в крови

Я прочла в одной из газет, что в организме человека есть железо. Как это возможно?

Светлана Гомонюк,
Вознесенский зерносовхоз,
Николаевская область.

Ты, Света, напрасно так удивляешься тому, что в нашем организме есть железо. Правда, его не так уж много. Если собрать все железо, которое содержится в человеке, то его наберется всего три — пять граммов. Но зато какую важную роль оно играет в нашей жизни!

Ты, наверно, уже знаешь, что человек не может жить без кислорода. Мы вдыхаем воздух, а значит, и кислород легкими, из легких кислород попадает в кровь, и кровь разносит его по всему телу. Кровь отдает кислород тканям и уносит образующийся в клетках углекислый газ. В легких кровь отдает углекислый газ, насыщается кислородом и несет его снова к тканям. А углекислый газ мы выдыхаем из легких наружу.

Вот какую важную работу совершает наша кровь. А ты никогда не задумывалась, отчего кровь красная?

Оттого, что в ней есть железо. Оно входит в состав гемоглобина — сложного белкового вещества.

Наверно, ты не раз видела красноватый налет на железных предметах — ржавчину. Ржавчина — это окись железа, соединение его с кислородом. Железо жадно присоединяет к себе этот газ.

И то железо, что есть в гемоглобине, соединяется с кислородом в те доли секунды, когда кровь протекает по крохотным сосудам — капиллярам, ветвящимся в тканях легких. А в мышцах, во внутренних органах соединение кислорода с железом гемоглобина распадается и так же быстро образуется соединение углекислого газа с железом гемоглобина.

Вот почему кровь, текущая от легких и сердца к тканям по артериям, ярко-алая, а кровь, текущая от тканей к сердцу и легким по венам, более темная. В артериальной крови железо гемоглобина соединено с кислородом, а в венозной — с углекислотой.

Запасы железа в теле человека надо обязательно пополнять. И мы это делаем. Каждый день вместе с пищей мы поглощаем от 60 до 100 миллиграммов железа. Оно содержится в мясе животных и в растениях. Особенно много железа в яблоках.

В заключение мне хочется еще сказать тебе, что в человеческом теле, кроме железа, есть еще соединения двадцати двух элементов, двадцать из них — металлы. Это кальций, калий, натрий, магний, медь, марганец, цинк, алюминий, кобальт, никель, мышьяк и другие.

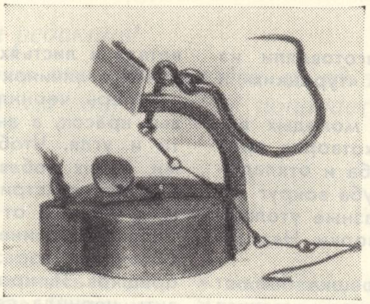
Б. Володин

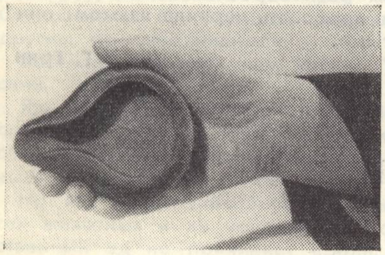

Необыкновенная коллекция

В Москве, в Государственном политехническом музее, хранится необычная коллекция. Ее собирал не один человек, а десятки, может быть, даже сотни людей.

На полках большого застекленного шкафа собраны не марки, не монеты, не минералы. Там собрана коллекция шахтерских ламп всех конструкций, какие применялись в разных странах в разные времена.

Вот на первом снимке античный светильник IV века — первая подземная лампа, применявшаяся в шахтах Египта более полутора тысяч лет назад. Человек не знал тогда керосина: в светильник наливалось масло — сурепное, льняное, конопляное,— и при свете тусклого, коптящего пламени первые шахтеры добывали богатства земных недр.

Прошло много веков, пока человек изобрел фитиль. Казалось бы, что тут изобретать: несколько ниточек, скрученных в одну,— вот вам и фитиль! А между тем это было огромное достижение: между горючим и пламенем появилось расстояние, а значит, меньше стала опасность взрыва, пожара, гибели людей.

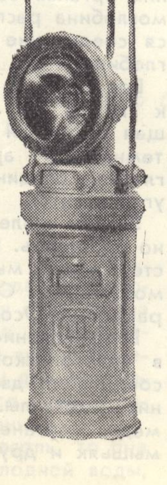
Правда, первые лампы с фитилями были открытые, без стекла. Спуститься в шахту с открытым огнем — огромный риск: ведь в воздухе шахты всегда может скопиться горючий газ метан или гремучая смесь. И уж наверняка там полно мелкой угольной пыли. Попадет эта мелкая пыль на пламя,— будет взрыв, иногда не очень сильный, а то и такой, что ни один человек никогда уже не выйдет из шахты.

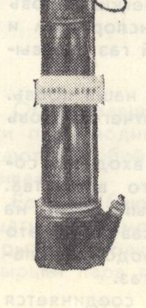
На втором снимке вы видите такую лампу открытого типа. Она называется «бог помощь».

Затем, со временем, появились керосиновые лампы закрытые, со стеклом. Взрывы стали реже, но не прекратились.

И вот в 1816 году произошло то, о чем веками мечтали шахтеры: была изобретена взрывобезопасная рудничная лампа. Изобрел ее английский химик Гемфри Дэви. Эта лампа так и называется лампой Дэви. Имя Дэви стало именем друга для каждого шахтера.

Секрет лампы Дэви очень прост: пламя окружает металлическая (чаще всего медная) сеточка. Эта сетка пропускает воздух к пламени, но не пропускает наружу высокую температуру, так как металл, хорошо проводя тепло, быстро его поглощает и рассеивает. Если же в пламя лампы попадет горючий газ, то он даст лишь легкую вспышку внутри сетки. Взрыва не будет. Эта простенькая лампочка (снимок внизу справа) спасла много тысяч шахтерских жизней.

В 1876 году Яблочков дал миру «русский свет», изобретя первую электрическую лампу. Электрический свет пришел повсюду на смену керосиновой лампе. И под землю, в шахту, протянулись электрические провода, шахты осветил яркий электрический свет. Но провода, идущие от электростанции, хорошо подают питание для неподвижной лампы. А шахтеру нужна такая лампа, которую можно было бы носить в руках, подвешивать в любом углублении забоя, а если надо, укрепить на шапке. На снимке внизу слева вы, ребята, видите такую лампу. Ей не нужны провода, потому что электростанция, питающая ее, находится в самой лампе. Это аккумуляторная переносная лампа.

А для того, чтобы, потребляя немного энергии, эта лампа давала яркий луч света, у нее есть отражатель — рефлектор. Но и на этом не успокоились ученые.

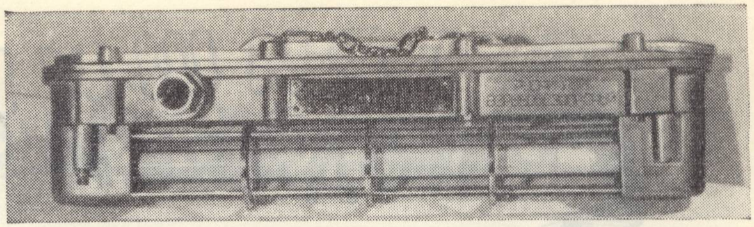
Электрический свет — вещь прекрасная, но человеческому глазу всего нужнее дневной свет, тот, который дает солнце. Шахтер мало видит дневной свет: ведь в глубоком забое нет окон.

Но в последние годы дневной свет пришел к шахтерам. На шахтах появились лампы дневного света. Их свет по составу очень близок к тому, который дает солнце.

Лампы дневного света — это стеклянные трубки, заполненные газом аргоном и парами ртути. При включении тока в трубке возникает газовый электрический разряд, свет которого богат ультрафиолетовыми лучами. Специальные вещества люминофоры преобразуют этот свет в видимый. Люминофорами покрыты стенки трубок. Лампы дневного света

потребляют энергии в три раза меньше, чем обычные электрические лампочки. Электроды ламп дневного света нагреваются незначительно, они не могут воспламенить рудничный газ даже при повреждении стекла.

Здесь, на снимке, вы видите такую лампу.

В редакцию часто приходят письма, в которых ребята, собирающие монеты, просят рассказать о том, как выглядят основные типы монет различных государств, особенно стран народной демократии.

Ребят интересует и то, какие монеты выпускались на территории этих государств раньше, в различные исторические периоды.

В этом номере мы рассказываем о монетах Албании.

Монеты Албании

С 1925 по 1928 год (республика) выпускались монеты:

БРОНЗА: 5 и 10 квинтар лек 1926 года (рис. 2 и 3).

НИКЕЛЬ: ¼ лека 1926—1927 года (рис. 4); ½ лека 1926 года (л. — рис. 6, об. — рис. 1); 1 лек 1926—1927 года (рис. 5).

СЕРЕБРО: 1 франк ари 1927—1928 года (рис. 7); 2 франка ари 1926—1928 года (рис. 8); 5 франков ари 1925—1927 года (л. — голова Зогу, как на рис. 11, но по окружности надпись «Amet Zogu». (об. — рис. 10); 5 франков ари 1925—1927 года, как и предыдущие, но ниже головы Зогу пятиконечная звездочка.

С 1928 по 1939 год (королевство):

БРОНЗА: 1 и 2 квинтар ар 1935 года (рис. 1);

НИКЕЛЬ: ½ лека 1930—1931 года (рис. 6); 1 лек 1930—1931 года (рис. 5).

СЕРЕБРО: 1 и 2 франка ари 1935 года (рис. 11); 1 и 2 франка ари 1937 года (рис. 12).

С 1939 по 1944 год (период итальянской оккупации):

БРОНЗА: 0,05 лека 1940—1942 года (рис. 13) портрет итальянского короля Виктора Эммануила III, как на рис. 15; 0,10 лека 1940—1942 года (рис. 13 и портрет, как на рис. 14).

СТАЛЬ: 0,20 лека (портрет, как на рис. 15), 0,50 лека (портрет, как на рис. 14), 1 лек (рис. 15), 1939—1941 года и 2 лека 1939 года (портрет, как на рис. 14).

СЕРЕБРО: 5 и 10 лек 1939 года (рис. 16. На монете в 5 лек портрет влево).

До установления в Албании народно-демократического строя монеты чеканились на монетных дворах Лондона (L), Рима (R) и Вены (V).

С 1947 года (Народно-демократическая республика)

1 лек = 100 квинтарам (8 копеек).

ЦИНК: ½, 1, 2 и 5 лек 1947 года (рис. 9).

Рисунки даны в ⅔ натуральной величины монеты. Л. — лицевая сторона монеты; об. — оборотная.

ГРИШИНЫ ПОДАРКИ

О. ВЫСОТСКАЯ

Рисунки В. Константинова.

День весенний на дворе,
Солнечный и яркий,
Маме, бабушке, сестре —
Всем готовь подарки!

Вышел Гриша из ворот
Хмурый, невеселый.
Мимо сквера он идет,
Мимо новой школы.

У него серьезный вид,
Сам с собой он говорит:

— Подарить сестре альбом?
Неплохой подарок!
Но держу я марки в нем!
Как же мне без марок?

Вот пятерку б получить!
Мать была бы рада!
Но уроки лень учить,
И в кино мне надо.

Да и что ж я раз в году
К ней с пятеркой-то приду?

Обещать бы бабке старой,
Что не буду спорить с ней?
Так ведь это не подарок!
И потом на сколько дней?

Я, пожалуй, не стерплю,
В тот же день ей нагрублю!

Нет! Куплю им шоколадки!
Пусть подарок будет сладкий!

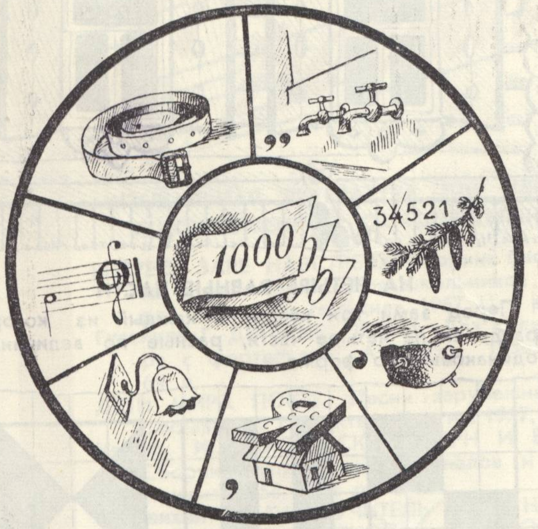
И купил.
Готово дело.
Эх! Обертка хороша!
Шоколадки разглядел он...
Да и съел их не спеша.

Где-то песня зазвучала,
Солнце в небе голубом.
Гриша начал все сначала:
— Подарить сестре альбом?
Да держу я марки в нем!
Ох, забота с женским днем!

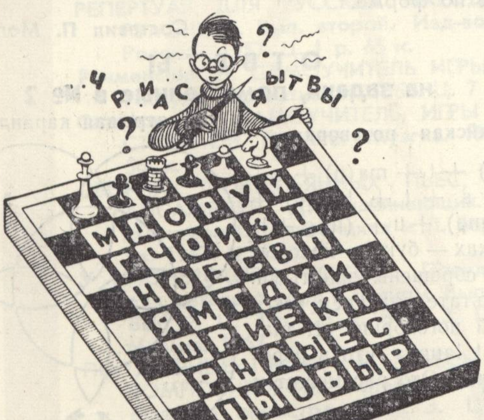

ЗАГАДКА В РЕБУСАХ

Начинайте решать эту головоломку со среднего ребуса. Затем, следуя по ходу часовой стрелки и пропуская каждый раз определенное количество клеток, расшифруйте остальные ребусы. В результате у вас составится текст русской народной загадки. Отгадайте ее.

Составил **Л. Кузнецов.**

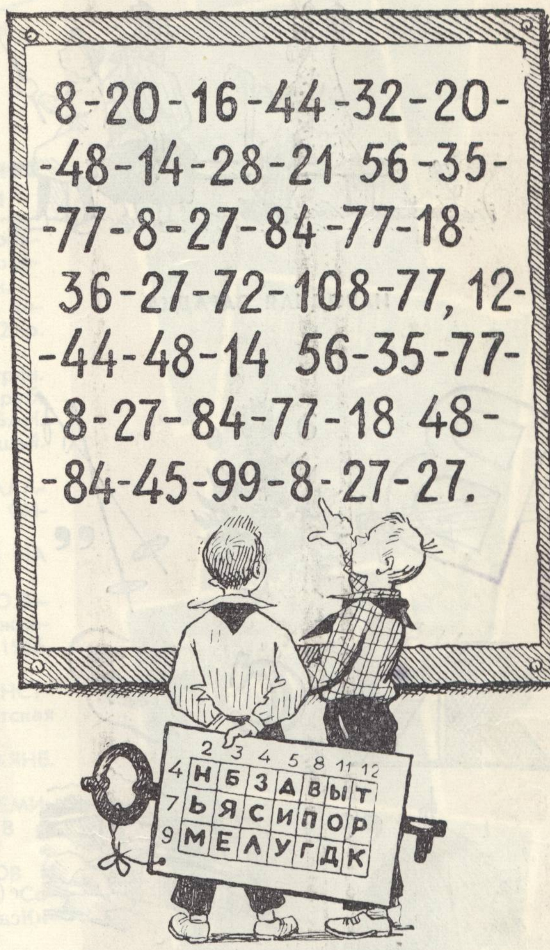

ПУШКИНСКИЕ СТРОКИ

Соответственно значению шахматных фигур попытайтесь установить порядок отбора букв в каждом ряду, чтобы прочитать известные строки из стихотворения А. С. Пушкина. Назовите это стихотворение.

Составил **Ю. Габдрахманов.**

ПРОЧИТАЙТЕ ПЛАКАТ

Пользуясь «ключом», который держит в руках один из мальчиков, прочитайте, что написано на этом загадочном плакате.

Составил **Вячеслав Клочков.**

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

1. В названия каких двух государств входят названия двух других?
2. В названия каких столичных городов мира входят названия двух больших рек?
3. Название какой реки входит в название государства, вблизи которого она протекает?
4. Назовите реку, в название которой входит название другой реки.

Составил **Н. Сарваниди.**

С ПОМОЩЬЮ ДЕДУШКИ, БАБУШКИ И ВНУЧКИ...

Прежде всего познакомьтесь: вот дедушка Яков, вот бабушка Софья, а это их внучка Зоя. Эти добрые люди, конечно, помогут вам разобраться в загадочной надписи, которую вы видите над окнами их домика.

Составил **В. Михайлюк.**

НАРОДНАЯ ЗАГАДКА

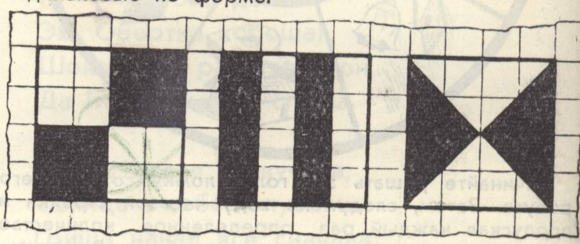

Прочитайте текст народной загадки, зашифрованный в этом ребусе, и дайте ответ на загадку.

Составил **Л. Кузнецов.**

НА ЧЕТЫРЕ РАВНЫЕ ЧАСТИ

Перед вами три квадрата, каждый из которых разделен на четыре части, равные по величине и одинаковые по форме.

Возьмите листок бумаги в клеточку и попытайтесь найти еще девять способов решения этой задачи, соблюдая те же условия,— разделить квадрат на четыре части, равные по величине и одинаковые по форме.

Составил **П. Молоков.**

ОТВЕТЫ
на задачи, помещенные в № 2

Английская поговорка

(P)i (g) + t + ma(p) + k + e(gg) + s + t + he(ad) + cat + la(mp) + u + (le)g + h.

В скобках — буквы, которые в ребусе сброшены запятыми.

В результате получаем текст английской поговорки: «It makes the cat laugh», что в переводе значит: «Это рассмешит и кошку»

Не отрывая карандаша

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 00542. Подписано к печати 27/II 1958 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 274. Заказ № 204

Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. л. 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Ноты почтой

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВПЕРЕД, ЗАРЕ НАВСТРЕЧУ. Сборник песен борьбы и революции. Для школьников и пионеров. «Молодая гвардия». 1957. Ц. 1 р. 35 к.

Гусейнли Г. ДЕТСКИЕ ПЕСНИ. Для солиста и хора с фортепьяно. Азмузгиз. 1956. Ц. 2 р. 65 к.

ДЕТИ МИРА ПОЮТ. Песни зарубежных стран. Составитель В. Локтев. Музгиз. 1957. Ц. 7 руб.

Коваль И. ПИОНЕРСКИЙ ГОРН И БАРАБАН. Сборник упражнений сигналов и маршей. Музгиз. 1956. Ц. 6 р. 15 к.

Лукавихин Н. САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА БАЛАЛАЙКЕ ПО НОТНОЙ И ЦИФРОВОЙ СИСТЕМАМ. Музгиз. 1956. Ц. 8 р. 50 к.

Мохель Л., Зимина О. САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА ФОРТЕПЬЯНО. Музгиз. 1957. Ц. 11 руб.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ № 3 ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ. Песни, игры, танцы в сопровождении фортепьяно и баяна. Музгиз. 1956. Ц. 10 руб.

РЕПЕРТУАР ДЛЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ. Вып. второй. Изд-во «Советская Россия». 1957. Ц. 1 р. 65 к.

Речменский Н. САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА БАЯНЕ. Госкультпросветиздат. 1956. Ц. 7 р. 70 к.

Сазонов В. САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЕ. Музгиз. 1957. Ц. 8 р. 50 к.

СБОРНИК ФОРТЕПЬЯННЫХ ПЬЕС, ЭТЮДОВ И АНСАМБЛЕЙ. Для начинающих. Ч. 1-я. Составители С. Ляховицкая и Л. Баренбойм. Киев. 1957. Ц. 17 руб.

У ПИОНЕРСКОГО КОСТРА. Популярные песни для детского хора с баяном. Вып. 1. Ц. 4 руб. Вып. 2. Ц. 3 р. 25 к. Вып. 3. Ц. 4 р. 25 к. Музгиз. 1957.

ПОПУЛЯРНЫЕ ПЕСНИ И ПЬЕСЫ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ. Репертуар русского народного оркестра. Вып. 3. Ц. 8 р. 40 к. Вып. 4. Ц. 23 р. 80 к. Вып. 5. Ц. 19 руб. «Советский композитор». 1957.

НОТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА.

Заказы направляйте по адресу: Москва, А-171, 1-й Новоподмосковный пер., д. 4, магазин № 102 «НОТЫ — ПОЧТОЙ».

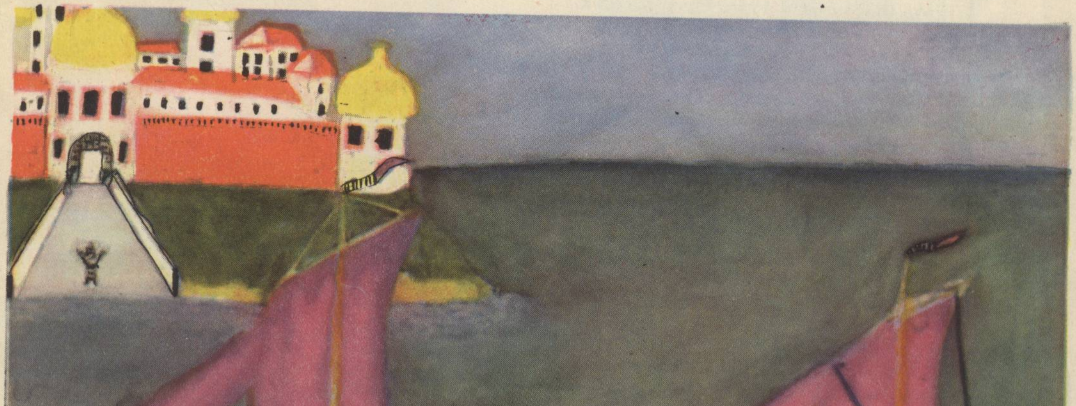
3-35

Цена 2 р. 50 к.

АНТАРКТИДА, СТАНЦИЯ ПИОНЕРСКАЯ.

Рисунок Карена Папазяна (Ереван).

ПРО ЦАРЯ САЛТАНА.

Рисунок Жени Куликова (Киев).